

**ЗЕРКАЛО
БРАХМЫ**

Атма Таттва дас

От редакции

В основе этого рассказа лежат реальные события, однако некоторые имена, названия мест и детали были изменены. Это биографическое повествование об Атма Таттве Прабху, ученике Шрилы Прабхупады, которое раскрывает историю его долгих духовных исканий до встречи с духовным учителем.

Автор с горечью описывает, в какую разрозненную мозаику превратилась ведическая культура в наши дни, подробно рассказывая о многочисленных религиях, течениях и сектах современной Индии. Литературной обработкой книги занимался Е.С. Сухотра Свами, но в 2007 году он присоединился к вечным играм Кришны, поэтому этот труд так и остался незаконченным.

Оформление и редакция:
Шьям Гопал дас (BCaiS)
2021 г.

Атма Таттва дас

Однажды царь полубогов Индра и царь демонов Вирочана пришли к Господу Брахме, желая постичь природу *атмы* — своего истинного «я». Желая испытать их разум, Брахма сказал, что «я» — это отражение, которое человек видит в зеркале или в сосуде с водой. Глупый Вирочана, удовлетворённый таким ответом, вернулся в своё царство и был провозглашён духовным учителем демонов. Им подобное ложное понимание пришлось по душе. Индра же, долго размышляя над словами Брахмы, понял, что этот ответ не может быть окончательным. Не удовлетворившись услышанным, он вновь пришёл к Брахме, чтобы получить истинное знание о своей вечной духовной природе.

«Чандогья Упанишад»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Свет мистического сияния

Глава 2. Могущество лампад

Глава 3. Секреты тантры левой руки

Глава 4. Сквозь ворота мечты

Глава 5. Опять мышь

Глава 6. Я становлюсь «Свами Атманандой»

Глава 7. Похититель ума

Глава 8. Странные Боги юга

Глава 9. Север (не отредактирован, набросок)

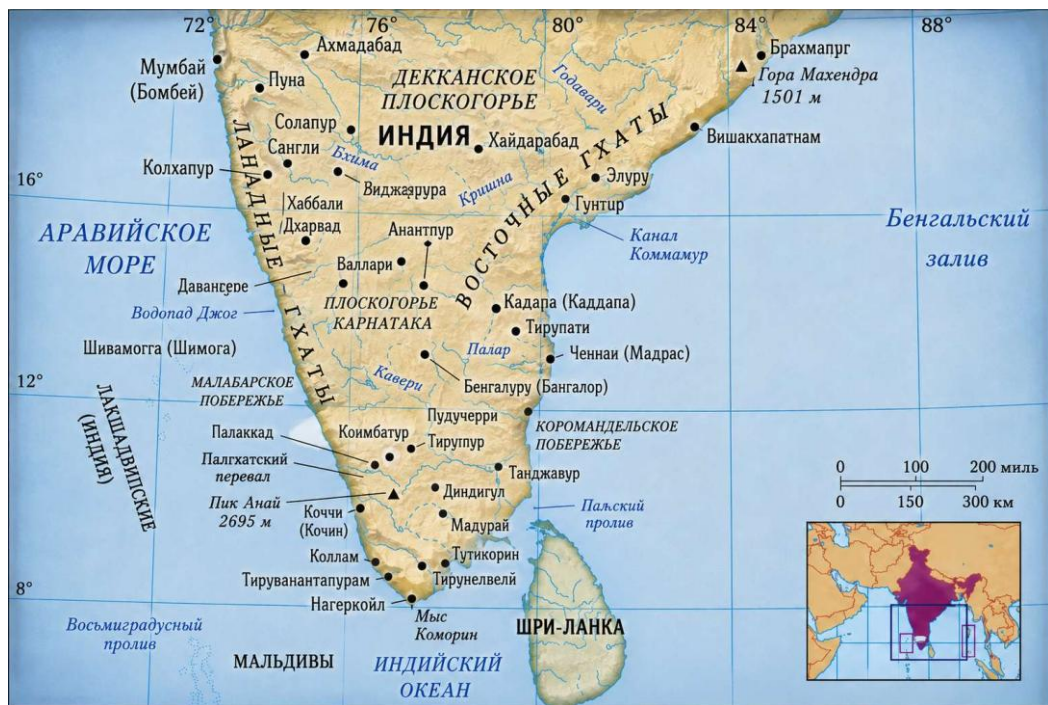
Глава 10. Блуждающий, озадаченный

Глава 11. Вниз с гор, без мудрости

Глава 12. Север 5 (не отредактирован, набросок).

Глава 1. Свет мистического сияния

В 1968 году я покинул родительский дом в Коимбаторе и переехал к своему дяде, С. Баласубраманиану, в город Ернакулам (штат Керала). Незадолго до этого я получил работу в компании «ТВС» (T. V. Sundaram Iyengar & Sons) — ведущей автомобильной корпорации Южной Индии. На заводе в Коймбаторе я зарекомендовал себя как перспективный сотрудник, и мой дядя, входивший в руководство компании, добился моего перевода в недавно открывшийся филиал Sundaram Industries в Каламассери, недалеко от Ернакулама. Дядя занимал должность исполнительного директора, поэтому я поступил на работу в Sundaram Industries с самыми лучшими рекомендациями. Мне было всего семнадцать лет, и я с радостью ожидал нового назначения и перемен в жизни.

Мне нужно было сменить обстановку. Мой юношеский роман (явление, до сих пор редкое для Индии, где браки большинства молодых людей устраивают родители) только что закончился катастрофой. Она была баядеркой (храмовой танцовщицей), и её

семья жила недалеко от нас в Коимбаторе. Её низкий социальный статус пробудил во мне сочувствие: в индийском обществе баядерки стоят всего на ступеньку выше проституток. Я воображал себя её прекрасным принцем и собирался жениться на ней, чтобы спасти от незавидной участи. Но вскоре выяснилось, что отец девушки — хронический алкоголик — не способен содержать семью. Поэтому мать толкнула её на путь проституции, чтобы зарабатывать на жизнь. Я, молодой *брахман* с хорошей работой, только мешал этому семейному бизнесу.

Я прожил в семье дяди шесть месяцев. Этого времени хватило, чтобы подтянуть мой *малайлам* — язык штата Керала. Я немного знал его и раньше, поскольку мои родители были тамилами родом из Кералы. Всё это время дядя обеспечивал меня всем необходимым, так что я мог отправлять почти всю зарплату родителям. Но, овладев языком достаточно свободно, я переехал в небольшой дом, который сам снял в Каламассери. Я жил скромно и продолжал отсылать домой значительную часть своего заработка.

Новое место жительства мне сразу понравилось. Керала — это цветущий край гор, джунглей и протяжённых райских пляжей, куда более приятный для глаз, чем сухие леса вокруг Коимбатора. Но меня привлекали не только местные красоты. Здесь ощущалось нечто, не поддающееся простому объяснению... что-то первозданное и мистическое.

Позже я пришёл к выводу, что дело было в особой внутренней силе и удивительном спокойствии, которые я замечал в глубоко верующих людях. Однако я чувствовал, что для принятия какой-либо веры и обращения к религии мне нужна более глубокая мотивация. Признаться, меня вообще мало интересовали духовные поиски. Зарабатывать деньги, жить в своё удовольствие, тусоваться по выходным с эрнакуламской молодёжью — всё это делало мою жизнь вполне насыщенной.

Однажды утром в офисе я заметил, что Рамнатх — бухгалтер чуть старше меня — пришёл на работу небритым и во всём чёрном. У нас существовал негласный дресс-код, однако никто, похоже, не возражал против его внешнего вида. Кто-то объяснил мне, что Рамнатх каждый год в это время на сорок дней одевается подобным образом ради *враты* (обета), посвящённого божеству Айяппе. Это разжегло моё любопытство. Я ничего не знал о культе Айяппы, кроме того, что это одно из самых популярных религиозных течений в Керале. Я спросил Рамнатха: «Почему ты — парень, который во всём остальном кажется совершенно нормальным, — занимаешься этим?». Чтобы помочь мне лучше понять его образ жизни, он пригласил меня к себе на ужин.

Рамнатх оказался «гуру-свами» в культе Айяппы. Он превратил свой дом в ашрам, где вместе с ним в качестве учеников жили пятеро мальчиков-подростков. Они всегда разделяли общую трапезу. Сейчас, во время сорокадневной *враты*, они съедали всего лишь по одному банану в день. Глубокая преданность обитателей ашрама привела меня в лёгкое замешательство. Среди моих ровесников преобладало легкомыслие, и мне захотелось узнать, почему все здесь настолько серьёзны. В ответ Рамнатх рассказал мне историю Айяппы и традиции поклонения ему.

* * *

Эта история описана в древнем санскритском писании — «Сканда-пуране».

Когда Шива был пленён несравненной красотой Мохини-мурти — воплощения Вишну в женском облике, — силой его мысли был рождён сын. Этого сына назвали Дхарма-шаства. У него было две жены, Пурна и Пушкала, дочери полубогов. Однажды они отпросились у мужа навестить отчий дом, но тот ответил отказом.

Затаив обиду, разгневанный отец девушек проклял Дхармашасту, сказав: «Ты будешь тосковать по своим жёнам так же сильно, как я тоскую по дочерям! Отныне суждено тебе родиться на Земле обычным человеком».

Тем временем на Земле правитель Кералы, бездетный царь Пандалама, усердно молился Шиве, прося даровать ему наследника. Глас свыше повелел царю отправиться в лес к берегам реки Пампы, где он найдёт ответ на свои молитвы. Там царь обнаружил младенца, к шее которого был привязан колокольчик. Он отнёс его к местному мудрецу-отшельнику, чтобы спросить о происхождении мальчика. Мудрец посоветовал забрать ребёнка во дворец и воспитать как родного сына, сказав, что ровно через двенадцать лет царь узнает, кем на самом деле является этот найдёныш.

Царь принёс мальчика во дворец к царице, и ребёнка нарекли Маникантхой, что означает «колокольчик на шее». Через два года у царицы родился собственный сын. Царь одинаково любил обоих мальчиков, однако царица желала видеть на троне только своего родного ребёнка. Она пыталась отравить Маникантху, но чудесным образом яд оказался бессилён. Маникантха совершал и другие чудеса: он вернул зрение слепому мальчику и разгромил шайку разбойников во главе с опасным предводителем Вайаром, которые долгое время терзали царство. Но сердце царицы оставалось к нему холодным.

Однажды царицу поразил недуг: у неё начались сильнейшие головные боли, исцелить которые могло лишь молоко тигрицы. Маникантха бесстрашно отправился в джунгли и вернулся верхом на тигрице в сопровождении её тигрят. Получив тигриное молоко, царица выздоровела. Раскаявшаяся и благодарная, она обняла Маникантху и полюбила его как родного сына.

В то же время в горах Кералы, известных как Западные Гхаты, один благочестивый *брахман* страдал от козней демоницы Махиши, принимавшей облик гигантской буйволицы. Местный правитель был бессилён: одолеть демоницу мог лишь целомудренный юноша, не знавший женщин. Маникантха вызвался помочь и отправился в опасный путь к горе Шабари-Гири. Там он сошёлся в битве с Махиши и поверг её. После гибели чудовища из тела буйволицы появилась прекрасная богиня по имени Малигаипурам. Оказывается, когда-то её настигло проклятие, превратившее её в демоницу. Она знала, что освободить её способен лишь Дхарма-шаста — *манаса-путра* (рождённый силой мысли сын) Шивы. Богиня стала молить Маникантху взять её в жёны. Маникантха ответил: «На вершине Шабари-Гири воздвигнут храмы в нашу честь. Каждый год паломники будут совершать восхождение, чтобы поклониться мне. И я обещаю жениться на тебе в тот год, когда среди пришедших ко мне людей не окажется ни одного целомудренного юноши».

После этого правитель Западных Гхат построил на вершине Шабари-Гири два храма. В главном из них священники совершают ритуальное поклонение большому изваянию из чёрного камня — *мурти* Дхарма-шасты. Верующие также называют его Айяппа, что означает «Бог-Отец». Эта священная статуя изображает божество, сидящее со скрещенными ногами в позе йогической медитации.

Каждый год в январе в храм Айяппы торжественно доставляют драгоценные украшения, которые носил он сам, когда жил на Земле. Священнослужитель возлагает их на *мурти* и совершает обряд *арати* (подношение горящего светильника под звук колокольчика и удары гонга). Когда богослужение завершается, Айяппа являет себя в виде таинственного свечения над вершиной Магнитной горы (Кантамалы). Эту огненную форму Айяппы можно наблюдать с горы Шабари-Гири в течение нескольких минут после захода солнца.

Царь Пандалама обнаружил младенца, к шее которого был привязан колокольчик.

Когда Махисхи умерла, прекрасная богиня Малигаштурам появилась из тела буйвола.

Маникантиха – «колокольчик на шее». Другие его имена Шабари, Шашита, Аяппа

Пурна / Айянар / Пушкала

Бронза. XVII–XVIII вв.
Южная Индия (штат Тамилнад)

Мурти Аяппы (держашего целебат) и его двух жён Пурны и Пушкалы

Айяппа лично передал царю, построившему храм, правила соблюдения ежегодной *враты* — священного обета. Только те, кто неукоснительно им следует, способны увидеть над Магнитной горой огненную форму божества. Главное правило обета — *брахмачарья* (целибат и воздержание). Женщины также могут совершать эту врату, но лишь в том случае, если они не находятся в детородном возрасте (девочки или пожилые женщины). В этот период ко всем паломницам обращаются исключительно по имени «Малигаипурам», а мужчин называют «Айяппан».

Под конец сорокадневного поста паломники совершают восхождение на Шабари-Гири, чтобы присутствовать на *пудже* (богослужении) перед священным *мурти*. Они могут выбрать один из двух путей. Первый, более короткий и физически лёгкий маршрут длиной в четыре километра, предназначен для новичков. Другая дорога гораздо длиннее и опаснее: идущим по ней предстоит преодолеть шесть горных перевалов и вброд перейти четыре реки. Считается, что паломника, нарушавшего правила *враты*, в пути может укусить змея или растерзать тигр. Но даже если нарушителю обета удастся добраться до цели, он столкнётся с последним препятствием — самим храмом Айяппы, возведённым по сакральному плану.

От вершины горы к входу в храм ведут восемнадцать каменных ступеней, и легенда гласит, что на каждой из них стоят грозные духи-хранители, защищающие святилище от нечистых сердцем людей. Того, кто соблюдал обет ненадлежащим образом, эти стражи остановят и не позволят войти в храм.

Свои подношения и провизию паломники несут на голове в специальных тканевых узелках. Каждый из них берёт с собой кокос, который через верхнее отверстие наполняют *ghi* (традиционным топлёным маслом), после чего отверстие запечатывают воском.

Паломники с кокосами, наполненными гхи, несущие их на головах

Толпа паломников у храма Шабаримала

Божество Аяппы (оригинальное, редкое фото)

В храме это масло выливают на *мурти* во время *абхишеки* (ритуального омовения статуи божества). Стекая с *мурти*, масло собирается в специальный сосуд, после чего верующие принимают это *гхи* внутрь как *прасад* (священный дар и милость). Рамнатх утверждал, что лично знал многих людей, которые, испив этот *прасад*, исцелились от самых разных недугов.

* * *

Когда Рамнатх рассказывал о чудесах, связанных с почитанием Айяппы, я скептически пытался найти им более рациональное объяснение, нежели божественная сила. Однако его вера оставалась непоколебимой. Он спокойно и уверенно отбил все мои словесные нападки и сказал: «Если у тебя действительно научный склад ума, проверь мои слова на практике. Соблюди *врату* под моим руководством и посмотри, что произойдёт. Иначе что можно понять из пустых расспросов? Наш ашрам — это школа практики, а не теории».

Я согласился, тем более что обет длился всего месяц и одну неделю. Его соблюдение вовсе не означало, что я обязан поклоняться Айяппе до конца своих дней.

Если вы родились в Индии, то с молоком матери впитали легенды о богах и чудесах. И хотя меня раздражала слепая вера большинства индусов в истории, подобные той, что рассказал Рамнатх, сам я действовал ничуть не рациональнее. Ведь, начитавшись западных философов, я столь же слепо всё это отвергал. Поэтому я решил хоть раз в жизни провести объективный эксперимент и прикоснуться к нашей мистической индийской культуре на практике.

Неукоснительно соблюдая *врату*, я съедал всего один большой банан в день и больше ничего не брал в рот. Трижды в день я воспевал имена Айяппы в его храме в Каламассери. Я носил чёрные одежды, отпустил бороду и гнал прочь любые

мысли о женщинах. Постепенно эта аскеза даже начала мне нравиться: она развила во мне глубокую сосредоточенность, которая невероятно помогала в повседневной жизни. Благодаря ей моя работоспособность в офисе заметно выросла, что сразу же отметило руководство.

Перед отправлением в паломничество *гуру-свами* должен был провести в своём доме ритуал наполнения наших кокосов топлёным маслом *ghi*. Дом Рамнатха находился в городе Тричуре. Когда кокосы были готовы, он велел каждому из нас попросить у Айяппы благословения в награду за ту великую аскезу, которую мы почти завершили.

«Мне ничего не нужно», — ответил я Рамнатху.

«Это неверный настрой, — возразил он. — Просто попроси Айяппу о каком-нибудь благословении — о чём угодно, чего тебе хочется, — и скажи об этом мне. После паломничества ты увидишь, что твоё желание сбылось. Это докажет тебе могущество божества».

Я заупрямился: «Извините, но это похоже на торг. Я совершаю этот обет ради познания».

«Послушай! — рассердился он. — Я здесь *гуру-свами*. Я совершал эту *врату* и паломничество уже пять раз и знаю, как всё делается. Если хочешь продолжать с нами духовную практику, ты должен делать то, что я говорю. Ты обязан о чём-то попросить».

«Хорошо, но о чём? Приведите пример».

«Почему бы тебе не попросить о чём-нибудь, связанном с работой? Повышение по службе, например, или перевод в другое место?»

«Но зачем беспокоить Айяппу такими мирскими пустяками? Повышения я могу добиться и собственными усилиями. Если всё это поклонение нужно лишь ради того, чего я способен достичь сам, тогда я никуда не пойду. Какой в этом смысл? С тем же успехом я мог бы просто взять сверхурочные в офисе».

Поняв, что его юный ученик ищет неопровержимых доказательств духовной ценности этого паломничества, Рамнатх сдался: «Ну хорошо. Тогда не проси о мирском. Но будь добр, соблюди правила *враты*. Попроси о том, что способен даровать только Айяппа».

«Я иду туда ради того, чтобы увидеть священное сияние. Пусть это и будет моей просьбой: я хочу увидеть огненный лик Айяппы над Магнитной горой».

Этот ответ его полностью устроил.

Поскольку это было наше первое паломничество, группа под руководством Рамнатха пошла по короткому четырёхкилометровому маршруту. Мы влились в огромную толпу «*Айяппанов*» и «*Малигаипурам*», среди которых было даже несколько кинозвёзд (их появление вызвало в рядах паломников заметное оживление). «Какая ирония, — думал я. — Чёрные одежды призваны уравнивать всех паломников, стереть границы между высшими и низшими. Мы называем друг друга „Айяппан“, чтобы помнить: здесь все мы — лишь простые слуги божества». Однако человеческую природу не изменить, и привычки мирской иерархии просочились даже сюда. Тут и там слышалось: «актёр-Айяппан», «брахман-Айяппан», «адвокат-Айяппан» или «доктор-Айяппан».

Возле реки Пампы находится святилище разбойника Вайара. Когда мы подошли к нему, там молилась группа керальских мусульман, почитающих его как святого. Паломники-Айяппаны

свободно общались с ними, на время забыв о любых кастовых и религиозных различиях. У святилища Вайара мы совершили обряд обсыпания пеплом, поверх которого нанесли на тело разноцветные точки. После этого *гуру-свами* раздал нам пять видов традиционного оружия, с которым мы должны были отправиться к Шабари-мокше — месту, где Айяппа даровал освобождение демонице Махиши.

Поскольку я совершал паломничество впервые, Рамнатх дал мне стрелу. Идущие во второй раз несли булавы, в третий — мечи, в четвёртый — луки, а в пятый — копья. Пританцовывая, мы прошли два километра до Шабари-мокши, всю дорогу непрерывно распевая: «*Свами дин-така-дум, Айяппа дин-така-дум*». Эти ритуальные танцы и пение постепенно вводили нас в состояние транса.

Шабари-мокша расположена в двух километрах от реки Пампы. Там мы сложили своё оружие именно на том месте, где когда-то замертво рухнула поверженная Махиши. Мы с благоговением наблюдали, как праздничная процессия из носильщиков, жрецов и музыкантов вынесла из расположенного на вершине храма *мурти* богини Малигаипурам.

Считается, что богиня спускается к людям, чтобы проверить, есть ли среди паломников новички — целомудренные юноши, совершающие восхождение впервые (их называют «*кани-Айяппан*»). Присутствие хотя бы одного *кани-Айяппана* означает, что свадьба Айяппы и Малигаипурам в этом году снова откладывается. Убедившись в этом, процессия торжественно удалилась.

Тем временем мы, паломники, остались ждать у Шабари-мокши прибытия священных украшений Айяппы из Пандалама. Именно в Пандаламе рос Маникантха во дворце своего приёмного отца. Шествие со священными реликвиями возглавлял

человек, который, находясь в глубоком трансе, нёс перед собой меч Айяппы.

Высоко в небе над человеком, несущим меч, плавно кружил белоголовый орёл. (Обычно такие птицы не водятся в Керале, однако этот орёл неотступно сопровождал процессию от самого Пандалама до Шабари-мокши). Когда шествие остановилось на короткий привал, птица улетела, но стоило паломникам двинуться дальше, как в небе появился другой орёл, который парил над носителем меча до самой вершины Шабари-Гири.

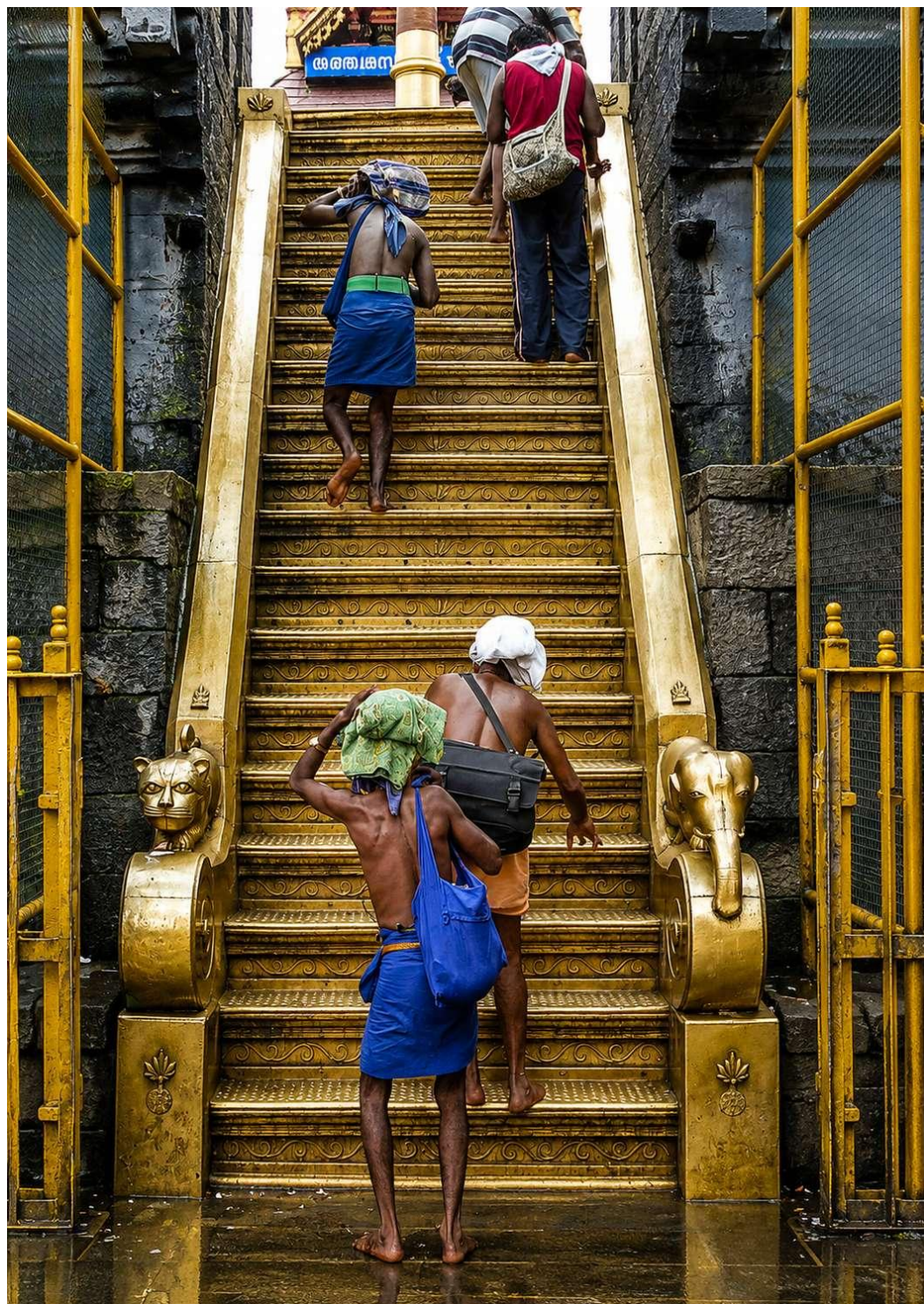
В составе процессии мы медленно поднимались к вершине горы. Восемнадцать узких каменных ступеней, ведущих к святилищу, нужно было преодолеть, удерживая на голове узелки с подношениями. После *пуджи* паломники спускаются спиной вперёд, чтобы не поворачиваться к храму неуважительно. Я сам видел, как некоторые люди оступались и с испуганным вскриком теряли равновесие: удержаться в таком положении невозможно, и человек неизбежно скатывается по ступеням до самого низа. Мне же удалось подняться без каких-либо происшествий, после чего я встал в очередь на *абхишеку*.

Когда подошла моя очередь, я вылил масло из своего кокоса на небольшое *мурти* Айяппы, отлитое из *панча-лохи* (традиционного сплава пяти металлов).

Тем временем за закрытыми дверями главного святилища жрецы облачали большое изваяние Айяппы из чёрного камня в священные украшения и оружие, доставленные из Пандалама. В сумерках под торжественные звуки фанфар двери алтаря запахнулись. И в этот самый момент над Магнитной горой, прямо между Вечерней звездой (Венерой) и ещё одним светилом, возникло таинственное танцующее сияние. Я заворожённо наблюдал это явление около пяти минут, пока оно не растворилось в темноте.

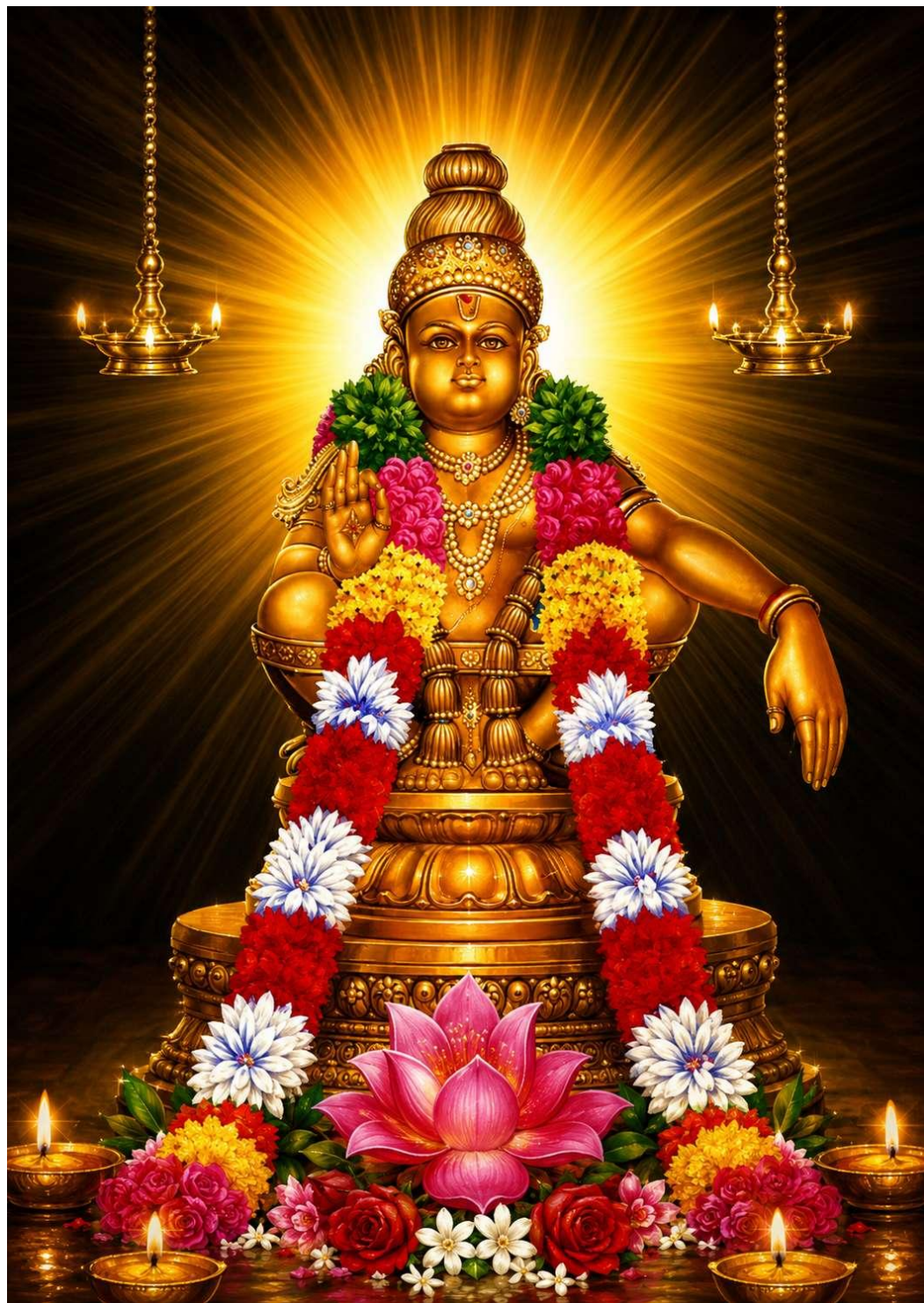
Меч Аяпты (очень редкий снимок)

18 каменных ступенек Шабари Гури

Вынос мурти богини Малигаипурам. Храм Аяппы.

Изображение Айяппы, которому его преданные поклоняются дома

Я был глубоко потрясён увиденным. Спускаясь с Шабари-Гири, я твёрдо решил посвятить часть своего времени дальнейшему изучению эзотерических и сверхъестественных явлений. Впрочем, я по-прежнему не был готов жертвовать ради этого своими представлениями о материальном счастье.

* * *

Я жил один в коттедже, принадлежавшем мусульманской семье, прямо через дорогу от завода «Сундарам Индастриз». На работе я проявлял большое усердие и быстро продвигался по служебной лестнице. Каждое утро, перед тем как уйти в офис, я зажигал ритуальные лампы перед изображением Айяппы в своей комнате.

А возвращаясь на обед, я садился перед алтарём и читал «Вишну-сахасранам-стотрам» («Тысячу имён Вишну»). Это была единственная санскритская молитва, которую я знал: я выучил её с отцом ещё в детстве. Хозяин дома, мусульманин, был очень рад видеть мой строгий распорядок дня и искренне считал, что моё присутствие приносит благословение его дому и семье. Я крепко подружился с его сыном Ахмадом, моим ровесником.

В то же время я вёл жизнь обычного мирского человека, хотя и в более мягком, традиционном индийском варианте. Как и прежде, я ходил в кино и общался с современными сверстниками обоих полов. Тогда мне и в голову не приходило, что однажды я разом отвергну все эти банальные удовольствия. Но в ту пору мне удавалось сохранять удачный баланс между двумя противоположными сферами бытия — религиозно-мистической и обыденной.

В священный праздник *Махашиваратри* уважаемый *санньяси* (монах) Его Святейшество Шри Джайендра Сарасвати Свамигал приехал в Эрнаулам, чтобы возглавить торжественные

богослужения в честь Шивы. Хотя ему было всего пятнадцать лет, его пожилой *гуру* уже назначил этого молодого человека Шанкарачарьей — главой Камакоти-питха, важнейшего монастыря богини Дурги в Канчипураме, штат Тамил-Наду. Его влияние среди *айяров* (*смарта-брахманов* Южной Индии) было настолько велико, что его по праву можно было назвать их Папой Римским. Чтобы попасть к нему на аудиенцию, мы с Ахмадом ранним утром сели в автобус и прибыли в Эрнаулам около трёх часов ночи.

Спустя час мы уже стояли перед покоем, где остановился Джайендра Сарасвати со своей свитой. Зал находился на первом этаже храма Шивы, где проводились религиозные обряды. У входа в спальню дежурил непальский охранник в униформе.

«Все спят», — сказал он нам.

«Мы не побеспокоим их, — ответил я. — Мы проделали долгий путь, чтобы увидеть Его Святейшество. Он, должно быть, уже встал в такой ранний час».

Охранник кивком головы указал, где находится *свами*. Осторожно перешагивая через пару дюжин спящих *смарта-брахманов*, вповалку лежавших на полу общего зала, мы пробрались к занавешенному дверному проёму в дальнем конце помещения. Рядом с дверью в кресле спал ещё один *брахман*; его голова свесилась на грудь, и он громко храпел. Из-за занавески пробивался тусклый свет голой электрической лампочки и доносилось тихое чтение санскритских молитв. Мы с Ахмадом вошли внутрь.

Молодой человек в оранжевых одеяниях сидел на циновке и повторял *мантры*. Позади него, прислонённый к стене, стоял бамбуковый посох. Мы совершили традиционный земной поклон, коснувшись лбами пола (я заранее отрепетировал этот жест с

Ахмадом, так что он знал, как себя вести). *Свами* благословил нас, дав каждому *акшату* (щепотку сырых рисовых зёрнышек, окрашенных куркумой в жёлтый цвет), и пригласил сесть.

Он спросил, откуда мы пришли. Я ответил, что мы живём в Каламассери, а я работаю в «ТВС». Он одобрительно кивнул: компания «ТВС» пользовалась большим уважением в общине *брахманов*.

С мальчишеской улыбкой — такой простой и открытой, что можно было вмиг забыть о его высоком сане, — он предложил: «Я буду проводить здесь праздничную церемонию и возглавлю шествие через весь город. Хотите присоединиться к нам?».

Я виновато улыбнулся в ответ: «Мой рабочий день начинается в восемь. К этому времени я уже должен быть в Каламассери. Именно поэтому я приехал в такую рань».

Затем я процитировал известный афоризм Неру (с лёгкой иронией, поскольку всегда считал эту фразу банальностью): «Работа — это поклонение».

Но *Свамиджи* не заметил моей иронии и понимающе кивнул: «Да, да, очень хорошо».

В этот момент в комнату заглянул *брахман*, который до этого спал в кресле снаружи. С любопытством взглянув на нас с Ахмадом, он доложил о приходе пожилой супружеской пары *брахманов*. Его Святейшество согласился принять их. Вошли старики, простерлись на полу перед *свами* и получили его благословение.

Дрожащим голосом старик взмолился: «Свадьба моей дочери... пожалуйста, помогите нам!».

*Шри Джаендра Сарасвати Свамигал, (1935-2018)
Свами-глава Камакоти Питха, важнейшего храма Дурги в Канчипурам (Тамил Наду).*

Указав на своего помощника-брахмана, Джайендра Сарасвати сказал старику: «Он выдаст вам золото на приданое для твоей дочери».

Но старик не унимался: «Кроме того, жениха подобрали не совсем удачно. Не могли бы вы посоветовать для неё более подходящую партию?».

Свами закрыл глаза и молча сложил ладони в *пранамамудре*. Он не открывал глаз до тех пор, пока просители не удалились. Когда они вышли, он хлопнул себя ладонью по лбу, покачал головой, посмотрел на меня и произнёс: «Я — *санньяси*, отшельник, но эти домохозяева идут ко мне за деньгами. Ну ладно, у храма есть фонд помощи бедным *брахманам*, я могу выделить им средства оттуда. Но после этого они требуют, чтобы я ещё и жениха для их девушки выбирал! Разве я отрёкся от мира ради того, чтобы работать свахой?». Затем, желая перевести разговор на более приятную тему, он спросил меня: «У тебя есть ко мне вопросы?».

«Только один, Ваше Святейшество, — ответил я. — Вы бодрствуете и читаете *мантры*, а все ваши *брахманы* спят. Почему так?».

Его глаза округлились от удивления: «Как? Они всё ещё спят?».

Тут в разговор вставил слово Ахмад: «Да, дрыхнут без задних ног! Так смешно смотреть, как их толстые животы поднимаются и опускаются».

Заговорив при Джайендре Сарасвати впервые, Ахмад своим выговором и манерой речи сразу же выдал, что он мусульманин. Джайендра Сарасвати внезапно застыл: согласно строгим кастовым правилам общины *смарта-брахманов*, иноверцу не

дозволялось даже помышлять о том, чтобы переступить порог личных покоев Шанкарачарьи.

Чтобы сгладить возникшую неловкость, я поспешно сказал: «Мой друг встал посреди ночи в этот священный праздник, чтобы приехать сюда и получить ваш *даршан*, в то время как ваши собственные *брахманы* беспробудно спят. Разве он не достойнее их? В конце концов, он не виноват, что родился мусульманином, — он не выбирал свою судьбу. Но он глубоко почитает Шиву».

«Любой, кто встаёт до рассвета в этот священный день, обретает благословение Шивы», — заметно смягчился *свами*.

«А благословит ли Господь Шива мусульманина?» — прямо спросил Ахмад.

«Шива — это *Брахман*, Высшая Реальность, — ответил Его Святейшество. — А для *Брахмана* нет различий между индуистом и мусульманином».

«Тогда почему, — спросил я, — в объявлениях о вашем шествии сказано, что оно „только для индуистов“? Почему не написать просто — „для всех людей“?».

Его Святейшество лукаво улыбнулся и ответил: «Я как раз и пытаюсь сделать этих индуистов людьми».

Напряжение окончательно растворилось во всеобщем мальчишеском веселье, и мы дружно рассмеялись его остроумной шутке. Затем *свами* позвонил в маленький гонг. В дверях тут же вырос непальский охранник. «Возьми ведро ледяной воды и вылей на этих *брахманов*! — приказал Его Святейшество. — Только посмотри: даже мусульманин пришёл сюда за *даршаном* в такую рань, а они до сих пор валяются!».

Охранник молча поклонился и вышел. Непальские *гуркхи* славятся тем, что выполняют любые приказы беспрекословно. Через минуту-другую из зала донёсся громкий плеск воды и возмущённые вопли проснувшихся. Вдоволь насмеявшись, мы с Ахмадом почтительно поклонились *свами* и отправились на работу.

* * *

После пережитого на Шабари-Гири я каждый месяц стал ездить на автобусе в храм Гуруваюр, чтобы увидеть *мурти* Господа Васудевы. Это божество знаменито на всю Индию тем, что с удивительной милостью отвечает на молитвы больных и страждущих.

Там я познакомился с *брахманом* Анджамом Намбудури — бывшим коммунистом. Этот человек посвятил свою жизнь тому, чтобы по памяти читать в храме «*Шримад-Бхагаватам*». «*Шримад-Бхагаватам*» — это монументальное санскритское писание о философии преданного служения, почитаемое всеми *вайшнавами*. Каждый день перед множеством паломников в храме Анджам Намбудури наизусть цитировал сотни стихов. Местные жители почитали его как святого.

В одну из своих поездок в Гуруваюр я от начала до конца выслушал его чтение. Он начал выступление с мелодичного напева восьми санскритских стихов «*Шикшастики*». Я никогда прежде не слышал об этом писании. Затем он перевёл эти стихи на малаялам.

Эти восемь стихов поразили меня в самое сердце: «Я не знаю другого Господа, кроме Кришны, и Он останется моим Господином, даже если грубо обнимет меня или разобьёт моё сердце, не показываясь мне на глаза. Он абсолютно волен делать всё, что пожелает, и при любых обстоятельствах навсегда останется моим Господом, которому я поклоняюсь».

Когда Анджам Намбудири закончил чтение «*Шримад-Бхагаватам*» и толпа разошлась, я подошёл к нему и представился. Он согласился ответить на несколько моих вопросов. Я сказал, что хочу больше узнать о «*Шикшааштаке*». Его глаза тут же наполнились слезами.

С дрожью в голосе он ответил: «Я не тот человек, которому следует задавать подобные вопросы. Моё сердце слишком чёрство, я не способен ответить тебе должным образом. Мой ум настолько осквернён чувственными желаниями, а разум так испорчен бесконечными умствованиями, что я не в силах постичь истинный смысл „*Шикшааштаки*“».

Поначалу я превратно понял его слова.

«Сэр, при всём моём уважении к вам, откуда вам знать, что я настолько осквернён и испорчен, что не способен понять „*Шикшааштаку*“? Может быть, вы просто начнёте объяснять, а там посмотрим — пойму я или нет? В конце концов, я человек образованный...».

Он поднял руку и жестом прервал меня: «Нет, не ты! Я имел в виду, что это я слишком осквернён и испорчен, чтобы понять „*Шикшааштаку*“. Как же я смогу объяснить её тебе?»

Я был потрясён. Прежде мне никогда не доводилось слышать, чтобы *брахман* считал себя недостойным.

Он продолжил: «Всё, что я могу тебе сказать: эти восемь стихов около пятисот лет назад написал Шри Чайтанья».

«Кто такой Шри Чайтанья?» — допытывался я.

По его щекам потекли слёзы: «Если я попытаюсь ответить, то навлеку на себя проклятие, потому что не смогу ответить

правильно. Моё понимание слишком поверхностно. Шри Чайтанья даровал людям величайшее благословение, но сегодня его сокровенно хранят лишь несколько святых во Вриндаване. Ты знаешь, что такое Вриндаван?».

«Я там не бывал, — ответил я, — но о Вриндаване слышали все. В этом месте родился Кришна, там Он танцевал с девушками-пастушками».

«Да, да. Вот туда тебе и нужно отправиться, чтобы узнать о Шри Чайтанье».

Я сменил тему разговора: «Как получилось, что вы стали ежедневно читать „*Шримад-Бхагаватам*“ в храме?»

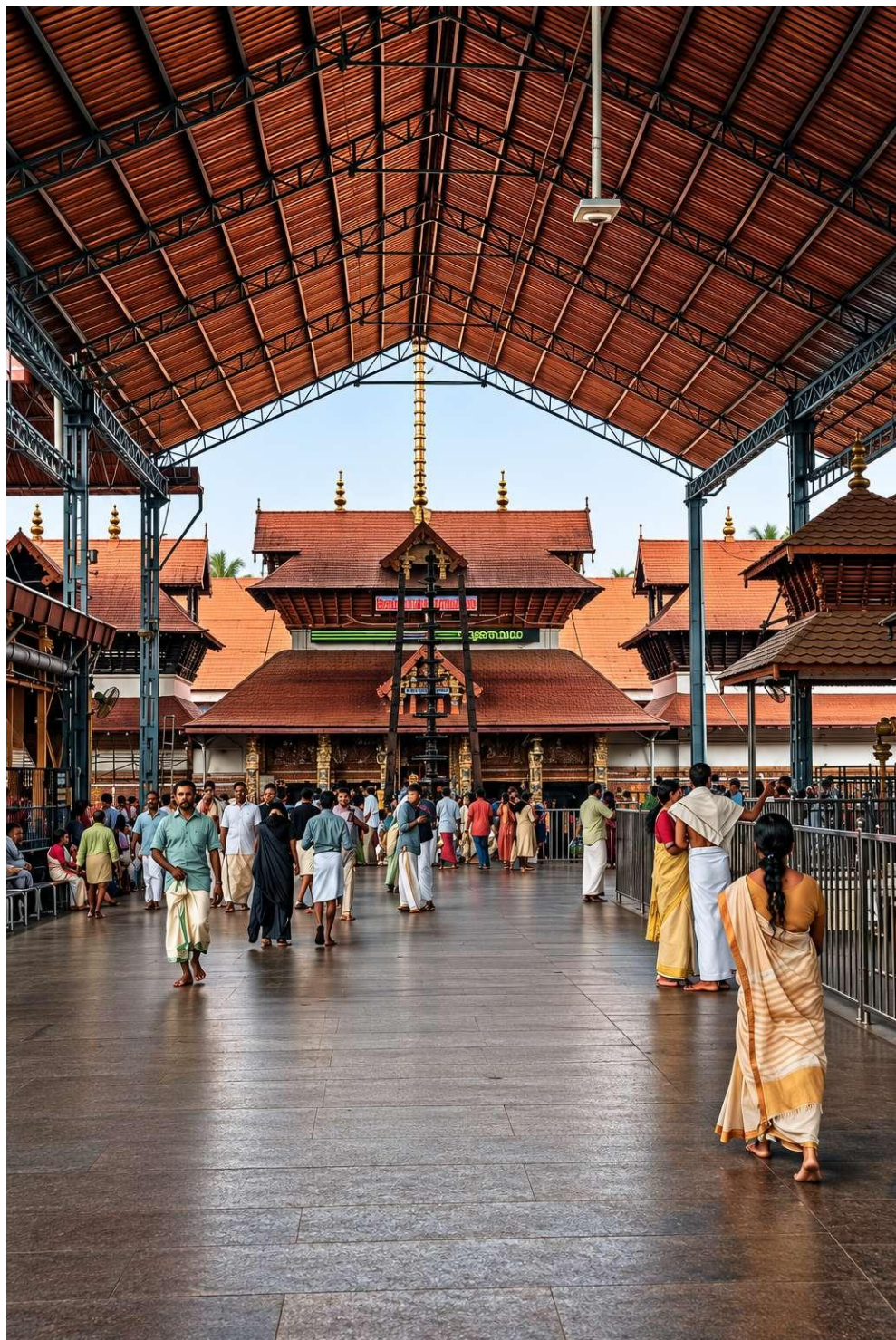
И он начал свой рассказ...

* * *

«Много лет назад я был убеждённым марксистом и радикальным активистом. Я вообще не верил в Бога. Однажды я приехал сюда, чтобы организовать демонстрацию Коммунистической партии. Марш должен был начаться прямо от храма Гуруваюр, поскольку это самое приметное место в городе. В то время я жестоко страдал от несварения желудка: я совершенно не усваивал твёрдую пищу — от всего начиналась рвота.

Так совпало, что мой дядя служил главным священнослужителем этого храма. Из уважения к нему я решил зайти поздороваться. Дядя угостил меня тарелкой *параманны* — традиционного риса, сваренного в сладком молоке.

Я отказался: „Прости, но я не могу есть твёрдую пищу. Мне сразу становится плохо“.

Гуруваяур, штат Керала, Индия.

Божество Васудевы в Гуруваяуре

Параманна.

Рецепт: 6 чашек молока, 2 чашки варёного риса, 1 чашка сахара или порошкового пальмового сахара, 1/4 чашки смеси изюма и кешию, жаренных в масле гхи, 4 стручка кардамона (смолотые в порошок), 1 столовая ложка гхи. В большой кастрюле с толстым дном смешайте молоко и сахар. Варите, пока сахар не растает, и молоко немного не загустеет. Добавьте вареный рис, изюм, кешию, масло гхи и молотый кардамон. Тщательно перемешайте и варите на слабом огне ещё 15 мин., пока смесь не станет одним целым. Погасите огонь и держите закрытым крышкой несколько минут. Можно есть как тёплым, так и охлаждённым.

Но дядя возразил: „Не бойся, это тебе не повредит. Ничего плохого не случится“.

Я стоял на своём: „Нет, правда не могу. Если я это съем, меня тут же вырвет“.

А он спокойно ответил: „Это же *прасад*. Даже если тело его отторгнет, твоя душа всё равно получит духовную пищу“.

Чтобы порадовать дядю, которого не видел столько лет, я всё-таки съел эту *параманну*. После этого я вернулся к своим партийным делам. К моему величайшему удивлению, во время всей демонстрации я не почувствовал ни малейшего недомогания! Когда марш закончился, я вернулся в храм, чтобы снова поговорить с дядей. Я сказал ему: „Представляешь, после этого сладкого риса мне совсем не было плохо. Ума не приложу, почему так?“.

А он ответил: „Ты и сам знаешь почему“.

„С чего бы мне знать?“.

„Но ты же коммунист! А коммунисты, как известно, знают всё на свете, разве нет?“.

Сказав это, он лукаво улыбнулся. Это был его вызов: раз у тебя есть материалистическое объяснение чему угодно, попробуй объяснить это!

Я попросил: „Дай мне ещё *параманны*“.

Я съел ещё три, а потом и четыре порции риса — и снова ничего плохого не произошло! На следующий день я пошёл к врачу и сдал анализы. Доктор был удивлён ничуть не меньше моего.

„Поразительно! — воскликнул он. — Твой организм снова способен переваривать пищу. Похоже, тебе подходит именно это блюдо. Узнай, как они готовят эту *параманну*, и вари её для себя дома“.

Я вернулся в храм и съел огромную тарелку *параманны* вместе с четырьмя *аппамами* (традиционными сладкими хлебцами из рисовой муки). И мой желудок снова всё прекрасно усвоил.

Мой дядя сказал: „Не думай, что дело в какой-то особой диете. Это милость самого Господа Гуруваюраппана Васудевы к тебе“.

„Знаешь, — возразил я, — я не верю ни в какие чудеса. Но я очень благодарен тебе за то, что ты открыл мне блюдо, которое мой желудок способен принимать“.

Я нанял повара-брахмана, чтобы он готовил для меня *параманну* в точности по храмовому рецепту. Повар сразу предупредил: „Я могу сделать всё в точности как в храме, но если эта *параманна* не предложена Божествам на алтаре, она не будет иметь ту же силу“.

Я отрезал: „Я плачу тебе за готовку, а не за проповеди!“.

„Вот увидишь“, — спокойно ответил он.

Я съел тарелку *параманны*, приготовленной моим новым поваром. На вид, аромат и вкус она была абсолютно такой же, как та, чем угощал меня дядя. Но стоило мне её проглотить, как меня тут же вырвало! Этот случай пошатнул мою уверенность в материализме. Я прямиком направился в храм и рассказал обо всём дяде. Он лишь произнёс: „Кришна, Гуруваюраппан!“ — и ушёл в алтарь к своим Божествам. Закончив *пуджу*, он вышел и увидел, что я всё ещё стою и жду его.

Поняв, как сильно я сбит с толку, дядя сказал: „Тебе необходимо принять *врату* и сорок дней служить Божествам. Всё это время питайся только *прасадом* Кришны. Тогда ты исцелишься полностью“. И я последовал его совету. А потом начал вот так наизусть читать «*Шримад-Бхагаватам*». Разумеется, мои товарищи по Коммунистической партии пришли в ярость.

Я ответил им: „Поймите, если нет жизни — нет и политики. Дайте мне просто выжить!“.

Я оставил политику и с тех пор живу здесь. Теперь я могу есть абсолютно любую пищу, но только при одном условии: она должна быть предварительно предложена Божествам».

На этом Анджам Намбудури закончил свой рассказ...

* * *

На меня произвело глубокое впечатление искреннее смирение Анджама Намбудури, и его рассказ попал в самую точку. Ведь раньше я точно так же критиковал всё религиозное. Однако я по-прежнему не был готов отказаться от своей свободы ради того душевного покоя, которого достиг он, пожертвовав всем.

«Пусть мне будет дозволено изредка заглядывать за завесу этого мира, чтобы увидеть, что находится по другую сторону, — думал я про себя. — Но переступать этот порог я не собираюсь. А вдруг я застряну в том, другом мире и уже не смогу вернуться?».

Тогда я даже не задумывался о том, что произойдёт, если я застряну прямо на этом пороге, впустую теряя время между двумя мирами.

Глава 2. Могущество лампад

Вскоре я стал известен руководству «Сундарам Индастриз» как новая восходящая звезда. Я начинал младшим ассистентом, составлявшим служебные записки в отделе кадров, но быстро дорос до негласного статуса «офисного героя», берясь за задачи, которые другие не могли выполнить быстро или искусно.

Спустя всего несколько месяцев после моего приезда моё тщеславие было в полной мере удовлетворено: меня назначили главным помощником начальника отдела кадров. Я также быстро понял, что, будучи племянником главного управляющего, могу позволить себе игнорировать принятый дресс-код. Согласно негласному правилу, сотрудники обязаны были носить белую рубашку, заправленную в брюки.

Мой же наряд состоял из *курты* и *лунги*. *Курта* (традиционная индийская рубашка из неокрашенного хлопка) была длинной, до самых колен. *Лунги* (белый саронг, популярный на юге Индии) во время ходьбы я носил подвёрнутым вокруг ног, а когда садился за стол, распускал его так, что он свободно ниспадал до самого пола. Венца этому эксцентричному образу добавляли длинные волосы и пышные усы с лихо закрученными вверх кончиками.

Однажды в офис вошёл какой-то худощавый человек с прилизанными назад волосами и странным блеском в глазах. Он стал ходить от стола к столу, собирая пожертвования. Незнакомец был одет в лунги и простой кусок хлопковой ткани, обёрнутый вокруг торса. Его лоб украшала точка из *синдура*, выдававшая в нём *шакту* (почитателя *Девы*, олицетворяющей Божественную Мать). Я узнал в нём представителя высшей керальской касты *брахманов*, известных как *намбудури*. Их часто побаиваются, поскольку за ними закрепились слава людей, обладающих мистическим могуществом. Вся его манера держаться казалась какой-то театральной и женственной, что показалось мне нелепым. Тем не менее каждый сотрудник беспрекословно протягивал ему несколько рупий.

Преданный Девы (шакта) из брахманской касты Намбудри

Увидев меня и мой необычный наряд, он, видимо, принял меня за простофилю. Не говоря ни слова, он молча протянул руку, с заискивающей улыбкой потупив взор.

«На что это?» — раздражённо спросил я.

«Я собираю пожертвования на местный храм *Бхагавати*, в котором служу. Я хочу устроить пышное празднество в честь богини».

«Я не дам вам ни копейки», — отрезал я и уткнулся в свои бумаги.

«Но я слышал, что вы человек очень религиозный...».

Хотя после эксперимента с Айяппой во мне действительно проснулся интерес к духовной жизни, я по-прежнему питал глубокую неприязнь к ленивым и алчным жрецам-*брахманам*. Я искренне не понимал, с какой стати обязан отдавать ему свои деньги.

«Говорю же: я ничего вам не дам».

«Выбирайте выражения, молодой человек!» — надменно огрызнулся он.

Его высокомерие разожгло во мне злость: «А то что? Что вы мне сделаете?».

Жрец повернулся к остальным сотрудникам офиса и бросил: «Объясните ему, кто я такой».

Коллеги посмотрели на меня с явным неодобрением. «Ты должен дать ему хоть что-нибудь, — предостерегающим шепнул мне один из сослуживцев. — Он же последователь *тантры*!».

Мои глаза округлились от притворного удивления.

«О-о-о! — изобразил я крайнюю степень изумления. — *Тантрик*? Ну, раз так... тогда я тем более ничего вам не дам!».

Жрец предостерегающе поднял указательный палец и направил его прямо на меня: «Я приказываю тебе прийти в мой храм в эту пятницу. Там ты на собственной шкуре познаешь моё могущество!».

Стараясь говорить как можно равнодушнее, я парировал: «В пятницу, говорите? Что ж, боюсь, вы сильно пожалеете о своём приглашении. Я уже повидал на своём веку всякое могущество — в том числе и могущественную глупость. Не надейтесь, что меня можно так просто провести».

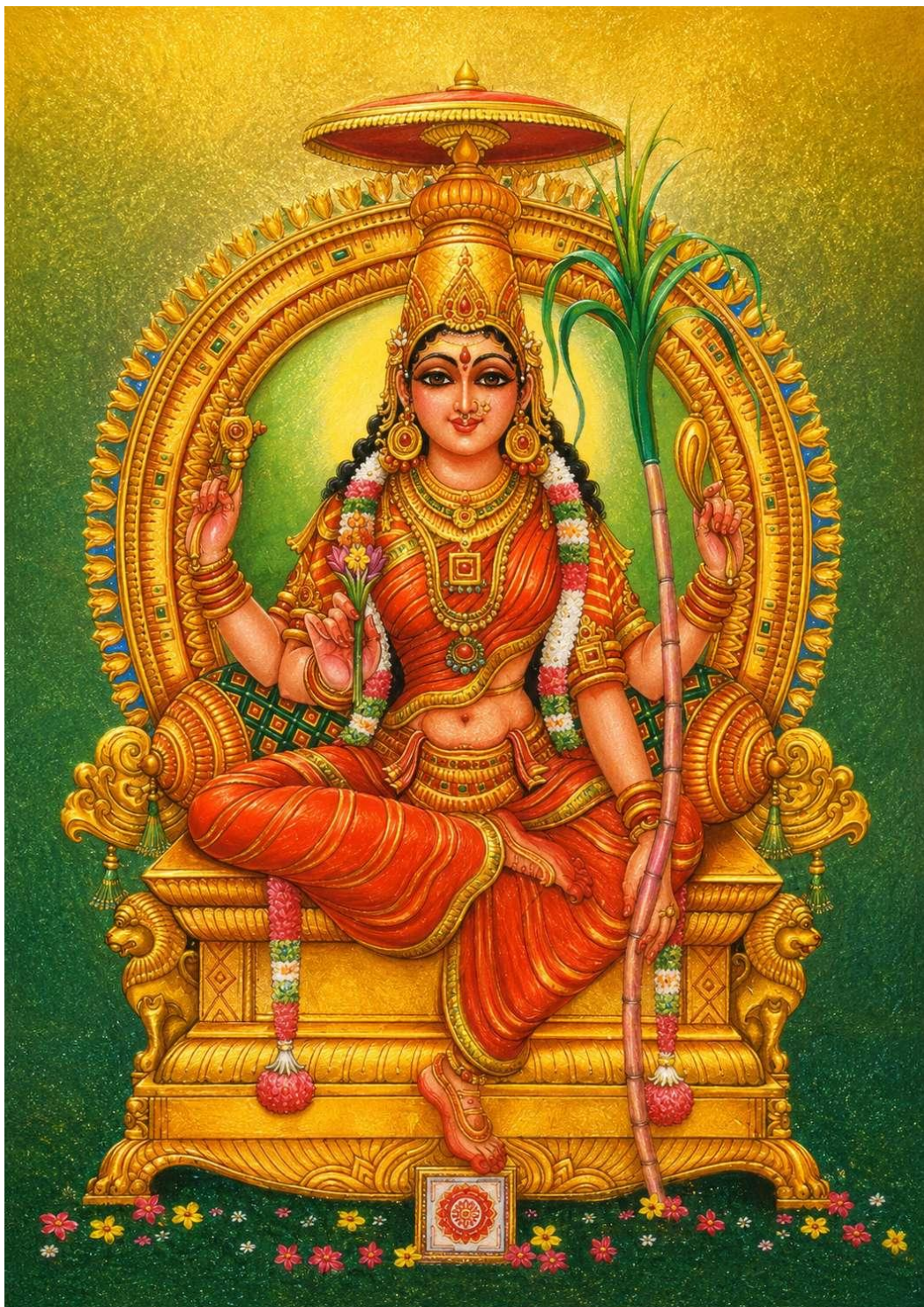
С напыщенным видом жрец удалился из офиса.

«Ты мог бы просто дать ему две рупии и избежать всей этой сцены! — укоризненно покачал головой один из коллег. — К чему эта бессмысленная дерзость?».

«Мне просто захотелось понять, с какой стати все вы сегодня так трясётесь и спешите расстаться со своими деньгами».

«Глупец, это же был *тантрик*! С такими людьми нужно быть осторожнее!».

Я лишь презрительно фыркнул в ответ и вернулся к работе. И всё же в пятницу я решил наведаться в этот храм, прихватив с собой Ахмада. Мы шли туда в приподнятом настроении, ожидая увидеть в лучшем случае трюки дешёвого фокусника, а в худшем — унылый фарс. Так или иначе, мы рассчитывали неплохо развлечься.

Бхагавати Деві, Мать Природа (мулапракрити)

Бхагавати, которую также называют *Девы*, *Махамайей*, *Дургой*, *Парвати* и множеством других имён, — это божественная *Шакти* (космическая энергия), известная в материальном мире как Мать-Природа (*мулапракрити*). В Индии ей поклоняются люди, желающие обрести её земные дары: *рати* (чувственные наслаждения), *бхути* (богатство и процветание), *тушти* (удовлетворение), *пушти* (прогресс и благополучие) и тому подобное.

Деревенские святилища, устроенные вокруг почитаемых деревьев и посвящённые *Бхагавати*, — самое обычное дело в индийской глубинке, и храм в Каламассери как раз принадлежал к их числу. Он располагался на берегу живописного пруда и представлял собой крошечную кирпичную постройку, возведённую прямо вокруг старого дерева. Внутри этой комнатки, прямо в дупле ствола, и находился алтарь богини.

Когда мы с Ахмадом подошли ближе, то увидели толпу местных жителей, выстроившихся в две шеренги по обе стороны от входа в храм-дерево.

Верующие слаженно, в один голос воспевали молитву: «*Амме-Нараяна, Девы-Нараяна, Лакшми-Нараяна, Бхадра-Нараяна...*»

В этом песнопении перечислялись священные имена *Бхагавати*, прославляющие её как неотделимую энергию Господа Нараяны (Вишну).

Пуджари-шакта приехал с работы на велосипеде (он трудился на химическом заводе). Оставив велосипед на берегу пруда, он прямо в одежде прыгнул в воду. Выбравшись на берег в насквозь промокшей одежде, с которой струями стекала вода, он вошёл в крошечное святилище и закрыл за собой дверь. Оттуда тут же послышался звон колокольчика и монотонное чтение *мантр*.

Один из храмов Бхагавати в Керале

Толпа неистовствовала, громко распевая песни под ритмичный, нарастающий бой барабанов. Везде виднелись смуглые, бородатые, давно не стриженные мужчины; молодёжь была одета в футболки с яркими принтами.

Они обменивались безумными взглядами, их глаза и зубы дико поблескивали в полумраке, а тела сотрясались в судорожных, всё более агрессивных движениях. Женщины стояли позади мужчин и, зажмурившись и нахмутив брови, раскачивались в такт музыке; некоторые хлопали в ладоши или скидывали руки к небу. Внезапно под громкие ликующие крики собравшихся дверь святилища распахнулась. Жрец-*шакта* провёл *арати* — ритуал, во время которого перед *мурти* круговыми движениями предлагают благовония и горящую латунную лампаду.

Отставив лампаду в сторону, он вышел из комнатки и принялся прыгать по кругу на прямых ногах, держа стопы вместе, словно птица. Я услышал, как кто-то восхищённо закричал: «Он в трансе!». Любому человеку западной культуры это зрелище показалось бы жутким, даже бесовским. Но у нас с другом оно вызвало лишь ощущение примитивности и невероятную смехоту.

Обезумевший жрец скакал сквозь толпу, зажав в руке пучок разноцветных нитей, якобы исцеляющих от всех болезней. Поравнявшись со мной, он театрально провозгласил: «Я явлю тебе духовный мир! Не смей сомневаться в том, что видят твои глаза!».

Он запрыгнул на лежавшую неподалёку грудку камней и согнулся пополам, бешено вращая головой во все стороны. Затем он громогласно объявил: «На этом самом месте я воздвигну огромный храм! А эти камни превратятся в священные *мурти* для поклонения!».

Внезапно выпрямившись, он потребовал у меня денег на *вада-малу* (ритуальную гирлянду из *вады* — традиционных южноиндийских пряных лепёшек), чтобы предложить её этим камням, когда те изменят свою форму. Безуспешно пытаюсь сдержать смех, я презрительно фыркнул: «Простите, но я ничего вам не дам».

Он смерил меня взглядом, содрокаясь в картинном приступе презрения. Толпа, успевшая плотным кольцом обступить нас, угрожающе затихла. Сорвавшись на женский визг, *шакта* бросил мне вызов: «А-а-а, так ты мне не веришь?».

«Нет», — спокойно ответил я.

Он велел кому-то принести кокос. Схватив орех обеими руками, он со всей силы разбил его о собственную голову.

«Это доказывает лишь то, что у вас очень крепкий череп», — непримиримо пожал я плечами. Ахмад громко расхохотался. Его смех тут же подхватила толпа; это немного разрядило напряжённую обстановку, но ничуть не смутило жреца.

«Сейчас ты узришь истинное доказательство моей силы! Жди здесь!».

Он вернулся в святилище и завершил богослужение. Тем временем толпа стала расходиться, понимая, что представление окончено. Ахмад тоже ушёл: происходящее окончательно потеряло для него интерес. Я же остался слоняться поблизости, дожидаясь, когда *шакта* закончит. Меня зацепила его глупая, но упрямая решимость во что бы то ни стало что-то мне доказать. Вскоре он вышел и повёл меня в свой скромный дом, стоявший буквально в двух шагах от пруда.

По всей комнате в беспорядке валялись самые разные оккультные предметы и ритуальные принадлежности: странного

вида клинки, устрашающие маски, изображения вытарщенных глаз, искусственные клыки. В одном из углов стоял массивный, высотой около двух футов (полуметра), латунный светильник с пятью горящими масляными фитилями. Прямо над ним, примерно на четыре фута выше, свисала с потолка на цепи ещё одна масляная лампа. На маленьком деревянном столике позади светильников лежал ритуальный меч.

Взяв меч в руки, *шакта* смерил меня злым, прищуренным взглядом: «Ты всё ещё мне не веришь?».

Скорее из любопытства, чем из страха перед его выходками, я ответил: «Нет...»

Он поместил меч прямо в пустое пространство между двумя лампадами. Спустя мгновение он медленно опустил руки. Меч остался неподвижно висеть в воздухе.

«Позвольте-ка взглянуть, как вы это делаете», — произнёс я, делая шаг к нему.

Вместо того чтобы броситься наперерез и остановить меня, как я ожидал, он остался стоять на месте с победоносной ухмылкой. Я схватил меч и дернул изо всех сил. Я не смог сдвинуть его с места ни на волосок! Я провел рукой над клинком и под ним. Никаких лесок или проволок.

Жрец тихо хихикал, глядя на моё растущее замешательство: «Похоже, ты никак не поймёшь, в чём секрет этого фокуса?».

«Да, — признался я, стараясь говорить как можно спокойнее. — Меч не может просто так висеть в воздухе. Так в чём же фокус?».

«Это сила *тантры*. А вовсе не фокус».

Я промолчал, не зная, что на это ответить.

Повернувшись к двери, чтобы выйти, он бросил через плечо: «Я вернусь через минуту. Можешь изучать это чудо сколько твоей душе угодно».

Я досконально обследовал обе лампы и сам меч со всех сторон. Нигде не было ни малейшего намёка на подвох или фальшивку.

Вскоре он вернулся. В его голосе звучал вызов всем неверующим, коих я в тот момент олицетворял, когда он твёрдо заявил: «Через две недели я намереваюсь провести здесь праздник. И если люди не пожелают помочь мне добровольно, я буду вынужден применить силу *тантры*, чтобы всё устроить».

«Позвольте мне помочь вам», — неожиданно для самого себя произнёс я. Меня совершенно заворожил таинственный блеск меча в колеблющемся свете масляных ламп, — «Я сам организую для вас весь праздник».

Каково бы ни было рациональное объяснение, я признал, что этот магический меч — самое удивительное зрелище из всего, что я когда-либо видел в жизни; он впечатлил меня даже сильнее, чем чудесное сияние над Шабари-Гири. Раз уж я пошёл за Рамнатхом, чтобы увидеть огненный лик Айяппы, то почему бы не последовать за этим человеком, чтобы больше узнать о *тантре*? Стоило мне признать его силу, как всё его бахвальство мигом испарилось.

Он тепло и открыто улыбнулся мне: «Давай будем не просто друзьями, а соратниками в *тантре*. Ты разумный молодой человек и всему быстро научишься, если будешь делать всё правильно».

Праздник в штате Керала

На следующий день я вернулся, и он представил меня своим прихожанам. Те приняли меня с глубочайшим почтением, видя во мне образованного и благочестивого молодого *брахмана*. Они искренне верили, что я приехал из далёкого Тамил-Наду специально для того, чтобы помочь их священнику. Я смело нарушил кастовые барьеры: я свободно обнимался с ними, заходил в их простые жилища и помогал всем, чем только мог. Всем этим я быстро завоевал их безраздельную поддержку и уважение.

За неделю до фестиваля я собрал деревенскую молодёжь, и мы дружно занялись украшением города: мы убирали улицы, договаривались об аренде слонов, закупали фейерверки и рассылали почётные приглашения местным политическим лидерам. Здесь мне как нельзя кстатигодились организаторские навыки, полученные на работе в офисе.

Я отпечатал красочные листовки с изображением *мурти* Бхагавати. Я лично разносил их по домам, предлагая за символическую плату, и в итоге мы собрали столько денег, сколько наш *пуджари-шакта* за всю свою жизнь не видывал. Праздник продолжался четыре дня. Каждый день я лично возглавлял торжественную процессию через весь город, пустив впереди двух наряженных слонов. Для такого небольшого поселения, как Каламассери, это стало грандиозным событием, о котором потом вспоминали годами. Когда фестиваль завершился, я наладил регулярный сбор пожертвований среди местных индуистов. Благодаря этому *пуджари-шакта* больше никогда не знал нужды.

Вскоре после этого мусульмане из соседней деревни попросили меня организовать для них праздник в местной мечети. Я с успехом справился и с этой задачей. Полагаю, в то время у меня были все шансы стать влиятельным лидером среди местного населения.

Примерно тогда же в наш филиал «ТВС» перевёлся из Калькутты некто Муралидхаран Карта. Мы быстро подружились. Его семья жила в Эрнауламе, и однажды он повёз меня туда, чтобы познакомить с родными. В тот же вечер мы отправились в храм Чоттаниккара-Бхагавати-питхам — важнейшее в тех краях святилище, посвящённое богине *Девы*. Мы приехали как раз к полуночной *пудже*.

Храм был возведён в традиционном керальском архитектурном стиле: это было лаконичное, компактное сооружение с низкой черепичной крышей, напоминающей пагоду. Небольшой внутренний дворик освещался рядами масляных светильников, подвешенных на латунных цепях. Стены покрывали замысловатые узоры, исполненные глубокого мистического смысла.

Я спустился по узкой каменной лестнице в углубление под главным алтарём. Там я стал свидетелем ритуала, совершаемого перед священным камнем, который, по поверьям, из года в год увеличивался в размерах. В мерцающем оранжевом пламени масляных ламп я наблюдал, как на полу мелом вычерчивают белую *мандалу*, а на стены наносят знаки красным *синдуrom*. Потолок был украшен волокнами банановой коры и свежими листьями. Повсюду стояли диковинные фигурки, слепленные из белой рисовой муки. Весь этот древний, самобытный культ оказывал на сознание почти осязаемое гипнотическое воздействие.

Из углубления в полу прямо сквозь потолокросло огромное дерево, раскинувшее свои ветви над внутренним двором. На моих глазах в это подземное святилище привели группу людей, одержимых злыми духами. Каждого из них намертво привязали за прядь волос к гвоздю, вбитому в ствол священного дерева. В приступе безумия несчастные начинали неистово мотать головой, пока не вырывали волосы с корнем. Считалось, что вместе с

оставшейся на гвозде прядью их покидал мучивший их злой дух; и действительно, все признаки одержимости после этого мгновенно исчезали.

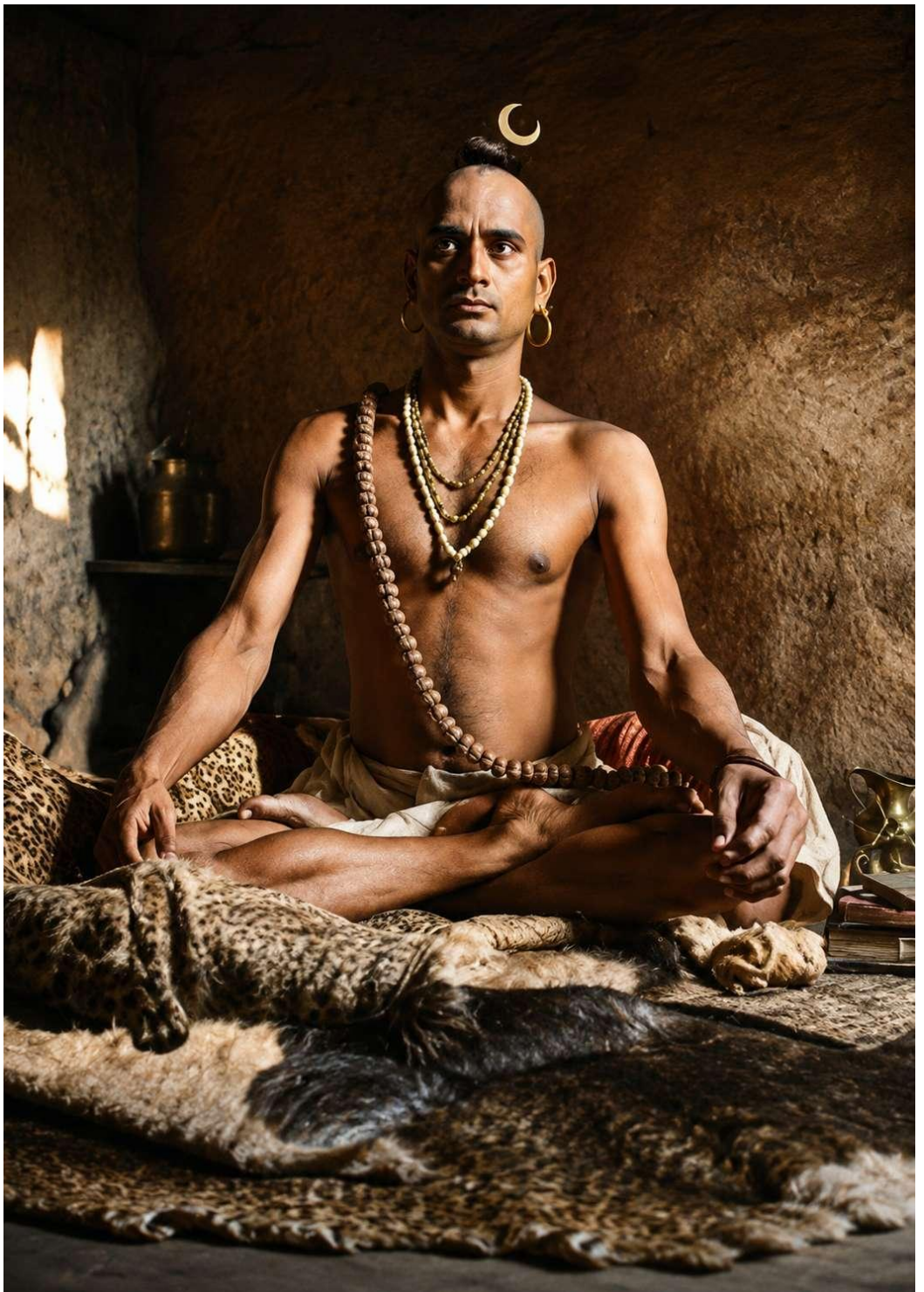
Пережитое в ту ночь перевернуло мои представления о мире. Я вышел из храма в твёрдой уверенности, что обязан постичь сокровенные тайны *тантры* так глубоко, как только возможно. Я вернулся к *пуджари* из Каламассери и перенял у него всё, чему он мог меня научить в искусстве поклонения *Девы*.

Само слово «*тантра*» в переводе с санскрита означает «связующая нить» или «узор на ткани». В философском смысле оно указывает на скрытые законы вселенной. Это тайное знание может быть окрашено одним или несколькими типами человеческих желаний, которые соответствуют трём гунам (качествам природы): *тамас* (примитивные, невежественные стремления), *раджас* (страсть и желание материального успеха) и *самттва* (стремление к душевному покою и духовному просветлению). В обыденной же речи словом «*тантрик*» обычно называют тех, кто практикует *тамасический* путь *тантры*.

Душа, находящаяся под влиянием *тамаса*, обуреваема вожделением и безумием. Она стремительно катится во тьму, совершая поступки, разрушающие любой духовный прогресс. Тантрические писания, поведенные Шивой своей супруге *Девы*, предлагают систему поклонения, способную привлечь даже таких падших людей, глубоко привязанных к сексу, одурманивающим веществам и поеданию мяса. Эти тексты разрешают совершать подобные греховные действия в рамках строгого ритуала, как форму поклонения Шиве и *Девы*. Истинная цель этого метода — постепенно обуздать низменные влечения и подняться на более высокий уровень бытия. А в качестве поощрения за искреннюю практику Шива и *Девы* даруют своим последователям различные материальные блага.

Тантрик

Тантрик

Тантрик-агхори.

Агхори, поклоняются Шиве и при этом, в отличие от других, практикуют ритуальный каннибализм, употребляют алкогольные напитки, используют человеческие череп (капалы) в различных ритуалах, медитируют на местах захоронений и местах сожжения трупов (имашанах).

В *тантре* существуют два основных пути (*марги*). *Шакты*, подобные моему новому другу — *пуджари* из Каламассери, — следуют *дакинина-марге* (пути правой руки). Они стремятся обрести связь с *Девы* через храмовые богослужения и молитвенный транс, получая от неё дар ясновидения и целительскую силу. Путь правой руки считается «чистым», поскольку все сомнительные ритуалы здесь сводятся к символам: реальные мясо, рыба, вино и сексуальные контакты заменяются их безобидными ритуальными аналогами.

В противоположность этому, практика *вама-марги* (пути левой руки) сопряжена с откровенно скверными и шокирующими обрядами. Подобно гаитянским колдунам-вуду (которых, что любопытно, там называют «бокорами» — то есть жрецами, служащими «левой рукой»), индийские *тантрики* пути левой руки используют эти жуткие и противоестественные методы ради обретения тёмного мистического могущества и сил чёрной магии.

Эти невероятные проявления мистических сил лишь подпитывали моё юношеское любопытство к оккультизму. Следуя совету *пуджари*, я решил пойти в ученики к мастеру *тантры* левой руки. Он объяснил, что в *вама-марге* существуют два основных направления. Первое — это некромантия: призывание злых духов, призраков, демонов и прочих сущностей для выполнения особых поручений. Чтобы привлечь и подчинить этих существ, известных как *якиши*, *дакини*, *шакини*, *мохини*, *шатаны* и *удумбаны*, совершаются пугающие, мрачные ритуалы. Эти духи обитают в нижних мирах, но по зову опытного *тантрика* поднимаются на земной план и творят чудеса.

Второе направление напоминает *сиддха-йогу*. Это метод обретения мистических сил посредством медитации на второстепенные ипостаси и проявления Шивы или *Девы*. Йог соблюдает особые обеты, совершая жертвоприношения и ритуалы, посвящённые этим грозным или соблазнительным

формам. Снискав их милость, он взамен получает *сиддхи* (мистические совершенства). Мастер *вама-марги* может следовать одному из этих путей или совмещать оба метода обретения силы; кроме того, он способен практиковать и ритуалы правой руки. От этих основных направлений отходит множество ответвлений, и провести между ними чёткую грань удаётся далеко не всегда.

По совету *пуджари* я отправился на поиски мастера *вама-марги* в небольшую деревушку неподалёку от храма Чоттаниккара-питхам. В центре поселения стояло всего одно капитальное здание — храм, вокруг которого теснились утлые хижины и лачуги. Когда я пришёл, на рыночной площади как раз в самом разгаре было соревнование между двумя *тантриками*. В качестве объекта для демонстрации своих сил они выбрали случайного зеваку из толпы. Введя несчастного в глубокий транс, они заставили его тело застыть неподвижно, словно доска.

Один *тантрик* указал на него своей палкой и приказал: «Ложись!». Человек тут же рухнул на землю. Другой указал палкой и велел: «Вставай!» И тот поднялся в полный рост, даже не сгибая колен. Затем один из *тантриков* поставил на землю куклу, слепленную из рисовой муки и сырых яиц. Она была около шести дюймов (15 сантиметров) в высоту, с пучком волос на голове и двумя птичьими косточками вместо ног. *Тантрик* прочитал заклинание, и кукла ожила: подчиняясь его воле, она принялась раскачиваться взад-вперёд и шагать на своих костяных ножках. Толпа зевак вокруг непрерывно росла.

Люди обступали *тантриков* на почтительном расстоянии, испуганно переговариваясь между собой. Вскоре я понял причину этого страха: в азарте борьбы колдуны выхватывали из толпы всё новых зевак, заставляя их совершать опасные и пугающие действия. Наконец, к всеобщему облегчению, они прекратили поединок, условившись продолжить состязание в другой день. Толпа стала расходиться.

Я прогулялся по небольшому рынку и вскоре заметил одного из этих *тантриков*. Он бесцеремонно переходил от лавки к лавке, требуя дать ему то одно, то другое, и торговцы безропотно отдавали ему всё. Люди боялись его до смерти. Когда колдун ушёл, я спросил у нескольких лавочников, почему они позволяют ему так с собой обращаться. Один ответил: «Если я не дам ему то, чего он хочет, он превратит все мои овощи в жаб и крыс!». Другой добавил: «Он способен сделать так, что с неба дождём посыпаются змеи!». Третий прошептал: «Он может проклясть мою жену, и цвет её кожи изменится!». А четвёртый подытожил: «Случиться может всё что угодно! Этот человек бессердечен и творит всё, что ему вздумается, и ни один полицейский не посмеет его тронуть. Ему служит сам *шатан*». Слово «*шатан*» происходит от санскритского «*четана*» (сознание или дух). Не знаю, есть ли какая-то этимологическая связь между этим термином, арабским словом «шайтан» и библейским Сатаной — пусть в этом разбираются лингвисты. Я же сгорал от нетерпения узнать как можно больше о том, чему только что был свидетелем. Поэтому, не теряя времени на рынке, я направился к прилегающему к деревне лесу. Именно там, как сказал мне *пуджари*, находилось жилище мастера. Пробираясь сквозь густые заросли, во второй половине дня я наконец добрался до цели.

Это было небольшое строение, сложенное из дикого камня и накрытое грубой деревянной крышей, приютившееся под раскидистым баньяном. Вокруг лачуги валялись кости и черепа животных, а на ветках дерева висела даже пара высохших человеческих рук. У порога сидела очень миловидная девушка. На вид ей было не больше двадцати; она казалась удивительно свежей и невинной. Её длинные волосы были распущены и слегка растрёпаны, а на теле было надето простое бордовое платье до щиколоток. В её глазах застыло отстранённое, пустое выражение, которое ничуть не изменилось, когда я к ней обратился. Я спросил

её, где найти хозяина дома. Она медленно, словно во сне, произнесла: «Пожалуйста, подожди. Он сказал, что ты придёшь».

Этот ответ ничего мне не прояснил. Я перефразировал вопрос, но услышал в ответ ту же самую фразу, повторяемую снова и снова. Поняв, что девушка находится под каким-то гипнотическим или магическим воздействием, я оставил попытки завести разговор и присел на валун неподалёку от хижины.

Вскоре я услышал хруст веток и шаги в чаще. На поляну вышел человек, в котором я тут же узнал того самого *тантрика*, вымогавшего продукты на рынке. Сейчас он вовсе не казался диким или устрашающим; внешне он ничем не отличался от простого уличного трудяги — например, водителя рикши. Однако на его лице читалась странная страсть: это было не плотское вожделение, а ненасытная жажда могущества. Можно сказать, что от него исходила уверенная аура преуспевающего дельца. Я физически ощутил исходящую от него смесь безжалостных амбиций и дерзкой самонадеянности. Вот только сфера его успеха лежала не в бизнесе, а в чёрной магии.

Молча жестом он пригласил меня внутрь. Один из углов этой тёмной, загромождённой комнаты занимала дровяная кирпичная печь, на которой кипел большой двуручный медный котёл. Вырывавшийся из его носика пар наполнял хижину слабым, но очень приторным и неприятным запахом. У противоположной стены лежал плоский камень, отполированный до зеркального блеска. В комнате также стояли старая фисгармония и небольшой книжный шкаф, полки которого ломились от толстых ветхих томов. В другом углу я вновь заметил знакомые фигурки из рисовой муки: здесь они казались одновременно и детскими поделками, и чем-то отвратительно-пугающим. Переступая порог в полумраке, я наклонился и задел головой что-то свисавшее прямо со стропила. Присмотревшись, я с ужасом понял, что это кости, перевязанные прядями человеческих волос.

Хозяин зажёл от печного пламени пару свечей, и мы сели. Заметно нервничая, я стал рассказывать о себе и о своём внезапно вспыхнувшем интересе к *тантре*. Он слушал молча, пристально и изучающе разглядывая меня с тонкой, холодной усмешкой. Под этим взглядом я вскоре стушевался и начал запинаться.

Тогда он спросил ледяным, смертельно спокойным голосом, под стать своей улыбке: «И насколько далеко ты готов зайти?».

«Ну, честно говоря, я хочу обрести веру в сверхъестественное, — признался я. — Хочу увидеть что-то реальное своими глазами».

«Ты видел представление, которое я устроил сегодня на рынке?» — спросил он, продолжая улыбаться своей жуткой змеиной улыбкой.

«О да! Это было потрясающе. Как вам удаётся творить такие чудеса?».

Он молча изучал меня около минуты, после чего произнёс: «Я могу подсказать тебе место, где ты сможешь заглянуть гораздо глубже и увидеть проявление тайных сил. Это станет для тебя своего рода испытанием. Но я здесь ни при чём: я лишь укажу тебе дорогу и дам пару советов, как подготовиться. Дальше ты пойдёшь один. Если то, с чем ты столкнёшься, убедит тебя, что моя наука — это не дешёвые салонные фокусы, возвращайся сюда, и я начну обучать тебя всерьёз. Тебе это интересно?».

Я с готовностью кивнул. Тогда он рассказал мне о небольшом мусульманском селении, рядом с которым растёт роща хвойных деревьев *шавук* (казуарин). В самом центре этой рощи есть поляна. Я должен прийти туда в ночь следующего полнолуния, сесть и ждать, пока передо мной что-то не появится.

«И главное — ни в коем случае не засыпай, что бы ни случилось! — строго предупредил он. — А перед походом набери полные карманы мелких белых камушков. Если станет слишком страшно, смочи камень слюной и швырни его через плечо, как можно дальше назад. Это задержит то, что придёт, и поможет тебе убежать».

Он выдержал зловещую паузу и добавил: «Если переживёшь эту ночь — возвращайся».

В крайнем возбуждении я покинул хижину, с нетерпением считая дни до наступления полнолуния. Во второй половине дня накануне полнолуния мы с Ахмадом прибыли в ту самую местность. Мы без труда отыскивали нужную деревню и осторожно расспросили местных жителей о роще *шавук*. Мы вышли к краю леса, когда солнце уже клонилось к закату.

На случай, если нам срочно понадобится помощь или укрытие, Ахмад познакомился с мусульманской семьёй, чей дом стоял метрах в ста от дороги на опушке. Поняв, что мы затеяли какую-то опасную авантюру, хозяева пообещали оставить на окне зажжённую лампу, чтобы в темноте мы могли быстро найти путь к их порогу. После этого мы с Ахмадом набили полные карманы белой галькой.

Бесцельно прослонявшись по деревне несколько часов, около одиннадцати вечера мы вернулись к роще и углубились в чащу. Полная луна стояла высоко в безоблачном небе, заливая всё вокруг мертвенно-бледным светом. Спустившись с небольшого пригорка, мы вышли на вырубку. В самом центре этой поляны возвышались полуразрушенные остатки какой-то древней круглой стены.

Мы сели на поваленное дерево метрах в двадцати от руин. Не зная, чего ожидать, мы вздрагивали от каждого ночного

шороха. Но время шло, а вокруг ничего не происходило. Наконец, далеко за полночь, Ахмад начал клевать носом. Памятуя о строгом предупреждении *тантрика*, я изо всех сил боролся со сном, пристально, словно прожектором, ощупывая взглядом тёмные силуэты деревьев.

Минут через десять после того, как Ахмад окончательно уснул, я почувствовал странный ледяной холодок на затылке. Резко вскочив на ноги, я обернулся и увидел на самом краю разрушенной стены залитую лунным светом фигуру. Это была высокая, невероятно статная женщина; она медленно покачивалась из стороны в сторону с закрытыми глазами. В первую секунду я подумал, что это просто лунатичка.

Чертами лица и телосложением она совершенно не походила на индианку. Её густые распущенные волосы ниспадали почти до самых лодыжек, а тело было абсолютно обнажённым. В её неземном облике крылась гипнотическая сила: она казалась одновременно невероятно соблазнительной и вселяющей первобытный ужас. Застыв с открытым ртом перед этим видением, я что есть силы толкнул Ахмада. Он вздрогнул, протёр глаза и проследил за моим взглядом. От увиденного у него мгновенно перехватило дыхание, и он насилу смог подняться на ватных ногах.

В тот же миг веки женщины медленно поднялись, обнажив пару пылающих дьявольских глаз. Они светились в полумраке жёлтым фосфоресцирующим светом, точь-в-точь как глаза вышедшей на охоту тигрицы. Уставившись на меня своим жутким взором, она шагнула со стены и сплывала вниз по воздуху так легко, будто весила не больше хлопковой пушинки.

Я не могу сказать, «шла» она или «бежала»: ни одно человеческое слово не способно описать эту противоестественную манеру передвижения, её ноги двигались

совершенно не сгибаясь в коленях, семена невероятно быстрыми, мелкими шажками так плавно и стремительно, что это напоминало ползущую сороконожку. Казалось, будто нижняя половина её тела была каким-то механическим прибором. От этого резкого, неестественного рывка вперёд её голова и торс безвольно откинулись назад.

Отчаянно дрожа от ужаса и заикаясь, Ахмад вцепился в мой рукав и попытался потащить за собой к дороге. Но я стоял как вкопанный, парализованный гипнотическим взглядом этого существа. Я попытался крикнуть другу, что не могу шевельнуться, но из сжавшегося спазмом горла не вырвалось ни звука. Когда жуткая женщина преодолела уже половину расстояния до нас, Ахмад бросил меня и бросился наутёк, спасая собственную жизнь. Точно так же, как свет фар завораживает ослеплённого оленя на ночной трассе, этот дьявольский взгляд приковал меня к месту. Существо преодолеvalo последние метры, отделявшие нас друг от друга.

Вдруг откуда-то сзади донёсся отчаянный крик Ахмада: «Беги-и-и!». Что-то со свистом рассекло воздух и упало на землю прямо за спиной женщины. Она на мгновение отвела от меня свой гипнотический взор и обернулась на звук. Стоило зрительному контакту разорваться, как паралич отступил. Охваченный животным ужасом, я со всех ног бросился вслед за Ахмадом, который уже добежал до кромки деревьев у тропинки. На бегу он обернулся, выхватил что-то изо рта и швырнул прямо над моей головой. Тут и я вспомнил про белую гальку! Не сбавляя сумасшедшего темпа, я сунул руку в карман, выхватил камень, быстро смочил его во рту слюной и, не оглядываясь, швырнул через плечо.

С бешено колотящимися сердцами мы выскочили из леса на дорогу и понеслись к дому дружелюбной мусульманской семьи. На бегу я обернулся и похолодел от ужаса: демоническая

женщина уже вынырнула из-за деревьев и стремительно неслась через дорогу прямо за нами! Ужасная мысль пронзила мозг: «Нам ни за что не спастись...».

Оступившись на бегу, я зачерпнул из кармана целую горсть камней, торопливо смочил их во рту слюной и швырнул веером прямо в сторону преследовательницы, после чего рванул вперёд с утроенной скоростью. Оглянувшись через плечо, я увидел, что существо остановилось: женщина принялась подбирать упавшие камни, с любопытством разглядывая их один за другим. Но уже через секунду она в ярости отшвырнула их прочь и возобновила погоню! К счастью, этой заминки нам хватило, чтобы добежать до спасительного порога.

Задышавшись, мы ворвались в дом и намертво забаррикадировали за собой дверь. Разбуженный шумом хозяин и его пожилая мать выбежали в прихожую. Усадив нас на пол, мужчина бросился плотно занавешивать окна. Затем он вложил в руки мне и Ахмаду по большому охотничьему ножу с блестящим лезвием. Быстро натерев стальные клинки половинкой разрезанного лимона, он велел нам держать оружие наготове. Тем временем его старая мать принялась громко и непрерывно читать молитвы из Корана.

Кем бы — или чем бы — ни была эта жуткая женщина, переступить порог дома она так и не попыталась. Примерно через час всё стихло, и хозяева ушли в свою комнату досыпать. Мы же с Ахмадом, всё ещё дрожа от пережитого ужаса, так и просидели с ножами в руках, не смыкая глаз до первых лучей утреннего солнца.

Глава 3. Секреты тантры левой руки

Когда мы встретились вновь, мастер-*тантрик* был куда более обходителен. Меня приветствовали тёплыми объятиями и пригласили присесть в тени баньяна. Я чувствовал, что теперь меня приняли в некий избранный круг. Я с благоговением спросил: «Что это было?».

Он лишь посмеивался над моим неофитским восторгом: «Ну что, впечатлило?».

Я молча кивнул.

«Ты видел *мохини* — демоницу из нижних миров. Ты можешь заключить с ней сделку на один цикл Юпитера (12 лет). Ты обещаешь утолять её страсть один раз в месяц, а взамен она будет беспрекословно выполнять любые твои приказы: охранять твоё имущество, уничтожать врагов — всё, что пожелаешь. Однако союз с *мохини* — дело крайне опасное. Являясь за плотскими утехами, за одну ночь она способна сменить восемнадцать облиций, и ты обязан удовлетворить каждое из них. Если не справишься — заплатишься жизнью. Тебя просто вырвет кровью — и конец».

«А почему её так заинтересовали белые камни?» — спросил я.

«*Мохини* питаются энергией мужского семени, — ответил колдун. — Помимо самого плотского наслаждения, именно в этом заключается её главный интерес. Из всех телесных жидкостей слюна по своей природе ближе всего к семени, поэтому брошенные тобой камни, обильно смоченные слюной, непременно отвлекли её внимание. Мужчины, непроизвольно теряющие семя во сне, сами притягивают к себе подобных суккубов, которые стремятся завладеть их телом». — Смерив меня оценивающим взглядом, он поинтересовался: «Ну что, теперь твоя вера в оккультное окрепла?».

Йог-тантрик

Я сглотнул ком в горле и выпалил: «Да! Разве может быть иначе? Я никогда в жизни не забуду то, что видел!».

«Значит, ты хочешь чему-то у меня научиться?».

«Да, конечно!».

Он составил график наших встреч, подстроив его под мои выходные дни в офисе. В среднем я должен был приезжать к нему раз в две недели. Правда, иногда он настаивал на сорокадневном перерыве, когда был занят какими-то своими тайными делами. Он строго-настрого приказал мне держать наше знакомство в полнейшем секрете.

Во время наших встреч он преподавал мне теорию: читал вслух и подробно объяснял санскритские стихи из древнего ветхого манускрипта. По мере обучения я узнал, что у него в подчинении находятся двенадцать *четанов*. Он натравливал этих демонов для выполнения самых грязных поручений по заказам своих клиентов: например, чтобы запугать, свести с ума или даже физически устранить их конкурентов. Я также выяснил, что мой учитель обратился к *вама-марге* из чувства мести: когда-то враги применили чернокнижие, чтобы известить его семью. Он жестоко отомстил обидчикам, а затем и сам с головой погрузился в это тёмное искусство.

В Индии *вама-марга* испокон веков оставалась последней надеждой для униженных и оскорблённых, ищущих возмездия и уважения в обществе. Как гласит старинная поговорка: «Того, кто поклоняется дьяволу, презирают как собаку, но сам он при этом живёт как бог».

Впрочем, помимо безжалостности к врагам, я обнаружил в учителе и удивительные положительные черты. Прежде всего, он обладал железным самообладанием и полностью контролировал

свои чувства, несмотря на то что постоянно привлекал женщин к участию в ритуалах. Он принадлежал к той редкой породе людей, которыми движет не примитивная жажда плотских утех, а холодное стремление к абсолютному могуществу. Другим его замечательным качеством — к моему огромному счастью — стало то, что, назвав меня другом, он ни разу меня не предал.

Многие мастера *тантры* берут учеников исключительно из корысти, используя их как бесплатную рабочую силу и подручных в ритуалах, вовсе не желая делиться с ними сокровенным знанием. Ведь сегодняшний ученик завтра может превратиться в опасного соперника. Поэтому, когда учитель перестаёт нуждаться в помощнике, жизнь ученика часто оказывается на волоске. Но мой наставник относился ко мне как к младшему товарищу, прекрасно понимая, что в будущем я не стану серьёзно практиковать *тантру*: для меня всё это было лишь захватывающим экспериментом.

На протяжении последних десяти лет он пытался обрести высшие мистические силы с помощью метода, известного как *уттара-каула*, — поклонения *Шакти* в образе невинной девушки, обладающей особыми *лакишанами* (сакральными телесными признаками). Когда он разъезжал с выступлениями по всей Керале, его *четаны* непрерывно рыскали вокруг в поисках таких избранных красавиц.

Время от времени он вводил одну из таких девушек в глубокий гипнотический транс и приводил ночью на место кремации, где сжигают трупы. Там он совершал ритуальное омовение её тела вином и призывал космическую энергию богини с помощью *мантр* и *мудр* (сакральных жестов руками). Несмотря на всю двусмысленность обстановки, он обязан был сохранять абсолютную невозмутимость и чистоту в плотском отношении: вот уже тридцать лет учитель строго соблюдал целибат. По завершении церемонии он отпускал девушку домой совершенно

нетронутой и невредимой; проснувшись, она даже не помнила о том, что с ней произошло.

После завершения теоретического курса, однажды глухой ночью, мне довелось ассистировать ему в одном жутком ритуале. Мы пришли в крематорий, где учителю помогал местный могильщик, сжигавший тела. Этот человек вытащил из погребального костра тлеющий, полуобгоревший человеческий скелет, который мы использовали в качестве алтаря. Учитель сел рядом с останками, погрузившись в глубокую медитацию. В моих руках была шкатулка с восемью видами различных порошков; по условному знаку наставника я должен был бросать щепотку нужного порошка прямо на горячий, потрескивающий от огня скелет, в то время как могильщик подкладывал на кости раскалённые угли, чтобы они не остывали.

При сгорании порошки выпускали дым разных цветов и ароматов. С каждым новым вдохом этого дыма моё сознание переносилось в совершенно иную плоскость восприятия. Так, один из порошков вызывал перед мысленным взором величественные картины небес: небо на рассвете, залитое лунным светом ночное небо, закатное пламя и глубокую звёздную тьму. От другого порошка я видел причудливые скопления облаков, от третьего — бескрайние водные просторы и моря. Порой эти видения становились отвратительными и пугающими — например, когда перед глазами вдруг вырастала гигантская гора нечистот; иногда, напротив, они будили чувственные желания. Но как бы то ни было, я обязан был держать свой ум в железной узде, не позволяя ему поддаваться ни вожделению, ни страху, ни омерзению.

Учитель использовал меня как живой «видеомонитор» для своей собственной медитации. Я бесстрастно удерживал эти визуальные образы в своем сознании, а он усилием воли проникал в них и перемещался внутри них. Каждое такое видение служило

порталом на определённый уровень бытия, где учитель должен был снискать милость той или иной ипостаси богини *Девы*.

Этот медитативный обряд завершился примерно за час до рассвета. Учитель поднялся на ноги, крепко обнял меня и с восторгом произнёс: «Благодаря твоей помощи я наконец-то добился успеха! Какой же удивительно чистый и сильный у тебя ум!».

Он пояснил, что уже много раз пытался провести этот обряд, но неизменно терпел неудачу из-за отсутствия духовно устойчивого ассистента. Теперь же, по его словам, он обрел способность делать любые материальные объекты — включая собственное физическое тело — невидимыми, а также проявлять их сразу в нескольких местах и формах одновременно.

Подобные сверхъестественные способности называют *сиддхами*; обычно йоги достигают их путём изнурительных аскез и многолетних медитаций, на что уходят целые жизни. В йоге этими силами овладевают постепенно, по мере пробуждения *чакр* и раскрытия скрытых возможностей сознания.

Однако в *тантре* успешный ритуал подвергает психику медитирующего такому колоссальному напряжению, что *сиддха-чакры* могут раскрыться мгновенно, под воздействием мощного, почти взрывного волевого импульса. Именно поэтому тантрическая практика часто совмещает в себе столь взрывоопасные, взаимоисключающие элементы, как обет строгого воздержания и ритуальное омовение обнажённых женщин вином. И именно поэтому *тантра* столь губительна: подобная насильственная деформация сознания нередко приводит практикующего к полному безумию.

К тому же союз *тантриков* с *четанами*, *мохини* и прочими демоническими сущностями крайне зыбок и ненадёжен. Как

гласит древняя поговорка: «Погонщик слонов погибает от бивня слона, заклинатель змей — от укуса змеи, а *тантрик* — от рук тех самых духов, которых он вызывает и пытается себе подчинить».

После той ночи на пепелище учитель велел мне больше к нему не приходить. «Ты увидел вполне достаточно, чтобы навсегда поверить в реальность невидимого мира, лежащего за пределами наших чувств, — сказал он на прощание. — Если ты действительно благоразумен, то вернёшься к нормальной, чистой религиозной жизни. Этот тёмный путь *тантры* годится лишь для таких отчаянных безумцев, как я».

И он был абсолютно прав: благодаря наставлениям учителя моя вера окрепла как никогда прежде. Я рассуждал так: если даже практика тёмной *вама-марги* способна даровать человеку столь поразительное мистическое могущество, то чудеса, явленные священным *мурти* Кришны в Гуруваюре, должны иметь неизмеримо более возвышенную и чистую природу.

В ту пору, пока я ещё учился у наставника, мне довелось познакомиться ещё с двумя *тантриками*. Именно эти встречи окончательно убедили меня прислушаться к прощальному совету учителя и навсегда оставить *вама-маргу*. Я всей душой желал избежать их печальной участи.

Первым из них оказалась женщина, за которой закрепилась слава самого искусного мага во всей Керале. Именно она впоследствии и направила меня ко второму колдуну. Сама она скрывалась в полуразрушенном, заброшенном доме на окраине глухой деревеньки близ Тричура. Мне стоило немалых трудов разыскать её убежище, поскольку она соблюдала строжайшую конспирацию. Ходили слухи, что её разыскивает полиция, поэтому я боялся расспрашивать о ней в открытую, чтобы меня не арестовали как сообщника.

Подходя к этому жалкому строению, я не заметил ни единого признака жизни: лишь на полу обветшалой веранды валялось старое, грязное стёганое одеяло. Осмотревшись вокруг и никого не обнаружив, я нагнулся, чтобы приподнять край ткани. Внезапно одеяло вырвали у меня из рук, и из-под складок раздался шипящий шепоток: «Не смей трогать моё одеяло! Если хочешь со мной поговорить — приходи после заката!».

Я отшатнулся от тряпья так резко, будто увидел под ним ядовитого скорпиона. Не проронив в ответ ни слова, я покинул веранду, вернулся на деревенскую площадь и переждал день в маленькой местной закусочной.

Когда солнце скрылось за горизонтом, я вновь подошёл к старому дому. Стоило мне подняться на ступеньки веранды, как фигура под одеялом зашевелилась и села. Взглянув на её лицо, я испытал настоящее потрясение: оно было невероятно дряхлым, морщинистым и сплошь покрыто кровоточащими, гноящимися язвами. Этот жуткий облик напомнил мне детский ночной кошмар, который часто преследовал меня в ранние годы: в нём точно такая же страшная ведьма подглядывала за мной из-под лестничного пролёта старого дома.

Однако любопытство и желание увидеть проявление её сил пересилили естественную брезгливость. Поскольку старуха физически не могла стоять на ногах (она передвигалась исключительно с посторонней помощью — руками людей, находившихся под её гипнотической властью), я опустился на пол рядом с ней. Старческим, прерывающимся от хрипов голосом она проскрипела: «Если солнечный луч коснётся моей кожи — я тут же умру. Поэтому ты можешь видеть меня лишь под покровом ночи».

Я попытался было назвать себя, но она нетерпеливо перебила: «Я знаю, кто ты, и знаю, зачем пришёл. Но я не трачу время на новичков. Ты ищешь неопровержимых доказательств,

способных укрепить твою веру в мистическое. Что ж, прекрасно! Под моим началом служат тысячи *тантриков*. Я направлю тебя к одному из них — к тому, кто сумеет сполна удовлетворить твоё любопытство. И даю тебе слово: после встречи с ним ты навсегда оставишь мысли о пути *тантры*».

Она велела мне вернуться в деревню и переночевать там. Следующим утром я должен был прийти к автобусной остановке, где обычно собиралась очередь из местных жителей.

«Дашь водителю две рупии, — наставляла ведьма. — И когда он скажет тебе выходить — выходи. Прямо с этой веранды я буду незримо направлять тебя весь оставшийся путь. А теперь ступай!».

Всё произошло в точности так, как она предсказала. Около полудня я вышел из автобуса в небольшом мусульманском поселении. Казалось, единственным промыслом местных жителей была жарка и продажа банановых чипсов. Я покинул деревню по узкой тропинке и пошёл через зелёное поле, засеянное высокой пшеницей. В дальнем конце поля, на самом краю скалистого холма, возвышался одинокий дом. Каким-то шестым чувством я безошибочно понял: это именно то место, куда меня направляла ведьма.

На веранде дома сидели четыре молодые хорошенькие женщины в красных платьях. Их волосы были собраны в длинные «конские хвосты». Девушки расположились вокруг мужчины в ярких одеждах, с щегольской длинной бородой и волосами до плеч. У него был тяжёлый, цепкий взгляд гангстера, так что на миг я даже подумал, что попал в дом терпимости. Вся эта компания сидела в креслах с таким видом, будто кого-то ждала. Поднявшись к ним по ступеням, я заметил на веранде целое множество звериных детёнышей: здесь копошились котята, щенки, обезьянки и даже один маленький шакал.

«Вот ты и пришёл! — радушно приветствовал меня хозяин. — Значит, хочешь увидеть что-нибудь действительно интересное? Хорошо!» — Он широко, зубасто усмехнулся сквозь густую бороду: «Ты должен увидеть обряд, который назначен на сегодняшний вечер. А пока устраивайся поудобнее и отдыхай».

Он представил меня своим спутницам и прозрачно намекнул, что они готовы проявить ко мне ровно столько дружелюбия, сколько я сам пожелаю. Я вежливо, но твёрдо отказался от их общества. Меня крайне интересовало, каким именно правилам и ограничениям следует этот необычный человек. Его главной специализацией были слежка за людьми и поиск пропавших вещей или беглецов при помощи ясновидения. Но чтобы обрести это мистическое могущество, он совершал самые жуткие, отвратительные ритуалы, какие только можно себе представить. И сегодня вечером мне суждено было стать свидетелем одного из них. Колдун признался, что его линия тантры не требует соблюдения никаких обетов или аскез — в отличие от тех правил, которым следовал мой первый учитель. Кстати, он знал абсолютно всё про моего прежнего наставника и про его доверие ко мне; по словам колдуна, именно это доверие и стало единственной причиной, по которой мне вообще позволили встретиться со старой ведьмой под одеялом, направившей меня сюда.

Он рассказал мне про эту старуху: «Её жажда власти не знает границ. Она достигла таких вершин могущества, какие не снились ни одному смертному, но ей всё равно мало. А её изуродованное тело — это неизбежная плата за те чудовищные методы, к которым она прибегала ради обретения силы. Впрочем, для неё это уже не имеет ни малейшего значения, ведь она давно не ищет радости в плотских наслаждениях. Честно говоря, насытить её просто невозможно. Тайны мироздания бесконечны, и она использует всю мощь своего разума, чтобы постичь их до конца. Её высшая цель — поглотить всю Вселенную».

Женицина тантрик.

Колдун имел в виду высшую сиддху, которую йоги называют «поглощением» (или мистическим вмещением) Вселенной — абсолютную вершину оккультных достижений. Овладев ею, человек получает мгновенный доступ к любой точке космоса и любой планете: ему достаточно просто подумать о нужной сфере бытия. Благодаря этой силе йог способен исполнить абсолютно любое своё желание силой одной лишь мысли.

Мастера, постигшие этот тайный процесс, способны ментально путешествовать по различным уровням мироздания так же легко, как обычный человек ездит на лифте с этажа на этаж. Шахтой этого космического лифта йогу служит центральный энергетический канал, проходящий вдоль позвоночного столба. В глубокой медитации он может мысленно соединить этот канал с *шишумара-чакрой* — астральной осью, протянувшейся спиралью от Полярной звезды вниз, к высшим и низшим мирам, — и спроецировать своё тонкое ментальное тело для беспрепятственных путешествий на другие планеты. По этому же каналу мастер способен даже телепортировать физические элементы собственного тела: расщепив их в одном месте, он мгновенно собирает их в нужной точке пространства — исчезает здесь и появляется там.

Незадолго до полуночи колдун вручил мне потрёпанный оловянный ящик и повёл за собой к ближайшему месту кремации. Там для его тёмных целей могильщики специально приберегли тело умершей беременной женщины. Я с нарастающим ужасом смотрел, как колдун взобрался прямо на труп и принялся монотонно шептать заклинания. Выхватывая из ящика жуткие ритуальные инструменты, он вскрыл чрево мёртвой женщины и извлёк нерождённый плод. Осматривая крошечное, слабенькое тельце младенца, колдун заверил меня, что тот ещё жив, хотя шансов выжить у него, разумеется, нет. Он хладнокровно пояснил, что всё это время удерживал душу ребёнка внутри тела силой своей тёмной магии. Затем он достал из ящика остро

наточенный нож и стеклянную банку с какой-то жидкостью и, непрерывно читая мантры, принялся расчленять младенца, бросая куски плоти в раствор.

Меня затрясло от первобытного ужаса, и я бросился бежать с этого проклятого места. Отбежав, я наткнулся на могильщика, который впустил нас на территорию крематория.

«Как ты можешь допускать подобное?! — задыхаясь от ярости, набросился я на него. — Родные этой женщины заплатили тебе за то, чтобы ты предал её тело священному огню! А ты позволяешь творить с ней и её ребёнком такие чудовищные вещи!».

Могильщик в ужасе замахал руками и прервал меня испуганным шёпотом: «Замолчи! Умоляю тебя, ни слова больше! Этот человек прекрасно знает, о чём ты сейчас со мной говоришь. Не зли его! С ним нужно быть предельно осторожным: он читает даже твои мысли. И если тебе так уж противно то, что он делает, зачем ты вообще пришёл сюда вместе с ним?».

Сгорая от стыда, я промямлил: «Я... я просто хотел узнать секрет его могущества...».

Могильщик с горьким сожалением покачал головой: «Твоё любопытство тебя погубит. Ты молод, производишь впечатление разумного, способного парня — зачем ты лезешь в эту грязь? Уходи отсюда. Не ломай себе жизнь».

Но уйти я не мог: посреди ночи мне просто некуда было идти. В сельской глуши Кералы опасно бродить в темноте — там запросто можно наступить на ядовитую змею. Поэтому я присел на землю прямо у сторожки могильщика и вскоре от усталости провалился в тяжелый, тревожный сон.

Спустя некоторое время — примерно через час или два — зритель разбудил меня. Из тьмы крематория вышел колдун: в одной руке он нёс оловянный ящик, а в другой — крошечный череп младенца.

«Зачем ты сбежал? — с укоризной спросил он, при этом ничуть не злясь. — Если ты хочешь обрести силы, недоступные обычным людям, тебе придётся совершать поступки, на которые обычные люди никогда не решатся!». Он весело рассмеялся, и это пугающее, совершенно непринуждённое поведение повергло меня в глубокий шок. «Только взгляни на это!» — с гордостью воскликнул он, сунув стеклянную банку прямо мне под нос.

Сжавшись, я решил, что сейчас он открутит крышку, и почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Но он всего лишь хотел показать, что, растворив плоть младенца в особых реактивах, приготовил невероятно мощное магическое зелье. Он снова посетовал на то, что я сбежал в самый ответственный момент и не увидел завершения тайного таинства.

«Бери ящик, — приказал он. — Мы возвращаемся ко мне. Завтра я покажу тебе, на какие чудеса способно это зелье». По ночному полю он повёл меня обратно к своему дому. Сам он отправился спать в комнату в компании двух своих спутниц, а я без задних ног уснул прямо на деревянном полу веранды.

Следующим утром он поставил банку на маленький столик между нами. Присмотревшись, я заметил, что на дне сосуда осел густой тёмный осадок. Вальяжно обнимая за плечи двух девушек, сидевших по обе стороны от него, он откинулся на спинку кресла и на целую минуту погрузился в молчание, пристально, не мигая, сканируя мой разум.

«Полагаю, тебе стоит лично проверить силу этого снадобья, — произнёс он наконец, многозначительно приподняв брови. —

Ведь у вас в конторе как раз возникла проблема, которую можно решить с его помощью... Недавно пропала крупная сумма наличных, верно?».

Он оказался прав. Недавно в конторе действительно пропала крупная сумма наличных. Подозрение пало на мистера Мурти, хотя никаких прямых доказательств его вины не существовало. Колдун нанёс каплю своего зелья мне на ноготь большого пальца и велел пристально в него вглядываться. Сконцентрировавшись, я вдруг увидел прямо на ногте изображение того самого кабинета, откуда исчезли деньги. С изумлением я понял, что могу усилием воли перемещать эту картинку в любом направлении — почти так же, как режиссёр за пультом телестудии управляет изображением на мониторах, отдавая операторам команды показать панораму, дать крупный план и так далее. Однако мой магический «ногтескоп» оказался несравнимо более совершенным: он умел заглядывать даже в прошлое.

Перед моим взором предстало всё как на духу: виновником оказался вовсе не мистер Мурти, а совсем другой сотрудник. Я видел, как он тайком пробрался в кабинет, забрал портфель с деньгами и спрятал его в своей машине. Я мысленно последовал за ним. Он приехал в дом своего сообщника, прихватив портфель с собой. Свою долю поделщик вложил в нелегальную покупку золота на чёрном рынке, не оставив никаких бумажных следов. Затем я увидел, как сам вор переплавил часть своего золота в обычную дверную ручку и прикрутил её к входной двери собственного дома. Разумеется, он не стал рассказывать семье, из какого металла на самом деле сделана эта скромная деталь.

Позже я поделился этой тайной с одним знакомым, и тот отправил в полицию анонимное письмо. Сыщики провели обыск и подтвердили, что дверная ручка в доме подозреваемого целиком отлита из чистого золота. Вор был арестован и признан виновным в хищении в особо крупных размерах.

Тантрик кушает из человеческого черепа

Из дальнейших бесед с колдуном в тот день я узнал, что, когда люди обращаются к нему для розыска пропавших вещей, он за определённую плату сажает за этот мистический «ногтескоп» одну из своих девушек, поручая ей выследить пропажу. Сам факт существования чудовищного снадобья, разумеется, держится в строжайшем секрете, поэтому клиенты искренне верят в природный дар ясновидения самих девушек.

Впрочем, у «ногтескопа» имелись свои ограничения. Хотя он легко преодолевал закрытые двери и глухие стены, он не мог показывать изображение ниже или выше определённой высоты и был абсолютно бессилён перед мощными святыми местами и храмами. Кроме того, его работу могло сбить с толку пение особых сакральных мелодий в исполнении опытного мастера, а некоторые виды ритуального дыма и вовсе делали зелье бесполезным. Я прямо спросил колдуна про его *карму*: «Ты обретаешь свои *сиддхи* столь отвратительными, кровавыми методами. Как ты думаешь, что ждёт тебя в следующих рождениях?».

На это он ответил с удивительным философским спокойствием: «Тот, кто стремится достичь вершин в нашем искусстве, обязан быть готов к любым последствиям, не пытаясь от них уклониться. Безусловно, в будущем мне придётся жестоко расплачиваться за все те тёмные дела, которые я совершил. Но такова игра, в которую мы играем. Мы, *тантрики*, смотрим на всё творение как на вечные приливы и отливы космической *Шакти*. Мы сливаемся с этой первозданной энергией, и она возносит нас на несказанные высоты. А позже та же самая сила может низвергнуть нас в самую страшную пучину ада. Но разве здесь есть что-то ещё? Всё сущее — лишь проявление *Шакти*».

Этот риторический вопрос колдуна — «Но разве здесь есть что-то ещё?» — на который у последователей *тантры* не находилось ответа, глубоко потревожил меня.

Если во всей Вселенной действительно нет ничего выше богини и её слепой энергии, выходит, что и этот колдун, и старая ведьма на веранде, и мой первый учитель, омывавший вином тела девушек на пепелище, и тот *брахман*, разбивавший кокос о собственную голову, уже достигли высшего предела. Внутренне я категорически не мог с этим согласиться. Я чувствовал: должно существовать нечто неизмеримо большее.

После этого разговора я окончательно потерял интерес к дальнейшему изучению *вама-марги*. Впрочем, я наивно полагал, что теоретические основы и принципы контроля ума, усвоенные под руководством учителей, ещё пригодятся мне в жизни. Тогда я даже не подозревал, что, приоткрыв однажды крышку этого ящика Пандоры — тайных оккультных способностей разума, — захлопнуть её обратно окажется совсем не просто.

Глава 4. Сквозь ворота мечты

Проведя три с половиной года в Керале, я получил перевод обратно в Тамил-Наду. Я стал работать под началом очень строгого главного бухгалтера салемакского филиала, мистера Венката Субрахманиана. Моими коллегами и близкими друзьями стали двое ровесников: серьёзный, немного застенчивый очкарик Вайдьянатх и весёлый здоровяк Шанкара Субрахманья. Первые шесть месяцев я жил один в маленькой съёмной комнате, а затем, вплоть до весны 1974 года, снимал квартиру вместе с Шанкаром.

Я вернулся в Тамил-Наду не только с новыми навыками офисной работы. Мой юношеский интерес к противоположному полу за время жизни в Керале не угас, а лишь преобразился. Благодаря практикам *тантры* левой и правой руки я освоил весьма изощрённый способ взаимодействия с женским началом. Мои немногие романтические связи с керальскими девушками служили скорее экспериментами с энергией *Шакти*: я учился направлять чувственные импульсы не на физическую разрядку, а на расширение возможностей собственного разума. Учитель *вама-марги* наглядно показал мне, что обычный плотский акт лишь лишает мужчину возможности получить от женщины ту сокровенную силу, которую она действительно способна ему даровать.

Внешне я оставался благочестивым юношей-*брахманом*. Но в действительности моё внутреннее вожеление достигло таких поистине космических масштабов, что удовлетворить его обычным физическим путём было уже попросту невозможно. Кроме того, я вернулся домой с существенно окрепшей верой в индуизм.

Трижды я участвовал в ежегодном паломничестве почитателей Айяппы, каждый раз наблюдая мистическое сияние над священной горой. Ещё один год я целиком посвятил глубокому погружению в оккультный тантризм. Всё это

неопровержимо доказало мне, что реальность далеко не исчерпывается миром механических законов природы. Теперь моя вера окрепла настолько, что я мог со спокойным сердцем обратиться к традиционному индуизму, который когда-то высокомерно высмеивал.

В Салеме я стал ревностным почитателем Картикеи — любимого божества тамилы. Картикея охотно отвечает как на мистические чаяния, так и на обычные материальные просьбы верующих.

Во время *Тайпусама* — грандиозного фестиваля, проводимого в конце зимы или начале весны, — сотни тысяч паломников стекаются к его храмам в Тамил-Наду, на Цейлоне, в Малайзии, Сингапуре и на Маврикий (всюду, где исторически обосновались выходцы из Южной Индии). Многие из этих людей впадают в экстатический транс, одержимые либо самим божеством, либо многочисленной свитой служащих ему духов.

Находясь в трансе Картикеи, некоторые верующие даже пронзают ритуальными стрелами или спицами собственные языки и щёки. При этом они не чувствуют боли, а раны совершенно не кровоточат. На время «становясь» живым воплощением божества, они пророчествуют и творят удивительные чудеса.

Здесь можно провести интересную параллель с христианством: жители Южной Индии верят, что Картикея — это сын Бога Шивы, появившийся на свет в результате чудесного, непорочного зачатия. Его называют *Кумара* — божественный ребёнок. Другое его имя — *Махасена*, великий предводитель небесного воинства и грозный враг демонов. Его главное оружие — *Шакти-вел* («копье силы»), то самое, которое когда-то явилось мне в детском видении.

Махасена, Картикейя, Скандя, Муруган, Субрахманья, Вишакха – Бог войны (Картикея означает "из Криттиков". Этот эпитет также связан с его рождением. После того, как он появился на берегах реки Ганги, его видят шесть из семи самых ярких звездных скоплений в ночном небе, называемых Криттиками (Плеядами в греческих текстах). Эти шесть матерей все хотят заботиться о нём и нянчить малыша Картикею и начинают спорить между собой. Картикея заканчивает спор, вырастив ещё пять голов, чтобы иметь в общей сложности шесть голов, чтобы он мог смотреть на всех шести матерей и позволить им кормить одну из голов. Шесть критик - это Шива, Самбхути, Прити, Саннати, Анасуя и Киама. Примечание редактора).

Мурти Картикеи, Сканда-навьи, в одном из храмов

Храм Картикейи в Малайзии (Муруган)

Преданные Картикейи во время праздника Тхаипушан

Хотя Картикея легко дарует своим почитателям материальные блага и чувственные наслаждения (*бхогу*), его скрытая цель заключается в том, чтобы постепенно развить в них дух *тьяги* (отречения от мира). Он наглядно продемонстрировал это собственным примером. Однажды он воспылал вожделением к прекрасной деве из небесных миров, и обеспокоенные полубоги пожаловались его матери, Парвати. Чтобы преподать сыну урок, богиня открыла ему, что абсолютно каждая женщина во Вселенной является лишь одной из её многочисленных форм. Осознав, что вожделел к собственной матери, Картикея сгорел со стыда и с того самого мига принял пожизненный обет *брахмачарьи* (целибата).

Сам же я стремился к простой жизни нормального, благочестивого индуиста. Я совершенно не подозревал, что незримый план Картикеи вскоре подведёт меня к самому краю пропасти и заставит разом отказаться от всей привычной материальной жизни.

Поскольку Коимбатор находился всего в нескольких часах езды на поезде от Салема, я часто навещал родных по выходным. В окрестностях города, по дороге к холмам Нилгири, расположен большой и известный храм Картикеи.

В одно из воскресений по просьбе матери я отправился туда вместе с невестой моего брата, её отцом и двумя сёстрами. Наша цель состояла в том, чтобы произвести на будущих родственников самое благоприятное впечатление и показать нашу семью с лучшей стороны.

Мы одолели половину длинной каменной лестницы, ведущей от подножия холма к храмовым воротам, и остановились перевести дух у алтаря Ганеши. И вдруг я прервал плавное течение непринуждённой светской беседы совершенно ошеломляющим заявлением. Повернувшись к невесте брата, я

произнёс: «А знаете ли вы, что перед моим появлением на свет у нашей мамы родилась девочка, которая умерла в младенчестве? Так вот, эта девочка — вы, родившаяся вновь. Добро пожаловать обратно в семью!».

Девушка растерянно моргнула, густо покраснела и беспомощно посмотрела на отца. Тот осуждающе покачал головой. «Зачем ты говоришь подобные вещи?» — спросил он, щурясь и моргая так, словно ему было физически больно даже смотреть на меня.

«Потому что я — тот, кого вы пришли увидеть», — произнёс я, и в ту же секунду с пронзительной ясностью осознал, что эти слова сказали чужие губы. Это говорил не я. Все четверо обменялись неловкими взглядами.

Совершенно не отдавая себе отчета в происходящем, я (который был уже вовсе не я) без малейшей заминки произнёс: «Я — тот, у кого шесть ликов: Шанмукха, сам Картикея!».

«Каннан! — возмущённо выпалила сестра будущей невесты. — У тебя что, вместо мозгов опилки? Накличешь ты на себя беду, пороча божество своим единственным языком, с которого слетает подобная чушь!».

В ответ я лишь закрыл глаза и трижды хлопнул в ладоши. Я продолжал невозмутимо сидеть, пока девушки испуганно шептались между собой. Спустя пару минут в поле нашего зрения важно вышел петух, огласив окрестности громким кукареканьем. Как известно, именно петух является священным спутником и вестником Картикеи.

С чуть заметной улыбкой я открыл глаза. Отец семейства крикнул и тяжело поднялся с места. «Идёмте», — хмуро бросил он дочерям.

Я встал и последовал за ними, произнеся вслух: «Сейчас в храме молится женщина, беззаветно мне преданная».

Выйдя из тени алтаря на залитые солнцем ступени, я непринуждённо продолжал: «Она одета в зелёное сари и с минуты на минуту начнёт спускаться нам навстречу». Стоило нам подняться на вершину лестницы, как из дверей храма появилась группа женщин и направилась вниз. Одна из них действительно была облачена в ярко-зелёное сари. «Простое совпадение!» — зашипели девушки, сверкнув в мою сторону гневно-осуждающими взглядами. Их отец чопорно шагал впереди, изо всех сил сохраняя невозмутимый и важный вид.

Внутри храма жрецы совершали ритуальное омовение *мурти* различными священными жидкостями. Когда они стали возливать молоко на статую Картикеи, я физически ощутил, как оно струится по моему собственному телу. Я закатал рукав рубашки до локтя и попросил отца взглянуть на моё предплечье. Он недовольно нахмурился, но в следующую секунду так и остолбенел: на моей коже прямо на его глазах проступали и собирались в белые капли струйки свежего молока! Три его дочери пронзительно завизжали и в ужасе вцепились друг в дружку. Вокруг нас мгновенно собралась толпа, слышались возбуждённые крики и шепотки. В конце концов жрецы, не желавшие, чтобы эта суматоха сорвала богослужение, решительно выпроводили меня на улицу.

И хотя эту помолвку я в итоге не расстроил, и свадьба брата состоялась, тот случай стал первой серьёзной трещиной, отделившей меня от привычного, обыденного мира. Позже я овладел *мантра-сиддхой* Картикеи — сверхъестественной способностью телепортировать священный пепел (который верующие получают в храмах как благословение) прямо из закрытого сосуда в запертом шкафу на собственную ладонь. Я обрел эту силу благодаря тому, что ежедневно, на протяжении строго

определённого числа дней, повторял тайную *мантру* заданное количество раз. Однако я не стал продолжать эту *садхану* (духовную практику), и со временем эта способность постепенно угасла. А спустя несколько месяцев другой сверхъестественный феномен начал всерьёз отравлять мне жизнь.

Однажды поздно вечером в Салеме, только-только погасив свет в арендованном доме и легши в постель, я услышал отчетливый стук в дверь. Я встал, щёлкнул выключателем, отодвинул засов и распахнул дверь. На пороге никого не оказалось. Я выглянул на лестничную клетку и внимательно осмотрел первый этаж вниз. Пусто. Пожав плечами, я запер дверь, потушил свет и снова лег в кровать. Но не прошло и нескольких секунд, как стук раздался вновь.

Я осмотрел всё ещё раз. Никого. Когда стук повторился в третий раз, я подошёл к окну и выглянул на дорожку. В ночной тени я заметил одинокую фигуру. Это был абсолютно обнажённый человек с длинной бородой и спутанными волосами, а его тело было сплошь покрыто ритуальным пеплом.

«Приходи в Чендамангалам», — сорвалось с его губ.

Этот голос прозвучал прямо у меня в голове. После этого незнакомец развернулся и растворился в темноте. Это был тот самый *садху* из моего пророческого сна об озере, который приснился мне несколько лет назад. Я был совершенно потрясён. «Если я сплю и вижу это во сне, нужно просто проснуться и забыть об этом», — подумал я. Я щёлкнул выключателем, плеснул в лицо холодной водой и взглянул в зеркало: я не спал, всё происходило наяву! Половину ночи я просидел без сна, а в голове непрерывно крутились мысли: кто этот загадочный *садху*? И где на Земле — если такое место вообще существует на Земле — находится этот Чендамангалам?

На следующий день в наш офис заглянул торговый агент, чтобы оформить полученный заказ на тракторные покрышки. Он подошёл к моему столу с оплаченным счётом, и я стал вносить данные в кассовую книгу, переписывая реквизиты с его бланка. Взглянув на адрес покупателя, я так и остолбенел: «Чендамангалам!». Мне с трудом удалось скрыть внезапно вспыхнувшее волнение. Я стал расспрашивать агента об этом месте. Он объяснил, что это небольшое селение в сельской местности, всего в двух часах езды на рейсовом автобусе от Салема. Внутренне я поклялся отправиться туда при первой же возможности.

Когда вечером я вернулся с работы, в почтовом ящике меня ждало письмо от мамы. Я читал его, поднимаясь по лестнице в свою комнату. Мама писала, что муж её сестры, служивший в «Канара Банке», получил перевод в отделение недалеко от Салема. Она очень просила меня «как можно скорее навестить его по указанному ниже адресу». Мои ноги сами подогнулись, и я опустился на стул, когда увидел внизу письма название того самого города, которое прозвучало из уст таинственного *садху*, — уже второй раз за один день!

В первые же выходные я сел на автобус и поехал в Чендамангалам. Я добрался туда как раз к ужину. Тепло пообщавшись с родственниками за столом, вскоре я решил выйти один на задний двор, чтобы немного осмотреться. Садик примыкал к высокой стене из белого кирпича, в которой были прорезаны зелёные деревянные ворота. Я откинул защелку и распахнул их, чтобы взглянуть на окрестности. Вдали на горизонте возвышался холм, а на его вершине виднелся храм. Это был точно тот самый холм и тот самый храм из моего детского сна о затопляющем озере!

Не сказав никому ни слова, я вышел за ворота и быстрым шагом шёл почти час, пока не оказался у подножия холма.

Поднявшись по длинной лестнице, я подошёл к святилищу, увенчанному большим остроконечным куполом. Заглянув внутрь, я увидел сидящее в милостивой позе на массивном постаменте из чёрного камня *мурти* с тремя ликами и шестью руками. В его ладонях я без труда узнал традиционные атрибуты Брахмы, Вишну и Шивы: сосуд для воды и священную рукопись, морскую раковину и цветок лотоса, трезубец и чётки из бусин *рудракши*. Навстречу мне вышел *пуджари* и протянул лепестки цветов, предложенные стопам божества. Я спросил его, в честь кого воздвигнут этот храм. Жрец тепло улыбнулся, искренне обрадованный моим интересом, и ответил: «Это Даттатрея».

В незапамятные времена Даттатрея явился на Землю как сын великого мудреца Атри и его добродетельной супруги Анасуи. Этот трансцендентный ребёнок был живым воплощением милости Брахмы, Вишну и Шивы — *тримурти* (триединой формы) Верховного Господа, который творит, поддерживает и разрушает всю Вселенную.

Пуджари показал мне пещеру, расположенную прямо под фундаментом храма. Около пяти футов (полтора метров) в ширину и двадцати в длину, она служила входом в *самадхи* (мавзолей) великого йога. В дальнем конце пещеры сидело в позе лотоса его мраморное изваяние, лоб которого был украшен священным пеплом. В этой статуе я безошибочно узнал того самого *садху*, который явился мне на дорожке у дома несколько ночей назад!

На стенах пещеры висело несколько обрамлённых картин: на одних были изображены йоги и другие святые, а одна представляла собой занимательную головоломку с котом на дереве, которую этот йог нарисовал когда-то специально для развлечения приходивших в храм детей. Я мгновенно вспомнил точно такую же картинку-загадку в храме из своего детского сна: эта выглядела в точности так же.

Господь Даттатрея — воплощение Верховного Господа, сын мудреца Атри и Анасуи. Изображается с тремя лицами как символ связи с Брахмой, Вишну и Шивой, а четыре собаки символизируют четыре Веды.

От священника я узнал, что этого йога звали Шри Сваямпракаш Брахмендра Авадхута Свами, и он покинул этот мир в 1948 году. Я спросил, возможно ли кому-то увидеть его в наши дни. Жрец оживлённо закивал: «О да! С тех самых пор как *Свамиджи* оставил свою физическую оболочку, он являл себя множеству людей. Он был великим *сиддха-йогом*. Даже смерть не в силах ограничить его могущество».

Жрец объяснил, что Брахмендра Авадхута достиг полного осознания *Брахмана* — абсолютного изначального сознания, существующего вне мирских названий, форм, качеств или желаний.

В Индии широко распространено философское представление о том, что именно безличный *Брахман* является высшим аспектом Божественного. Эту философию, известную миллионам индийцев как *адвайта-вада* («учение о недвойственности»), около тысячи четырёхсот лет назад систематизировал и обосновал великий ведантист Ади Шанкара. В будучи семейным человеком, Брахмендра Авадхута жил и работал в Коимбаторе, но в какой-то момент оставил всё и ушёл в Гималаи. Там он принял обет *санньясы* (полного отречения от мирской жизни) от *гуру* из суровой аскетической линии «*авадхута*».

Среди практик этой школы существует *дигамбара-врата* — обет носить на себе «лишь одежды из неба», то есть полное обнажение. На протяжении многих лет Брахмендра Авадхута медитировал в полном одиночестве в горах, пока свыше ему не пришло веление отправиться к холму Латагири, что близ Чендамангалама, и воздвигнуть там храм Даттатреи. Вместе с ним пришли четверо его учеников, и каждый из них основал в тех краях собственный *ашрам*. Когда я отыскал этот храм, заботу о его содержании несла семья потомков старшего брата Брахмендры Авадхуты. Их дом стоял прямо у подножия холма.

Ади Шанкарачарья

*Представитель Веданты, религиозный реформатор и полемист, мистик и поэт.
На основе Упанишад создал последовательную монистическую систему —
адвайта-веданту: «весь мир есть не что иное, как наша иллюзия».*

Я представился хозяевам и в ходе разговора как бы невзначай поинтересовался: «А не было ли здесь раньше какого-нибудь озера?». Пожилая женщина, племянница йога, заговорила впервые за всё время нашей встречи: «Откуда ты знаешь про озеро?».

Я замялся, стесняясь рассказать свой сон. Женщина выдвинула ящик старинного деревянного бюро и достала какие-то бумаги. Это был пожелтевший от времени набросок храма и холма, сделанный ещё при жизни Брахмендры Авадхуты. С одной стороны, прямо у подножия холма, на рисунке действительно было изображено озеро! Сейчас же на этом месте не было ничего, кроме зарослей молодого кустарника. Указав на нарисованное озеро дрожащим, узловатым пальцем, она тихо пояснила: «Когда *Свамиджи* покинул этот мир, озеро высохло».

С тех пор я стал приезжать в Чендамангалам при первой же возможности. Меня целиком захватила личность Даттатреи и Брахмендры Авадхуты. Мой разум словно затянуло в мощную парапсихологическую воронку, центром которой, казалось, была сама гробница-*самадхи*. Видения и духовные озарения непрерывным потоком лились сквозь эту незримую «мистическую трубу», порой на целые часы унося меня от привычных берегов рационального мышления. Если в этом состоянии мне случалось заговорить с людьми, я мог неожиданно раскрыть сокровенную тайну из чьего-то прошлого или с поразительной точностью предсказать будущее. Некоторые местные жители стали называть меня ясновидящим, другие же считали просто сумасшедшим.

Именно в этот период я принялся глубоко изучать философию *адвайты*, чтобы лучше понять и оценить тот высочайший уровень осознания, которого достиг Брахмендра Авадхута. Я познакомился с его здравствующими учениками и впитал от них всё знание, которое только смог воспринять. В

соседнем городе я отыскал библиотеку миссии «Шивананда-йога», полки которой ломились от трудов философов-адвайтистов, и стал брать эти книги домой целыми стопками.

В декабре 1973 года моя жизнь вновь совершила таинственный поворот. Во время праздничных выходных я отправился на туристическом автобусе в древний портовый город Махабалипурам, расположенный примерно в восьмидесяти километрах от Мадраса. В наши дни это небольшой, сонный курортный городок, куда приезжают отдыхать представители индийского среднего класса и иностранные туристы. Однако обилие старинных храмов и пещерных святилищ в его окрестностях красноречиво свидетельствует о том, что в эпоху правления династии Паллавов, около полутора тысяч лет назад, здесь процветал великий очаг высокой культуры. В приятные полуденные часы наша автобусная группа в сопровождении гида неторопливо осматривала местные достопримечательности.

На обратном пути к автобусу мы ненадолго задержались у Махишамардини-мандапам — скального святилища, служившего укрытием для паломников (*мандапой*). Этот зал был целиком высечен в монолитном камне на склоне холма. На серой стене святилища виднелся тронутый временем барельеф, изображающий божество Вишну в битве с демонами Мадху и Кайтабхой, а на противоположной стене была вырезана восемнадцатирукая *Дев*и, пронзающая демона Махишу.

Пока я стоял перед *мандапой*, меня охватило сильное чувство дежавю. Гид попытался развеять это ощущение своими обыденными комментариями, но моё сознание уже перенеслось в другое измерение. Экскурсионная группа вскоре потянулась к автобусу, и на какое-то время я остался в полном одиночестве. Вокруг царила тишина, нарушаемая лишь соленым ветром, дувшим с океана. И хотя физически я находился здесь впервые, я смутно припомнил давний сон, в котором разговаривал с

семилетней девочкой в месте, удивительно похожем на это святилище. Я присел в *мандане* и попытался восстановить детали видения, но картина в голове упорно не желала проясниться.

На улице стало темнеть. Мой автобус, разумеется, давно ушёл, увозя с собой и мой спальный мешок. Впрочем, меня это мало беспокоило. Пошёл дождь, быстро превратив рыжевато-коричневую песчаную дорожку снаружи в вязкую глину. Пожилой лысеющий мужчина, одетый во всё белое, спустился по каменистому склону холма и укрылся в *мандане*; вскоре к нему присоединились ещё две женщины. Когда угас последний луч солнца, дождь прекратился. Женщины собрались уходить, и пожилой мужчина поднялся вместе с ними.

Перед уходом он обернулся и спросил: «Вы не идёте? Дождь уже закончился».

«Я жду друга», — уклончиво ответил я.

«Понимаю, — произнёс он. — Но если вы рассчитываете уехать отсюда сегодня, то лучше подождите на остановке. Скоро пойдет последний автобус на Мадрас».

Они ушли. Небо очистилось: призрачные клочья тающих дождевых туч уступили место луне, звёздам и непроницаемо-чёрной ночной синеве над ними. Таинственная, задумчивая ночь бесшумно спускалась из глубин космоса и нашёптывала вечные тайны жизни древнему каменному пантеону Махабалипурама. Каменные слоны беззвучно трубили, приветствуя её приход, небесные *ансары* застыли в вечном танце, а боги и мудрецы простирали руки в благословении. Но ночь взидала на всё это с величавым безразличием: за свои миллионы лет она повидала чудеса и постарше, чем это собрание застывших изваяний.

г. Махабалипурам, штат Тамил-наду

г. Махабалипурам, штат Тамил-наду

Победа Вишну над демонами Мадху и Кайтабхой, г. Махабалипурам.

Во время космического растворения — пралайи, — когда всё мироздание было затоплено водами Космического Океана, Господь Вишну возлежал на волнах, погружённый в мистический сон йога-нидры. В этот миг из серы в Его ушах породились два свирепых асура — демоны Мадху и Кайтабха. Увидев Брахму, творца вселенной, они вознамерились его умертвить и устремились вверх по стеблю лотоса, на котором тот восседал. В страхе Брахма принялся горячо возносить хвалу Богине Йоганидре — Великой Махамайе, той иллюзорной энергии, что удерживала Господа Вишну в глубоком сне. Вняв мольбам творца, Богиня покинула тело Вишну, позволив Ему пробудиться. Восстав от сна, Бхагаван Вишну сошёл с демонами в яростной рукопашной схватке, которая непрерывно длилась пять тысяч лет. Опьянённые собственной силой и введённые в заблуждение чарами Богини, надменные асуры обратились к Вишну: «Мы довольны твоей отвагой. Проси у нас любой дар!». На это Вишну ответил: «Я желаю лишь одного: чтобы прямо сейчас вы пали от Моей руки». Поняв, что попали в ловушку, демоны пошли на хитрость. Оглядев бескрайний водный простор, они сказали: «Что ж, убивай, но только там, где суша не покрыта водой!». Тогда Вишну увеличил Своё тело, уложил демонов на Свои бёдра, возвышавшиеся над поверхностью океана, и мгновенно отсек им головы священным диском — сударшана-чакрой.

Победа Вишну над демонами Мадху и Кайтабхой

Дева, пронзающая демона Махишу, г. Махабалипурам.

История о демоне-буйволе Махишасуре и демонице-буйволице Махишасури. Полубог Датта и апсара Лила пришли на землю как люди. Датта хотел вернуться в Божественное Царство, но Лила наслаждалась своей земной жизнью и обществом Датты. Она хотела остаться на земле. Датта рассердился и проклял её, чтобы она стала Махиши, или демоницей в образе водяной буйволицы. Лила, в свою очередь, прокляла его, чтобы он стал Махишей, или демоном в образе водяного буйвола. Они мучили жителей Земли своими злодеяниями. Демона водяного буйвола Махишасура был убит богиней Дургой, а Махишасури была убита Айяпаном, положив конец ужасу зла и освободив райскую семью, которая была ранее проклята.

Восемнадцатирукаяя Девы, пронзающая демона Махишу

Внезапно я почувствовал, что в святилище я не один. Мои мышцы непроизвольно напряглись, дыхание перехватило, и я всем существом ощутил приближение чего-то необыкновенного!

Из-за большого валуна, лежавшего снаружи, показалось какое-то движение. В тишине раздался нежный, мелодичный перезвон ножных колокольчиков, и в полумрак *мандапы* шагнула маленькая тёмная фигурка, направившись прямо ко мне. Это была девочка. Сквозь залитую серебристым лунным светом дымку я пристально взгляделся в её черты — и сон мгновенно ожил в памяти! Это была та самая девочка лет семи, с удивительно миловидным, светлым лицом. На ней была длинная шёлковая юбка с блузкой в тон, в тёмные волосы был вплетён ароматный цветок, запястья поблескивали изящными браслетами, а на шее висела тонкая золотая цепочка.

Застенчиво улыбнувшись, она присела прямо под барельефом *Девы* и спросила: «Дядя, ты почему не уходишь?».

Голос у неё был поразительно нежным и мелодичным.

«Я никуда не ухожу, потому что ждал здесь тебя», — ответил я.

«Меня?» — она весело рассмеялась. — «А хочешь пахты?».

Она легко вскочила на ноги и выбежала из *мандапы* обратно за скалу. Я последовал за ней. Девочка вприпрыжку бежала вниз по тропинке к небольшому домику, в окне которого гостеприимно горел свет. Когда я догнал её, она окликнула хозяев у порога, и на пороге появилась женщина.

«Пожалуйста, угости дядю пахтой», — вежливо попросила малышка.

Я остался стоять снаружи вместе с девочкой, пока женщина ходила в дом за металлическим кувшином и стаканом. Когда она вернулась и протянула мне полный до краев стакан, я поинтересовался, кто эта девочка.

«Её отец — крупный государственный служащий, — охотно пояснила женщина. — Он нанял меня присматривать за ней. Она удивительный, необыкновенный ребёнок: она умеет предсказывать будущее».

Пахта оказалась невероятно вкусной и освежающей. Я протянул стакан за второй порцией, и, наливая напиток, няня продолжала: «Некоторые люди в нашем городке даже верят, что она — воплощение самой богини».

Допив пахту, я наклонился, бережно пожал маленькую ладошку девочки и произнёс: «Спасибо тебе за угощение, маленькая принцесса. Пожалуй, мне пора идти, но я был невероятно рад нашему знакомству».

Она лукаво моргнула и заявила: «Я провожу тебя до остановки!».

Я покачал головой: «Ну зачем же? Последний автобус давно ушёл».

Она звонко хихикнула и дразнящим тоном возразила: «Какой ещё автобус! Ты уедешь отсюда на машине!».

«Вот так она говорит всегда — уверенно и безапелляционно», — с любовью произнесла няня, нежно потрепав воспитанницу по щеке.

Мы втроём неторопливо направились к расположенной неподалёку автобусной остановке.

Но на полпути девочка внезапно остановилась и настойчиво потянула нас за руки назад: «Нет, нам нужно срочно вернуться в Махишамардини-мандапам!» — повторяла она снова и снова.

Няня смущённо извинилась за её каприз: «С ней такое случается постоянно. Некоторые люди с радостью подыгрывают её странностям, других это начинает раздражать. Надеюсь, вас это не сильно затруднит?».

«Ну что вы, ни капли», — искренне улыбнулся я и позволил малышке уверенно вести меня за палец обратно. Мы развернулись, прошли мимо домика и поднялись по склону холма обратно к *мандапе*. Няня тактично осталась ждать снаружи, а я вошёл в тёмный зал святилища и присел. Девочка встала прямо передо мной.

К моему величайшему изумлению, она вдруг заговорила о моём керальском опыте в *тантре*, свободно оперируя глубокими сокровенными терминами, известными лишь посвящённым в тайны *вама-марги*. После этого она прямо заявила, что я впустую теряю драгоценное время, бесцельно барахтаясь в тёмном мистицизме и сухих теориях *адвайты*.

«Если ты действительно хочешь прожить жизнь не зря и принести пользу миру, — решительно, совсем не детским тоном произнесла она, — ты должен немедленно оставить всё, чем занимаешься сейчас, и посвятить себя поклонению Бале».

Бала — это ипостась *Девы*, предстающая в образе юной, абсолютно невинной девочки. Поклонение Бале считается одной из самых чистых и возвышенных форм *пуджи* в традиции *шактов*. Будучи вечным ребёнком, эта богиня наотрез отвергает любые нечистые или кровавые подношения и никогда не наделяет своих почитателей той разрушительной, тёмной силой, за которой обычно охотятся адепты чернокнижия.

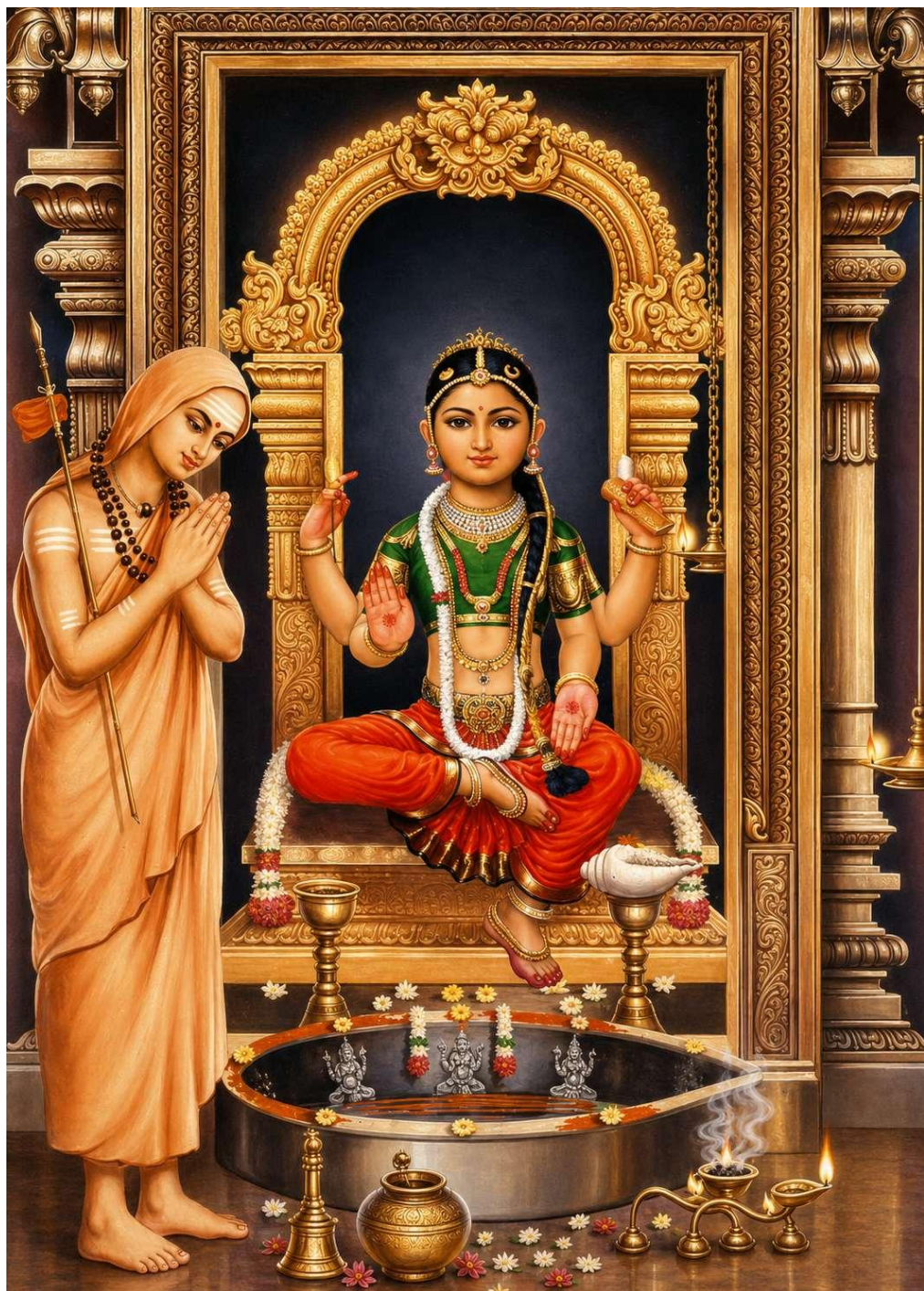
Бала Трипурасундари в форме девочки-подростка 13 лет

Лалиту Девы описывают как *Абхиная-кула-сундари*, что означает: каждое мгновение Её красота становится всё совершеннее, Она вечно юна и прекрасна. Согласно тексту «*Лалитопакхьяна*» из «*Брахманда-пураны*», *Лалита Девы* явилась из центра ослепительного сияния, возникшего над жертвенным костром, когда Индра совершал *ягью* в Её честь. Повинуясь воле собравшихся богов, Она избрала супругом Камешвару (Шиву). Она сокрушила демона Бхандасуру и до основания разрушила его город Сонитапуру. В Её честь божественный зодчий Вишвакарма воздвиг великолепный город Шрипуру на вершине горы Меру, где Она пребывает вечно вместе со своим супругом Шивой-Камешварой. *Шри-янтра* (или *Шри-чакра*) в действительности является символическим воплощением *Девы* в этой небесной Шрипуре.

Согласно священным описаниям, тело *Балы* (или *Бала-Трипурасундари*) сияет ярко, подобно восходящему Солнцу. У Неё нежные черты лица, роскошные волнистые волосы и кроткая улыбка. В своей двурукой форме Она облачена в красные одежды: в правой руке Она держит пять цветочных стрел, а в левой — лук из сахарного тростника.

Когда же Её изображают в четырёхрукой ипостаси — в облике Повелительницы, — Её волосы собраны в косу, ниспадающую на левое плечо, а одеяния имеют зелёный цвет. В верхних руках Она держит чётки из *рудракиши* и священную книгу. Нижние руки сложены в *мудры*: правая — в *абхая-мудре* (дарующей защиту и избавляющей от страха), а левая — в *варада-мудре* (дарующей благословения). Иногда в руках у Неё также изображают *анкушу* (слоновье стрекало) и *пашу* (аркан-петлю). В этом облике Она восседает на голубой лилии.

Порой Её изображают восседающей в самом центре *Шри-янтры*. У Неё три глаза, а голову венчает символ полумесяца. Её уши украшают *макара-кундалы* — изящные золотые серьги в форме мифического существа, напоминающего крокодила. Шею Богини обвивают ожерелья из сверкающих драгоценных камней и жемчуга.

*Бала Трипурасундари, Лалита Трипурасундари
Повторение хорошо известной Лалитасахасранамы и Тришати,
и поклонение её символу, Шричакре, очень популярны.*

««Ты не потеряешь работу, — произнесла она тем же решительным и не детским голосом. — Ты должен приносить пользу миру, быть полезным для каждого живого существа. Но чтобы подняться на этот уровень, тебе необходимо полностью освободиться от вожделения, которое всё ещё таится в твоём сердце. Конечная цель поклонения *Деви* — научиться относиться к самой богине и к абсолютно всем женщинам в этом мире с абсолютной чистотой. *Деви* — наша всеобщая Мать, и каждая земная женщина является её воплощением. До тех пор, пока ты хотя бы в мыслях смотришь на женщину как на объект чувственного наслаждения, ты совершаешь тяжелейший грех, уподобляясь безумцу, вожделеющему к собственной матери. Но если ты начнёшь искренне почитать женское начало как материнское, ты обретишь настоящую духовную силу. И тогда станешь полезным».

Я просто лишился дара речи. Как должен был я реагировать на столь глубокие, мудрые наставления, звучавшие из уст маленькой девочки?

Но не успел я опомниться, как она внезапно потянула меня за рукав и радостно закричала: «Дядя, идём скорее на остановку! Твоя машина уже пришла!».

Мы втроём поспешили обратно к автобусной остановке. Там действительно стоял арендованный автомобиль «Амбассадор» с водителем за рулём и двумя иностранными туристами на заднем сиденье. Мотор уже нетерпеливо тарахтел. Девочка подбежала к окну водителя и быстро перебросилась с ним парой фраз на местном наречии. Тот повернулся к своим пассажирам и спросил, не возражают ли они, если я попутчиком доеду с ними до Мадраса. Я тут же предложил оплатить тройной тариф, и туристы с готовностью закивали в знак согласия.

Амбассадор, Индия

После этого малышка подошла к передней пассажирской двери, распахнула её и скомандовала: «Садись!».

Я безвольно повиновался. Не успел я даже спросить её имя, как машина тронулась с места. Высунувшись в окно, я в последний раз взглянул на девочку и её няню. Они остались стоять на тускло освещённой деревенской улице, пока автомобиль увозил меня в ночь, полную нескончаемых размышлений и снов...

В наступившем 1974 году мой разум пребывал в глубоком смятении. Чтение сотен эзотерических книг — от астрологических трактатов до наставлений Заратустры — и мимолётные, дразнящие контакты с мистическими и божественными сущностями окончательно сбили меня с толку. Столько дорог, ведущих к такому множеству разных целей... Какому же пути я должен посвятить свою жизнь? Какой из них ведёт к Высшей Истине?

Я и по сей день абсолютно убеждён, что мои встречи со Шри Сваямпракашем Брахмендрой Авадхуттой, Картикеей и той маленькой девочкой в Махабалиपुरаме не были ни снами, ни галлюцинациями. Однако все они, подобно Брахме в древней ведической притче, словно держали передо мной волшебное зеркало. А я, подобно доверчивому предводителю демонов Вирочане, раз за разом принимал мимолётное отражение за истинную суть. Корень проблемы крылся в самой природе моей жажды познания. Мудрецы говорят, что существует два вида любопытства: стремление узнать то, что приносит реальную духовную пользу, и желание изведать то, чего не знают другие. Моё любопытство как раз относилось ко второму типу: я стремился не столько постичь Истину, сколько получить признание и тешить своё эго тем, что владею тайным знанием, недоступным для окружающих.

Вернувшись в Салем, я стал поклоняться Бале в образе невинной девочки, в точности как мне велели в Махабалипураме. Я изо всех сил обуздывал свои мысли и гнал прочь любые нечистые желания по отношению к женщинам. Однако я чувствовал, что больше не могу ограничивать свой духовный поиск одной лишь дисциплиной *шактов*. Я нисколько не сомневался в том, что поклонение *Девы*, держащей в руках двенадцать видов оружия (которые символизируют двенадцать благочестивых деяний, предписанных *Ведами* для искоренения человеческих пороков), действительно очищает базовые животные инстинкты. Это я наглядно усвоил ещё несколько лет назад, во время жизни в Керале.

Но теперь я всё чаще задавался вопросом: какова же конечная цель этого пути? *Девы-дхама* (сфера влияния *Девы*) — это вся материальная Вселенная. Она состоит из четырнадцати планетных систем и миров, по которым бесконечно перерождается обусловленная душа, закованная в темницу различных биологических тел. Само имя богини — *Дурга* (от санскритских корней «*дур*» — труднодостижимый или труднопреодолимый, и «*га*» — идти, двигаться) — указывает на то, что она словно непреодолимая крепостная стена удерживает души в заключении материального мира.

Философская школа *шактов* известна как *шамбхава-даршана*. Её высшей целью провозглашается слияние и тождество с Божественной Матерью, которая считается первопричиной (*сришти*) всего материального бытия. Именно Она поддерживает существование космоса (*стхити*), и именно в Неё всё мироздание погружается во время космического разрушения (*пралайи*). В учении *шамбава-даршаны* нет никакой реальности выше этого бесконечно повторяющегося цикла творения и уничтожения: в ней в принципе не идёт речи об окончательном освобождении души из материального мира (*мокше*). Основным методом медитации *шактов* заключается в том, чтобы постоянно

отождествлять себя с женским началом, поскольку с их точки зрения Верховный Бог — это изначальная Женщина, Божественная Мать (*ади-шакти*).

У *Дурги* есть двое сыновей — Ганеша и Картикея. Им обоим вверено предводительство над *шива-ганами* (мистической свитой Господа Шивы). Картикею также называют *Бхутараджей* — повелителем духов и призраков (*бхутов*). Ганеша олицетворяет материальный успех и процветание, а Картикея — материальную красоту и доблесть. Поклонение Ганеше или Картикее действительно очищает человека и со временем делает его достойным взойти на Кайлас — высочайшую сферу материального творения, священную обитель Господа Шивы. Но даже там, на вершине материального космоса, душа не освобождается окончательно от круговорота рождений и смертей. Хорошо известна история одного из величайших святых шиваизма, Сундарамурти Наянара: проживая на Кайласе, он однажды поддался мимолётному вожделению к одной из небесных прислужниц Шивы, из-за чего пал с духовных высот и был вынужден вновь родиться в земном теле в Южной Индии.

Доктрина *адвайтистов* основана на постулате, что Шива, повелитель *сиддха-йоги*, в своей медитации всегда сосредоточен на Трансцендентном. Те, кто достаточно аскетичен и решителен, чтобы следовать его примеру, по его милости могут вознестись с Кайласа в Садашивалоку — его вечную сферу, пребывающую за пределами *Девидхамы* и вечно озарённую сиянием духовного неба.

Этот путь принял Брахмендра Авадхута. Несомненно, его пример находил отклик в таких людях, как я. Конечно, я не был готов годами медитировать в обнажённом виде в холодных Гималаях. Однако многие книги *адвайтистов*, которые я прочитал, утверждали, что постичь *Брахман* не так уж сложно: это лишь вопрос правильной фокусировки ума. Человек должен

считать проявленный мир *майей* — иллюзией, не более реальной, чем сновидение. А за этой завесой скрыт безличный Абсолют, единственная истинная реальность.

Главная тема философии *адвайты* заключена в изречении «*тат твам аси*» — «ты есть То (*Брахман*)». Если я — это *Брахман*, значит, мир — всего лишь моя галлюцинация. При помощи правильного различения (*вивеки*) я должен буду «свести на нет» весь мир и достичь высшего блаженства (*ананды*). Всё, что мы видим, в действительности является не имеющим формы *Брахманом*. Эта теория имела большой успех среди любителей словесных баталий.

Адвайтисты говорят, что материальный мир — это отражение *Брахмана*, подобно отражению луны в воде. Кто-то может возразить: раз так, значит, у *Брахмана* должна быть форма? Ответ таков: нельзя путать отражённую форму с самой субстанцией. Когда мы видим отражение, мы видим лишь подобие формы, а не суть объекта. Следовательно, форма отлична от субстанции. А раз форма способна отражаться, значит, по своей природе она иллюзорна. Более того, *Брахман* не является даже субстанцией — Он невыразим. По этой причине к Нему неприменимы законы симметрии или логические уравнения.

Шанкара выделяет три уровня познания:

- *пратибхашика* — полная иллюзия;
- *вьевахарика* — условная, или относительная, реальность;
- *пармартхика* — трансцендентная истина.
-

В состоянии полной иллюзии человек принимает отражение за реальность. На уровне условной реальности он осознаёт, что перед ним лишь проекция, и совершает действия, направленные на её преодоление. В конечном счёте это приводит человека к жизни *санньяси* в традиции Шанкары, где он строго следует предписанным правилам монашеского быта.

Шива и Парвати, и их дети Картикея и Ганеша.

Лишь на уровне *пармартхики* человек ощущает свою тождественность с Абсолютом. Субстанция, порождающая иллюзию формы, полностью искоренена. Только тогда иллюзия исчезает. Не существует слов, способных описать опыт трансцендентного, ибо сами слова — это тоже формы, порождённые ложным отождествлением.

Поскольку инструменты для пробуждения к трансцендентному сами по себе иллюзорны, в *адвайтизме* невозможно убедительно объяснить сам процесс преодоления иллюзии. Великий учёный-адвайтист Джаятиртва Муни сравнивал это с ночным кошмаром: испугавшись, человек просыпается, и страшный сон (иллюзия *вьявахарики*) исчезает сам собой.

Достигнув уровня *вьявахарики*, адвайтист может поклоняться различным формам Бога (таким как *Девы*, Ганеша, Сурья, Шива или Вишну), однако в итоге он должен прийти к выводу, что и поклонение, и поклоняющийся, и объект поклонения — всё это растворяется в безличном единстве. Иногда говорится, что это происходит «по милости *майи*».

Таких адвайтистов также называют *майявади*. Поскольку с их точки зрения совершенство зависит от милости *майи*, сегодня в мире много *майявади*, которые не хотят следовать строгому методу Шанкары. Они рассуждают так: если жизнь — лишь иллюзия, то разница между жизнью монаха и жизнью распущенной также иллюзорна, а значит, нет смысла себя ограничивать.

Комментарий Шанкарачарьи к «*Веданта-сутре*» состоит из сухих теоретических рассуждений, и последователям предписано читать его ежедневно. Но в наши дни ведантизм *майявади* часто сводится к повторению заезженных лозунгов вроде «всё это лишь порождение ума», «всё едино» и апофеозу — «Я — Бог».

Распознав зыбкость подобных аргументов, я счёл *адвайтизм* в конечном счёте разочаровывающим. Если моя индивидуальность уже неотлична от *Брахмана*, почему тогда процесс осознания этой «универсальной истины» доступен лишь редчайшим душам? Если я един с теми мудрецами, которые осознали *Брахман*, почему же ни я, ни кто-либо другой не осознаёт это столь же отчётливо? К тому же, я не мог принять идею вседозволенности, вытекавшую из их философии. Когда однажды я выразил своё разочарование *адвайтой* ученику Брахмендры Авадхуты, он посоветовал мне обратиться к *садху*, который следовал системе *санкхьи*.

Существуют две разновидности *санкхьи*:

- теистическая;
- атеистическая.

Теистическая традиция берет начало в *Пуранах* и была впервые поведена мудрецом Капилой, воплощением Вишну. Атеистический же вариант изложен в древнем трактате «*Санкхья-карика*», написанном Ишваракришной. Автор ссылается на другого мыслителя по имени Капила, хотя ни одного подлинного труда того, первого Капилы, до нас не дошло. Тот *садху*, с которым я познакомился, принадлежал к атеистической школе.

Слово «*санкхья*» означает «счёт». Философия *санкхьи* систематизирует элементы реальности и классифицирует их согласно двум основополагающим принципам: *пуруша* (дух) и *пракрити* (материя). Поскольку эта система определяет два противоположных, но сосуществующих фактора творения, *санкхья* свободна от запутанного солипсизма, который столь досаждал в доктрине *адвайты*.

Пракрити придаёт миру форму, а *пуруша* дарует сознание, и оба этих принципа реальны. К категории *пуруши* относятся и бесчисленные индивидуальные души, называемые *дживами*,

которые вечно отличаются одна от другой. Под влиянием *пракрити* они попадают в зависимость от трёх качеств (*гун*): благодати (*саттвы*), страсти (*раджаса*) и невежества (*тамаса*). Обретая физические формы, состоящие из грубых и тонких материальных элементов, души вынуждены страдать в водовороте рождения, старости, болезней и смерти. Но по своей изначальной природе все *дживы* вечно чисты.

Путь освобождения в *санкхье* — это развитие непривязанности. Когда душа перестаёт отождествлять себя с внешней оболочкой ложного эго, интеллекта, ума, чувств и объектов чувств, она освобождается от страданий. А путь к непривязанности — самопознание при помощи йоги.

Моего учителя *санкхьи* пригласили в ашрам к адвайтистам для участия в философских дискуссиях. Я сопровождал его и был поражён, когда он в споре победил пятнадцать *санньяси-майявади*. Всё увиденное окончательно убедило меня в том, что философия *адвайтистов* имеет серьёзные изъяны.

Дальнейшее изучение *санкхьи* привело меня к теистическим концепциям, где вновь обнаружили два направления: *вишишта-адвайта* и *двайта*, впервые представленные Рамануджей и Мадхвой соответственно. Обе эти системы являются вайшнавской Ведантой, в которой *санкхья* играет вспомогательную роль.

В системе *вишишта-адвайты* («качественный монизм») *дживы* и *пракрити* обладают неотъемлемыми качествами (*вишешанам*) Вишну, Высшей Истины. Рамануджа сравнивает их с телом, а Вишну — с душой, или *Брахманом*. Поэтому Вишну — единственный истинный *Пуруша*. *Дживы* — это частицы высшей духовной энергии (*пара-шакти*), по своим качествам они подобны Вишну, но их могущество бесконечно мало, как у мельчайшей пылинки в солнечном луче. Вишну же — их Источник,

Всевышний (*Вибху*), подобно тому как Солнце — величайший источник света на небе. Материя подобна облаку: хотя она тоже порождена Солнцем, она ниже по положению, поэтому её называют низшей энергией (*апара-шакти*). Материя — причина *майи*, и подобно тому, как облако ненадолго скрывает солнечный свет, *майя* вводит в заблуждение некоторые души. Но в сравнении с ослепительным светом Солнца, *майя* ничтожна.

И души, и *майя* целиком зависят от Вишну, а потому они неотделимы от Него. Он — трансцендентный Господь, вечный, исполненный знания и блаженства, к тому же обладающий личностной природой. В философии условного монизма изречение «*тат твам аси*» («ты есть То») толкуется как «ты, индивидуальная душа, обладаешь теми же качествами, что и Вишну». Однако это ни в коем случае не означает «ты — Бог».

Мадхва был непримиримым оппонентом монизма, поэтому он смело провозгласил свою систему *двайта*, или дуализм. Его главной мишенью был *адвайтизм* Шанкары, хотя он сделал ряд исключений для некоторых положений философии *вишишта-адвайты*.

Термин «*адвайта*» принимался Шанкарой (и отчасти Рамануджей) в значении «неотличный». Мадхва же настаивал на буквальной интерпретации: *адвайта* означает «недвойственный», в свете утверждения *Упанишад* — *эка брахма двития насти*: «*Брахман* един, второго нет».

Философия *двайты*, таким образом, утверждает, что Бог — абсолютно превосходит и трансцендентен. У Него нет соперников, и Он не обременён никакими обязанностями. А потому *майя* не может ввести Его в заблуждение — в отличие от теорий, в которые верят *майявади*. Ни души, ни *майя* не являются частями Его тела, поскольку это означало бы, что Он от них зависит.

Шри Рамануджачарья (1017—1137).

* * *

Вайшнавский философ и теолог, основатель и главный представитель школы вишишта-адвайта-веданта. В трудах Рамануджи получили полную реализацию и систематизацию задачи синтеза философии Веданты и вайшнавской теологии, поставленные его предшественниками Ямуначарьей и Натхамуни. Среди основных заслуг Рамануджи выделяется составление комментариев к «тройственной основе» Веданты, в которых были разработаны и обоснованы положения вишишта-адвайты. Он также известен как ачарья и выдающийся проповедник, оказавший влияние на движение бхакт.

Рамануджа родился в семье тамильских брахманов в деревне, располагавшейся на территории современного штата Тамил-наду. Он принял в качестве гуру Ядава Пракашу, принадлежавшего к традиции адвайта-веданты, но позднее разошёлся с ним во взглядах и стал последователем учения вайшнавских святых-мистиков альваров — Натхамуни и Ямуначарьи.

Философия вишишта-адвайты Рамануджи получила своё дальнейшее развитие в двайте — теистическом дуализме Мадхвы, и наряду с адвайта-ведантой Шанкары выделилась как одна из трёх наиболее влиятельных ведантических философских школ II тысячелетия. Рамануджа утвердил эпистемическое и сотериологическое значение бхакти, или преданности личностному божеству, как средство духовного освобождения (мокиши). Он постулировал наличие множественности и различия между Атманом и Брахманом, в то же время, не отрицая множественности индивидуальных душ и их способности осознать своё единство с Брахманом.

* * *

Шри Мадхвачарья (1238—1317).

* * *

Великий философ и проповедник, основатель религиозно-философской традиции двайта (дуализм) или таттва-вада, являющейся одной из центральных монотеистических школ Веданты вайшнавского канона. В самой традиции таттва-вада Мадхва почитается как воплощение Ваю. Такое утверждение основывается, в первую очередь, на содержании Баллитха-сукты «Ригведы», а также на жизнеописании самого Мадхвы — «Сумадхва-виджая», составленном признанным выдающимся автором данной традиции Нараяна Пандитачарьей. Мадхве принадлежит более 40 сочинений, из которых наиболее известными являются его комментарии к «Брахма-сутрам» Вьясы, «Бхагавад-гите» и основным Упанишадам, комментарии к отдельным частям (суктам) «Ригведы» и «Махабхарате», который также известен как «Махабхарата-татпарья-нирняя».

* * *

Иными словами, *адвайта* в действительности означает «уникальный». Господь, будучи уникальным, должен быть отделён от того, что стоит ниже Его по положению. Но это подразумевает полную обособленность душ и материи от Бога. Например, утверждение «голубой лотос» не является неверным, хотя мы осознаём, что цветок и его цвет — не одно и то же. Таким образом, учение Мадхвы о *двайте* отличается как от фундаментального дуализма, так и от атеистической *санкхьи*. Оно провозглашает, что Бог — единственный Источник всего сущего. *Двайта* разъясняет понятие «различие» в значениях «Повелитель» и «Великий»; иными словами, *двайта* выделяет Бога, подчёркивая Его самобытность.

Я считал два вопроса самыми важными: «Кто такой Бог?» и «Как мне достичь Бога?».

Рамануджа и Мадхва давали схожие ответы: Шри Вишну — это Бог, и Его достигают с помощью *бхакти* (чистой преданности души). Далее оба философа сходятся на том, что освобождение невозможно обрести лишь силой знания *дживы* или через непривязанность, и уж тем более материя не способна даровать свободу. Освобождение дарует лишь Божественная Милость, и оно не ограничено рамками одних лишь человеческих усилий. Освобождение — это не просто прекращение страданий, а состояние позитивного духовного блаженства, обретаемого через общение с Вишну.

Я признавал, что вайшнавская традиция — безусловно, чистейшая из всех изученных мною философий. Но у меня оставались сомнения. Главным образом меня смущал тот факт, что другие учения казались мне гораздо доступнее. Без особых усилий я освоил *шактизм*, *шайвизм*, *адвайту* и атеистическую *санкхью* до такой степени, что меня считали знатоком. Но когда бы я ни открывал вайшнавские тексты, я чувствовал себя чужаком. Они просто не соответствовали моему складу ума.

Другое сомнение рождалось из моих посещений вайшнавских храмов. Я не замечал ни в священнослужителях, ни в верующих ничего особенного, что отличало бы их от общей массы благочестивых индуистов, просто соблюдающих обряды. Я прочёл биографии Рамануджи и Мадхвы и верил, что они были истинными святыми учителями. Если бы я встретил вайшnavов, подобных им, мне было бы гораздо легче принять эту прекрасную философию. Но всё, что я видел, говорило лишь о том, что вайшnavы — это просто ещё одна разновидность ортодоксальных индусов, живущих самой обычной жизнью.

Сампрадаи (школы) Рамануджи и Мадхвы строго поддерживали индуистскую традицию брахманизма по праву рождения. Несомненно, вайшnavы признают, что мужчина, женщина или ребёнок любой касты — или даже вне касты — могут быть благословлены Божественной Милостью. Но только *брахманы* являются «особыми слугами» Вишну в этом мире. Только они считаются «чистыми по природе» и потому единственно достойными совершать храмовые ритуалы.

Это пахивало снобизмом, и мне это претило. Похоже, самому Вишну это тоже не нравилось. Рассказывают, что Ранганатха, *мурти* Вишну в храме Рангакшетра, однажды закрылся в своём святилище от самого главного священнослужителя, потому что тот оскорбил Тируппана-альвара, святого вайшnavа из касты париев. Божество отказывалось открывать двери, пока священник не принёс Тируппана в храм на собственных плечах.

Другой знаменитой святой вайшnavи была Андаль — юная девушка, которая смело вошла в святилище, чтобы стать женой Ранганатхи. Как правило, женщины считаются ритуально нечистыми, и им не позволено входить в алтарь к *мурти*. Но Вишну заботит не столько ритуальная чистота, сколько чистота преданности. Андаль чудесным образом слилась с образом

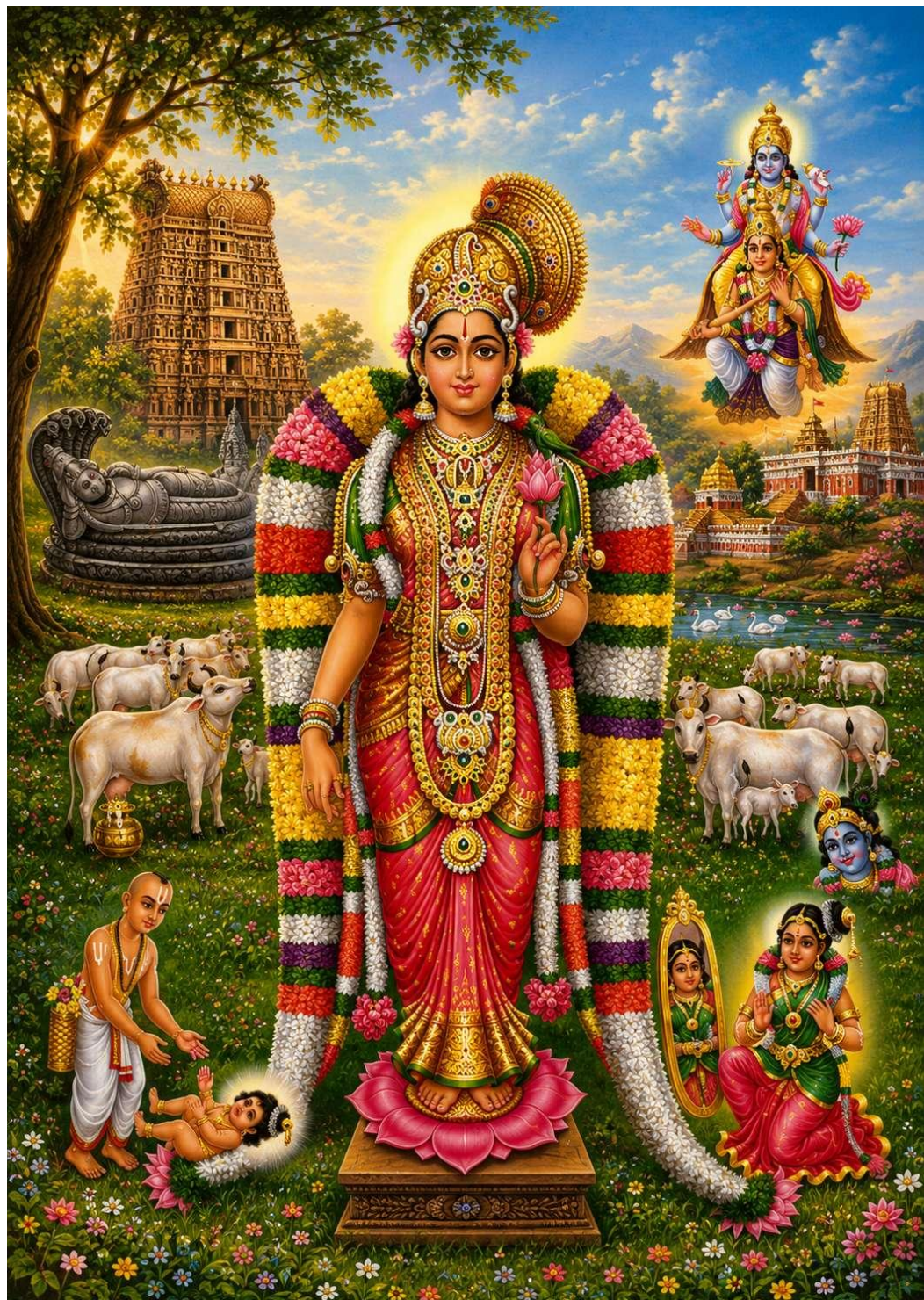
божества Ранганатхи, и сейчас ей поклоняются как экспансии Лакшми, духовному воплощению энергии Вишну в женском облике.

Я решил временно оставить в стороне все эти доктрины и продолжить поиск непосредственного трансцендентного опыта, с помощью которого я мог бы интуитивно понять, какая из философий является истинной и существует ли она вообще. Однако, чтобы производить впечатление на окружающих, я притворялся приверженцем разных учений: встречаясь с *шактой*, я рассуждал как *адвайтист*, а в споре с *адвайтистом* — яростно защищал положения *санкхьи*. Подобно путнику, колеблющемуся между двумя мечетями, я в итоге полностью разочаровался в них всех.

В конце концов мои изыскания привели меня в библиотеку при миссии Шивананда-йоги, где я подружился с её директором — спокойным, рассудительным и учтивым молодым человеком, который был старше меня всего на несколько лет. Он не одобрял мою «всеядность» и наставлял, что для реального прогресса на любом пути необходимо принять предписанную *садхану*.

«Одним лишь чтением ты пытаешься ухватить истину за хвост, словно скользкого угря. Она неизбежно ускользнёт из твоих рук», — говорил он своим мягким, неторопливым голосом. — «Гораздо полезнее утвердиться в чём-то одном и совершенствоваться в этом. Я могу обучить тебя ежедневным йогическим упражнениям, которые помогут сконцентрировать ум на внутреннем свете. Ты обретишь умиротворение, а где царит мир, там пребывает и Бог».

Я попробовал, но мой ум был слишком беспокоен, чтобы практиковать это регулярно. Когда я снова встретил директора и признался в своём бессилии, он на минуту закрыл глаза, погрузившись в глубокое молчание.

Андаль – «та, кто правит Богом».

Святая Андаль: невеста Ранганатхи

Другое имя Андаль — «Года» (на тамильском *Kotai*, что буквально означает «дарующая коров», то есть «приносящая благо»). Иногда так называют ипостась *Лакими* в форме *Бху-деви*, земной супруги Вишну. В своих поэтических произведениях сама Андаль часто именует себя «Котаи».

История сохранила удивительную легенду о её неземной любви. Эти предания, зафиксированные как в устных народных традициях, так и в письменных агиографиях (начиная с XI века), донесли до нас образ этой великой святой. Биографические сведения в текстах весьма скупы, и многие детали её жизни можно реконструировать лишь из строф её собственных стихов. Согласно преданию, Андаль родилась в месте, где сейчас расположен город Шривиллипуттур (Южная Индия, южнее Мадурая). В древности этот город назывался *Путувай* и был богатой столицей местного княжества, красоту и процветание которого она воспевае в своих гимнах.

Согласно легенде, Перияльвар (Вишнучитта) нашёл Андаль младенцем в саду, где рос священный базилик-*туласи*. Он вырастил девочку как приёмную дочь, дал ей имя Котаи и с ранних лет привил ей глубокую любовь к Вишну в Его прекрасной форме Кришны. Некоторые современные индологи полагают, что Перияльвар был не отцом, а духовным наставником Андали, указывая на то, что в своих произведениях он нигде прямо не упоминает её как дочь. Сама Андаль также указывает лишь на косвенную связь с ним (используя в стихах притяжательную форму «прекрасная Котаи Вишнучитты»).

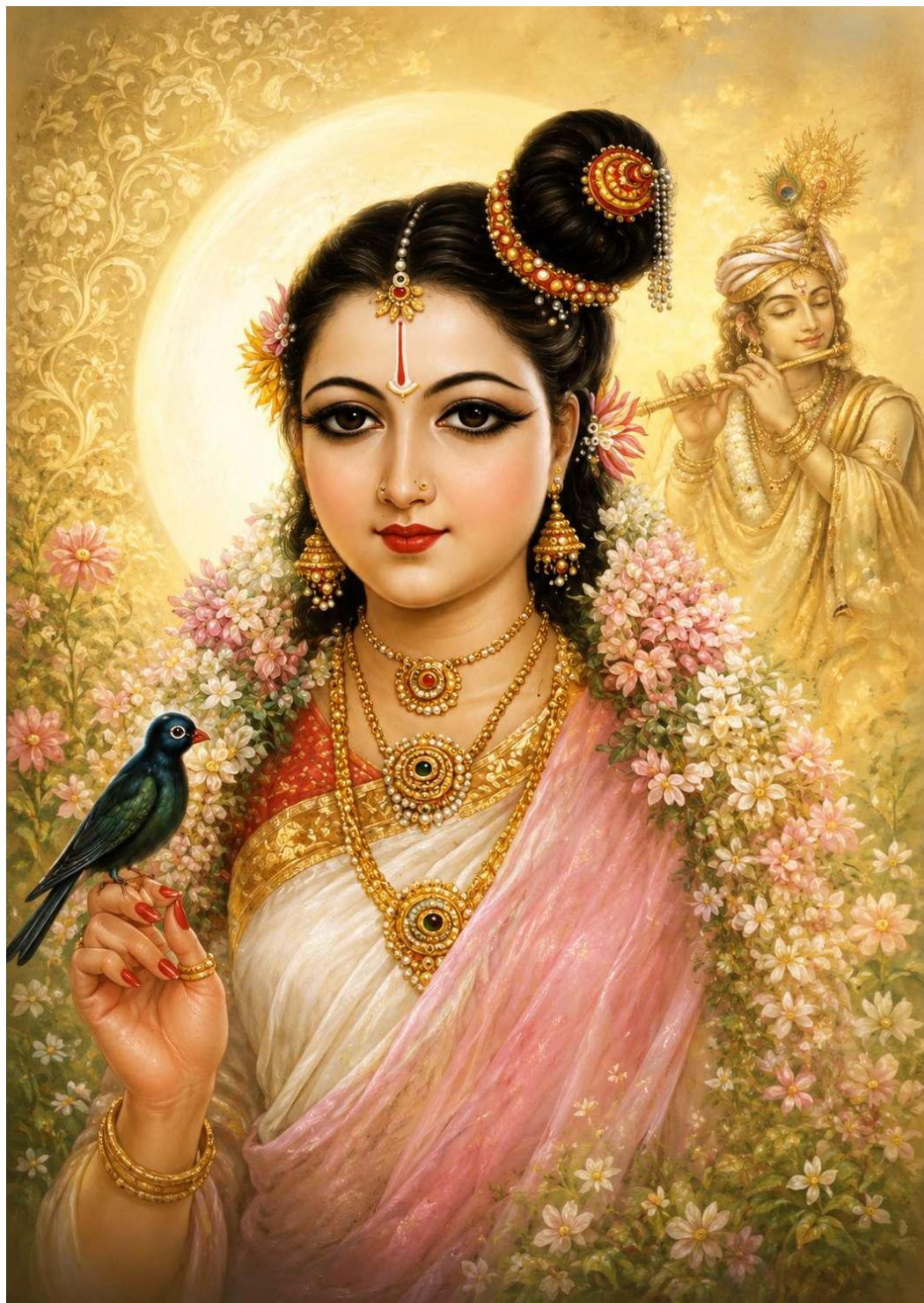
Помогая Перияльвару, Котаи с детства готовила цветочные гирлянды для ежедневного ритуального подношения в храме Вишну. Она проявляла такую силу любви к Богу, что мечтала стать Его супругой. Каждое утро, предаваясь своим девичьим грёзам, она украшала себя гирляндами, предназначенными для божества, совершенно игнорируя правила ритуальной чистоты. Когда отец заметил это, он посчитал гирлянды осквернёнными и непригодными для храма. Однако той же ночью ему приснился Вишну, который выразил недовольство тем, что ему не предложили гирлянду Андали. Господь признался, что желает принять украшение, которое уже коснулось её тела. Осознав божественную природу своей воспитанницы, Перияльвар стал называть её *Судиккодутта-наччияр* — «Богиня, поднесшая гирлянду, которую сама носила».

Когда встал вопрос о замужестве, Андаль категорически отказалась выходить замуж за кого-либо, кроме Бога, чем немало озадачила Перияльвара. Она заявила, что предпочла бы умереть, нежели стать женой смертного. Отец спросил, в каком именно образе Вишну она хотела бы видеть своего мужа, и Андаль попросила его пропеть имена Господа. Когда Перияльвар начал перечислять эпитеты Вишну, при упоминании божества из Шрирангама взгляд девушки наполнился дивным сиянием. Перияльвар был в отчаянии: как он мог исполнить столь безумное желание своей подопечной? Однако вскоре во сне ему вновь явился Вишну в образе Ранганатхи и повелел привести девочку в Шрирангам для проведения свадебной церемонии.

«Под рокот барабанов, раковин немолчный рёв, Под жемчугом украшенным, с гирляндами навесом, Мой избранник, *Мадхусудхана* [Вишну], Меня взял за руку — во сне увидела я это, о подруга!» (*Из «Тируппавай», пер. А. М. Дубянского*)

Перияльвар сопровождал шестнадцатилетнюю Андаль в храм Ранганатхи в Шрирангаме. По преданию, когда Андаль вошла в святилище, она взошла на пьедестал к стопам статуи Ранганатхи, заняла место *Лакими* и бесследно растворилась в божестве.

Других историй о земной жизни Андали не сохранилось. С тех пор её называют «Андаль», что буквально означает «та, кто правит [Богом]», поскольку она покорила сердце Вишну так, как не удавалось никому ни до, ни после неё.

Андаль, рисунок

Шри Ранганатха,

город Шри Рангам, штат Тамил Наду, Индия.

Затем он открыл глаза, но взгляд его оставался опущенным, когда он заговорил: «Примитивное животное попадает в лапы врага из-за предсказуемости своих инстинктов. Но человек, слишком полагающийся на свой ум, попадает в ловушку из-за собственной неустойчивости».

Он выдержал паузу, затем посмотрел мне прямо в глаза и добавил: «Ты знаешь, кто главный враг человека?»

Он процитировал «*Бхагавад-гиту*»: «Это лишь вожеление, о Арджуна, рождённое под влиянием гуны страсти; оно превращается в гнев и становится всепожирающим, греховным врагом этого мира».

Его предупреждение прозвучало как пророчество. Но я был настолько поглощён своими психологическими открытиями, которые непрерывным потоком лились через «мистический канал», что не воспринял его слова всерьёз. Прорицания, *дежавю*, бесплотные голоса, видения и встречи с нематериальными сущностями — всё это стало для меня обыденностью. Мне даже не приходило в голову, что контроль над собственной жизнью стремительно ускользает из моих рук.

Я решил временно оставить в стороне все эти доктрины и продолжить поиск непосредственного трансцендентного опыта, с помощью которого я мог бы интуитивно понять, какая из философий является истинной и существует ли она вообще. Однако, чтобы производить впечатление на окружающих, я притворялся приверженцем разных учений: встречаясь с *шактой*, я рассуждал как *адвайтист*, а в споре с *адвайтистом* — яростно защищал положения *санкхьи*. Подобно путнику, колеблющемуся между двумя мечетями, я в итоге полностью разочаровался в них всех.

В конце концов мои изыскания привели меня в библиотеку при миссии Шивананда-йоги, где я подружился с её директором — спокойным, рассудительным и учтивым молодым человеком, который был старше меня всего на несколько лет. Он не одобрял мою «всеядность» и наставлял, что для реального прогресса на любом пути необходимо принять предписанную *садхану*.

«Одним лишь чтением ты пытаешься ухватить истину за хвост, словно скользкого угря. Она неизбежно ускользнёт из твоих рук», — говорил он своим мягким, неторопливым голосом. — «Гораздо полезнее утвердиться в чём-то одном и совершенствоваться в этом. Я могу обучить тебя ежедневным йогическим упражнениям, которые помогут сконцентрировать ум на внутреннем свете. Ты обретишь умиротворение, а где царит мир, там пребывает и Бог».

Я попробовал, но мой ум был слишком беспокоен, чтобы практиковать это регулярно. Когда я снова встретил директора и признался в своём бессилии, он на минуту закрыл глаза, погрузившись в глубокое молчание.

Затем он открыл глаза, но взгляд его оставался опущенным, когда он заговорил: «Примитивное животное попадает в лапы врага из-за предсказуемости своих инстинктов. Но человек, слишком полагающийся на свой ум, попадает в ловушку из-за собственной неустойчивости».

Он выдержал паузу, затем посмотрел мне прямо в глаза и добавил: «Ты знаешь, кто главный враг человека?»

Он процитировал «*Бхагавад-гиту*»: «Это лишь вожеление, о Арджуна, рождённое под влиянием гуны страсти; оно превращается в гнев и становится всепожирающим, греховным врагом этого мира».

Его предупреждение прозвучало как пророчество. Но я был настолько поглощён своими психологическими открытиями, которые непрерывным потоком лились через «мистический канал», что не воспринял его слова всерьёз. Прорицания, *дежавю*, бесплотные голоса, видения и встречи с нематериальными сущностями — всё это стало для меня обыденностью. Мне даже не приходило в голову, что контроль над собственной жизнью стремительно ускользает из моих рук.

Глава 5. Опять мышь

«Если тебе хочется быть главным жрецом всякой ерунды — это твоё право, но ты совершенно точно не должен заниматься этим в рабочее время!».

Главный бухгалтер, суровый и благоразумный чиновник, разумеется, полагал, что говорит от лица всего офиса. В его глазах читалась непоколебимая решимость занять твёрдую позицию. Я же продолжал рисовать Даттатрею, будто даже не слышал его тирады. Сдержанные смешки коллег заставили его обвести офис пронизывающим, ледяным взором, словно говорящим: «Ты следующий». Затем, бросив на меня испепеляющий взгляд, он прорычал: «Ты дорисуешь эту картинку на тротуаре, за медный грош, бестолковый мечтатель!» — и с достоинством удалился.

Прежде он всегда прикрывал меня. Более двух лет я был его главным ассистентом, и мелкие прегрешения легко списывались на моё усердие. Но сегодня я явно переполнил чашу его терпения. Позавчера я ушёл с работы, никого не предупредив. Вчера я и вовсе не появился, не удосужившись объяснить своё отсутствие. Сегодня же я был на месте, но занимался лишь рисованием *Даттатреи*, не проронив ни слова.

Через пару минут Вайдьянатх коснулся моего плеча: «Друг, тебя вызывает директор. Бухгалтер уже побывал у него и устроил грандиозный скандал».

Не говоря ни слова, я отложил карандаш и неторопливо направился в директорский кабинет. Он встретил меня вежливой улыбкой и предложил сесть, чтобы объяснить своё поведение. Наступила мёртвая тишина; я словно выуживал нужные слова прямо из эфира, складывая их в голове. Наконец я начал: «Позавчера меня позвали с работы в храм Даттатреи в Чендамангалам...».

Он поднял руку, останавливая меня: «Кто позвал?».

«Шри Сваямпракаш Брахмендра Авадхута Свами, *маханта* этого храма».

«Ачча... Значит, *гуруджи* позвонил вам прямо в офис?».

«Нет. Он позвал меня телепатически».

«Хорошо. Пожалуйста, продолжайте».

«Я провёл в храме всю ночь, потому что там в полночь совершали особую *абхишеку* (ритуал омовения божества)».

Он снова прервал меня: «То есть, *гуруджи* проводил праздник и телепатически пригласил вас приехать?».

«Да, но это было незримо, поскольку он покинул этот мир ещё в 1948 году».

«Да, да... Пожалуйста, продолжайте».

«На рассвете я покинул храм. Спускаясь с холма по дороге, я встретил двух привидений. Я прочёл для них *мантру* Картикеи и поручил заботам Шрештараджи. Оставшуюся часть дня мне нужно было отдыхать. А сегодня я думаю только о Даттатрее».

«Только о нём?».

«Да».

Он совершил характерное индийское движение головой из стороны в сторону и подался вперёд, словно доверяясь мне. Услышав собственный голос, описывающий всю эту нелепицу, я впервые подумал, что окончательно сошёл с ума. Я внутренне

сжался, ожидая приговора. Директор поднял ладонь и начал нежно гладить воздух над своим столом, будто поглаживая мою несчастную голову.

«Послушай, Каннан. В Индии всё изменилось. Время богов и храмов уходит. Только простонародье может продолжать следовать этим причудливым формам благочестия, но ты ведь образованный человек. Ты должен смотреть в будущее, а не жить вчерашним днём».

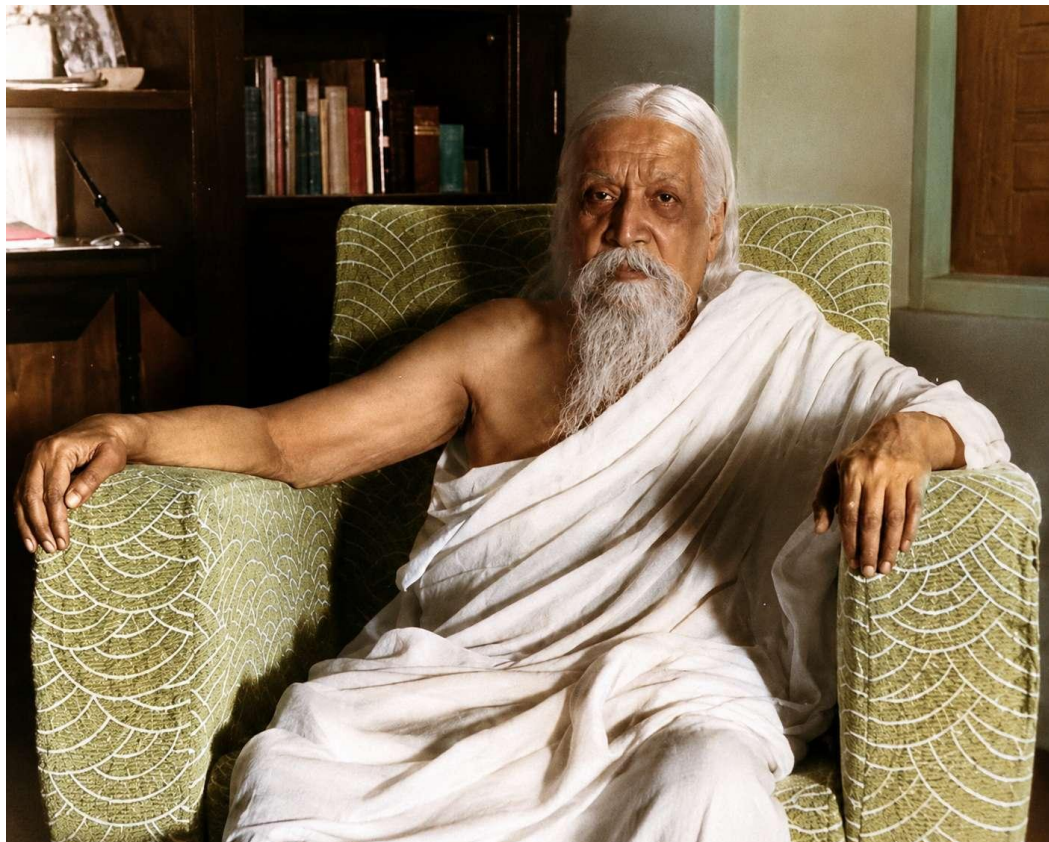
Я подумал: «Он просто потакает мне этой вежливой речью. Разумеется, он считает меня ненормальным». Мне захотелось открыться ему. Директор относился ко мне с симпатией, а мне жизненно была нужна чья-то помощь.

«Сэр, — начал я, — я искренне верю в религию. Изучив *тантру*, *шактизм*, *адвайту* и другие учения, я узнал много удивительного...».

Он хлопнул в ладоши, терпеливо качая головой: «Это всё замечательно, Каннан. Я не говорю, что ты должен оставить религию. Тебе просто нужно стать практичнее, вот и всё».

Он открыл ящик стола и с благоговением достал оттуда две фотографии. На одной был *садху* в белых одеждах, с длинными волосами и бородой. На другой — улыбающаяся женщина, которую я принял за западную леди.

«Это, — он указал на *садху*, — *аватара* нашего века. В нём пребывают все божества. Его имя — Шри Ауробиндо. А это его *Шакти*, которую он почитает как Мать. Хотя оба они уже покинули этот мир, они духовно всё ещё с нами. Их учение соединяет всё самое ценное, что есть в индуизме, в едином научном синтезе».

Шри Ауробиндо (1872—1950)

Индийский философ, поэт, революционер и организатор национально-освободительного движения Индии, националист, йоги, гуру и основоположник интегральной йоги.

Мирра Альфасса (1878 — 1973)

Последовательница Ауробиндо, известная также под именем Мать, основавшая с ним религиозно-философское учение интегральная йога. Является также основательницей международного города-общины Ауровиль.

Ауровиль - город-эксперимент по созданию интернационального общества людей, живущих вне политики и религиозных предпочтений.

Ничего подобного я не ожидал от директора. Его глаза светились гордостью. Все мои страхи по поводу потери рассудка или работы мгновенно улетучились. Я был уверен: если бы мой бухгалтер увидел директора сейчас, он бы решил, что тот — ещё больший жрец «ерунды», чем я. Но директору было не привыкать к «добрым» словам коллег. Могло ли всё это происходить благодаря Ауробиндо? И мог ли он направить мою жизнь по верному пути?

«Я дам тебе *мантру*, Каннан, — торжественно заявил директор. — Поставь эти фотографии на свой стол и посвящай всё, что делаешь, Шри Ауробиндо и Матери. Это вернёт тебя в реальность, и ты обретёшь цель всех религий».

Я стал ревностным новообращённым. Прежде чем взять в руки карандаш, я совершал им *пуджу*, предлагая благовония, цветы и молитвы. Выписав счёт, я держал его перед фотографиями, повторял *мантру* и лишь затем клал в лоток «Исходящие». Я освящал каждую запись в бухгалтерской книге. А во время перерыва предлагал им чашку кофе. Это лишь ещё больше открыло мой психический канал.

Вскоре весь офис был наводнён моими видениями. Я приставал к окружающим практически каждый день, на работе или на заводе, вываливая на них свои новейшие «откровения». Если собеседник слушал достаточно долго, я входил в резонанс с его умом — подобно тому, как один гонг начинает вибрировать, если ударить по другому, настроенному на ту же частоту. После этого я мог легко проникнуть в его подсознание, извлечь скрытые воспоминания или «подсадить» в чужую голову собственные мысли. Многих коллег я всерьёз мистифицировал.

Однако, видя беспокойство главного бухгалтера, окружающие стали считать меня «опустившимся гулякой и спятившим идиотом». Вскоре я вновь оказался в кабинете

директора. На этот раз он дал мне отпуск, чтобы я мог вместе с матерью съездить в Пондичерри, в городок Ауровиль, где находился ашрам, основанный Ауробиндо ещё в 1926 году.

Мы провели там пятнадцать дней. Я довольно близко познакомился с М. Т. Пандитом, доверенным лицом покойной Матери. Он решил, что я развил великие духовные силы, и пригласил остаться там навсегда. Но увидев, что в столовой подают мясо, а иностранки в шортах свободно общаются с мужчинами, я пришёл в замешательство. Моя мать, простая женщина, никогда прежде не сталкивавшаяся со свободой западных нравов, была в шоке. Увидев жизнь в Ауровилле, она никак не могла взять в толк, какой смысл может быть в учении Ауробиндо.

«Видно птицу по полёту, а дерево — по плодам», — так она выразила свои сомнения.

Поездка в Ауровиль всё же помогла мне сохранить работу, ибо директор продолжал верить в меня. Вернувшись, я обнаружил, что он позволял мне куда больше, чем можно было ожидать: время от времени я прогуливал целый рабочий день, а иногда появлялся лишь на пару часов, чтобы погрузиться в праздные мечтания. Зарплату при этом я получал в полном объёме — к величайшей досаде главного бухгалтера.

Больше года я делил квартиру с Шанкарой Субраманья — весёлым парнем, который безропотно сносил мои экстравагантные выходки, даже когда я включал свет посреди ночи, часами докучая ему разглагольствованиями о мистике. Ещё один мой ровесник, рабочий по имени Мани, жил в том же доме. Он тоже считал себя философом, но был человеком «мира сего», плотским до мозга костей. Стоило мне заговорить о духовном или эзотерическом, как он тут же уходил. Но это было лишь начало моих испытаний.

Увлечение спиритуализмом привело меня на жизненный перепутье, и я не знал, какой путь выбрать. Если бы я захотел сделать карьеру в «TVS», мне пришлось бы навсегда оставить свои занятия. Но это было невыполнимо: мой ум постоянно будоражили откровения, которые я больше не мог скрывать. Находить силы для повседневной рутины становилось всё труднее.

Заметив моё состояние, Мани решил вмешаться с «мудрым» советом: «Слушай, Айер, твои проблемы от того, что ты ставишь перед собой слишком высокие цели. Зачем тебе вечно быть примерным *брахманом*? Ты слишком чист, и от этого тебе же хуже. Если хочешь выкинуть эту дурь из головы, тебе нужно спуститься с небес на землю и испачкаться».

Он прозрачно намекал, что «знает, что мне нужно» и готов помочь. Я притворился, что не интересуюсь этим, но Мани продолжал изо дня в день настаивать на своём, чувствуя, как колеблются мои намерения. И он был прав. Молодых людей повсюду влечёт женская красота. В приличном индийском обществе существует лишь один приемлемый способ решить эту дилемму — женитьба.

Я оставался холостяком и избегал соблазнов не потому, что был лишён влечения к женщинам, а потому, что сублимировал сексуальную энергию с помощью *тантры*. Я практиковал это последние пять лет, а после встречи с маленькой пророчицей из Махабалипурама стал ещё строже к себе.

Я оправдывал свой интерес к женщинам «эстетическим наслаждением божественным женским началом». Особенно меня восхищала грация танцовщиц в стиле *Бхаратанатьям*. Благодаря общению с актёрами я научился привлекать внимание красивых женщин и удерживать их интерес в беседе. Я упивался их грациозными жестами и мелодичными голосами.

Танцовщица стиля Бхаратанатъям

Снова и снова я вызывал у симпатичных женщин эмоциональную привязанность, упиваясь их вниманием. Но я старался сохранять «правильное отношение»: ведь они — воплощения *Девы*, и я не смел запятнать честь семьи постыдным поведением.

С помощью *тантры* и других практик я «преобразовал» бурлящий поток мужского вожделения в туманную, расплывчатую дымку — рассеянное либидо, которое снаружи казалось серебристо-белым, но внутри было тёмным и навязчивым. Глубоко в этом тумане, скованный архаичными традициями и ржавеющий от влаги, *papa-пуруша* (олицетворённый «человек греха») содрогался от каждого прикосновения моего сознания к женскому образу. Была ли это *Девы* или плотская женщина — для него всё было лишь проявлением одного и того же «сумеречного состояния души». И он требовал большего — гораздо большего, чем я мог ему дать.

Вскоре он обрёл голос — голос Мани. Однажды вечером, когда я тратил время Шанкары, читая ему лекцию по хиромантии, появился Мани — тощий бабник в дешёвом «костюме героя», имитирующем наряды кинозвёзд из Бомбея. С притворной беззаботностью он бросил: «Эй, *брахман*, дай Шанкаре поспать, пойдём лучше со мной».

Шанкара был только рад избавиться от меня. Мы с Мани пришли к зданию, которое я принял за гостиницу, но, едва услышав, как Мани разговаривает с администратором, я понял: вряд ли это место подходит для спокойного сна. Я отвёл его в сторону и попросил: «Не пытайся втянуть меня в свои дела, ладно?»

Он усмехнулся и похлопал меня по плечу: «Расслабься, брахман, никаких проблем. Просто посиди в холле. У меня наверху небольшое дельце, я вернусь через полчаса».

Спустя пару минут спустился коридорный и сказал, что Мани зовёт меня на помощь. Поднявшись на третий этаж, я вошёл в комнату и увидел Мани в компании двух ярко покрашенных девушек в безвкусных, вызывающих платьях. Он обнимал их за талии. Увидев меня, Мани широко улыбнулся и пропел: «Смотри, пандит! У меня две лапочки, а я не знаю, какую выбрать. Скажи, какая лучше?».

Красотки захихикали. В шутку я указал на ту, что была слева. Мани тут же подтолкнул её ко мне: «У тебя намётан глаз на женщин, пандит-джи. Забирай!».

Я нерешительно развернулся к выходу, но Мани загородил мне путь и ухмыльнулся: «Слушай, *брахман*, я преодолел столько препятствий, чтобы помочь тебе. Хочешь выгнать этих джиннов из головы? Хочешь снова начать ходить по земле? Позволь этой девушке вернуть тебя к реальности».

Я сдался, решив, что такова судьба. Подобно мышке, которая вернулась в свой изначальный облик, я проделал весь путь назад к тому печальному состоянию, в котором пребывал несколько лет назад, до своего увлечения эзотерикой.

В «Панчатантре» есть притча о мышке, которую ястреб уронил в Гангу, прямо в ладони великого мудреца Ягьявалкьи. От соприкосновения со святой водой и духовной силой мудреца мышь превратилась в девочку. Ягьявалкья воспитал её как родную дочь, а когда пришло время выдавать её замуж, стал искать самого могущественного супруга. Он вызывал бога Солнца — тот сиял слишком ярко; облако — оно оказалось слишком холодным; гору — она была слишком грубой и твёрдой. Наконец гора посоветовала царя мышей, который мог делать в ней норы. Увидев мышиною короля, девочка-мышка пришла в восторг и упростила мудреца вернуть ей прежний облик.

Деви, Картикея, Брахмендра Авадхута, Ауробиндо — все они были для меня как Ягьявалкья, солнце, облако и гора. Деви преобразила меня с помощью *тантры*, но я не смог «выйти замуж» за идеал, который завершил бы мою трансформацию. И теперь я снова сидел в своей мышинной норе. Меня предупреждали, но из-за собственного каприза я не слушал. Теперь я скатился до погони за плотскими удовольствиями, всё глубже увязая в тех же вопросах, которые когда-то завели меня в тупик мистицизма.

Я съехал от Шанкары и снял жильё в салеменском квартале красных фонарей. Я перезнакомился со всеми местными куртизанками, изучая не только плотскую сторону их жизни, но и их сокровенные мечты и страхи. Среди них была одна, резко выделявшаяся на общем фоне. Она была девушкой из высшего общества и жила с матерью в роскошном доме. Помимо ослепительной красоты, она была умна, начитана и прекрасно пела. Её звали Чарулата («Прекрасная Лиана»).

Позволить себе Чарулату мог только богатый бизнесмен. Денег у меня не было, поэтому я приходил просто поговорить. В её лице я обрёл сочувствующего друга: мы беседовали свободно, а её советы всегда помогали мне. Для человека, в которого я превратился, Чарулата была подобна экзотической райской деве, спустившейся с небес, — чувственная, добрая и понимающая. Она же нашла во мне защитника, ибо испытывала отвращение к своей доле. Я был единственным, кому она осмелилась в этом признаться. Наша дружба переросла в любовь, хотя мы не смели признаться в этом вслух.

Мать Чарулаты, сама в прошлом проститутка, управляла делами дочери и не препятствовала моим визитам, так как я лишь тратил время её «товара», ничего не платя. Но через несколько недель я накопил сумму, достаточную для «логического завершения» наших отношений.

В тот день я вручил пожилой женщине пачку купюр и попросил её на час исчезнуть. Она заглянула в комнату дочери, переговорила с ней и ушла. Когда я вошёл, Чарулата была бледна и дрожала.

«М-мама сказала... т-ты хочешь...» — это было всё, что она смогла вымолвить, прежде чем разрыдаться. Закрыв лицо руками, она упала в кресло, сотрясаясь от плача.

Я был ошеломлён: «Что с тобой?».

Она с трудом выговорила: «Я не могу совершить этот грех с тобой... Я просто хотела помочь тебе... думала, что могу изменить тебя... а теперь ты тоже пришёл за этим... Уходи, пожалуйста!».

Мои ноги подкосились. Я чувствовал себя беспомощным, тупым и обманутым. «Как ты собираешься изменить меня, Чарулата? Ты мне не жена, не сестра и не мать. Мы оба знаем, кто ты. И кто ты такая, чтобы прогонять меня? Я заплатил и пришёл за тем, что мне причитается».

Она не хотела смотреть на меня. Я положил руку ей на плечо, но она вскочила и ударила меня. Рыдая, она снова упала в кресло; её макияж растёкся, волосы растрепались.

«Я всегда считала тебя святым, — дрожащим голосом проговорила она. — Я думала, что я тебе как ученица. Ты не предназначен для этой мерзости!».

«Чарулата, ты с ума сошла. Ты же знаешь, я хожу к проституткам по всему городу. Как такой человек может быть святым?».

Она вытерла слёзы краем сари и обрела хладнокровие. Она рассказала мне о вайшнавском святом Билвамангале (Лила Шукре).

Когда он однажды пришёл к куртизанке Чинтамани в бурю, она упрекнула его: «Если бы ты стремился к Богу так же сильно, как к моему жалкому телу, ты был бы освобождённой душой». Он принял эти слова как божественное откровение, отправился во Вриндаван и посвятил себя Кришне. «Я молю тебя, Каннан, прими мои слова так же — и уходи».

«Ты несправедлива! Любой другой может заплатить и получить твоё тело, а мне ты говоришь такие вещи».

Она минуту внимательно изучала свои ладони, затем посмотрела на меня большими, грустными глазами: «Это конец, Каннан. Я больше не могу жить этой греховной жизнью. Ты должен принять такое же решение. Уходи и не возвращайся — меня здесь больше не будет».

Я вышел на тихий бульвар. Я не знал, смеяться мне, плакать или броситься в реку. В голове стучал отзвук моей бессмысленной жизни. Мир вокруг казался осколками разбитого зеркала. Слухи о моих похождениях разошлись, и хотя мне было плевать на пересуды на работе, мысль о том, что когда-нибудь об этом узнает мама, была невыносима.

А когда я на выходных приехал домой, она осторожно завела разговор о женитьбе. «Я поговорила о тебе, Каннан. Прекрасная девушка...».

«Ты о девушке из семьи Луенгар?».

Мама кивнула: «Да, а... откуда ты знаешь?».

Мой «канал» уже сообщил мне эту новость. Я назвал имя девушки, адрес и даже описал изображения на их семейном алтаре. Когда мы пришли к ним, мама поразилась: всё было в точности так, как я описывал. Но впечатление, которое я произвёл

на ту семью, было настолько странным, что свадьба умерла, не успев родиться. Мать чувствовала ко мне такое отвращение, какого я никогда не видел.

«Тебе лучше было бы совершить самоубийство», — всё, что она смогла сказать.

Для индийской матери это было страшнейшим проклятием. Ещё не достигнув зрелости, я стал нескладным шутом. Даже родная мать презирала меня.

Глава 6. Я становлюсь «Свами Атманандой»

Шёл конец июня 1974 года. По договору с профсоюзом, вместе с июньской зарплатой компания выплачивала сотрудникам полугодовую премию. Наш отдел должен был рассчитать процент премии для каждого, но двое коллег ушли в отпуск. Главный бухгалтер — суровый, педантичный человек — не представлял, как завершить всю работу к утру. Я вызвался помочь: задерживался допоздна, работал за троих, сводил дебет с кредитом и распределял деньги по конвертам. Около десяти вечера сторож заглянул в офис: «Думаешь, всё успеешь? Неужели завтра на работу не придёшь?».

Я отмахнулся самоуверенной ухмылкой, заверив, что почти закончил. Кивнув, он ушёл, но его риторический вопрос засел у меня в голове. В тот же миг вся решимость поддерживать прежний образ жизни начала рушиться. Я жил двойной жизнью: днём — прилежный служащий, вечерами — завсегдатай притонов, всё это время стараясь сохранить фальшивый имидж «мистика». Всё, чего я добился — это презрение Чарулаты, единственного человека, для которого я хоть что-то значил. Даже мать была сыта по горло моими выходками. А я сидел в «TVS», словно дикий зверь в клетке. Мне была нужна свобода.

В десять вечера я закончил работу. Записал сумму своей зарплаты, спрятал деньги в карман. Сторож выпустил меня через служебный вход. Я замер перед зданием завода, вглядываясь в его монолитный массив, который в тусклом свете фонарей казался угрюмым, неподвижным великаном.

«Больше никогда», — прошептал я.

Я поймал авторикшу и поехал в свою квартиру в квартале красных фонарей. Хозяин дома, мистер Йозеф, директор местной христианской школы, имел привычку напиваться по вечерам — и сейчас лежал на полу, всё ещё сжимая бутылку виски. Дверь была приоткрыта. Я оставил записку возле зеркала: «Пожалуйста,

больше не ищите меня. Я покинул Салем. Если когда-нибудь я снова стану полезным, я вернусь». Вытащив из конверта две сотни рупий, я написал на нём: «Мистер Йозеф, пожалуйста, отдайте эти деньги моей матери». Положив конверт и ключ от комнаты на матрас в его спальне, я на цыпочках обошёл спящего хозяина и вышел. Было почти одиннадцать.

Парадная дверь выходила на оживлённую магистраль, по которой следовали экспрессы на Мадрас. Я ждал под мигающей неоновой трубкой, окружённый тучей мошкар, и тяжелые мысли не давали покоя. Вскоре подошёл автобус. Тощий кондуктор с небритой щетиной открыл дверь, но загородил мне путь.

«Куда направляешься?».

«А куда идёт автобус?» — спросил я в ответ.

Он выругался: «Что за глупые разговоры в такое время! Заходи!».

Я сел, автобус тронулся. Спустя полчаса кондуктор подсел ко мне с нервным смешком: «Ну, теперь-то ты скажешь, куда едешь?».

Деревянным голосом я повторил: «Я спрашиваю тебя, куда идёт этот автобус?».

Он покачал головой и устало буркнул: «Автобус едет в Аракконам». Я молча оплатил проезд.

Мы прибыли в Аракконам на рассвете. Рядом с вокзалом я заметил гостиницу с нарисованным на вывеске копьём — «Шакти-вел». Свободными были только одноместные номера с удобствами в коридоре; я снял один из них.

У меня не было багажа, только то, что на мне: брюки, курта и тапочки. Оцепенев после ночного переезда и переживаний, я равнодушно сидел в грязной комнате. Вскоре мне понадобилось выйти в уборную. Проходя по коридору, я услышал голоса в комнате напротив — женщина говорила с детьми. Я узнал их: это была семья моего дяди, Баласубрахманиана, из Кералы!

Сердце пропустило удар. Прислушавшись у двери, я понял: они едут в Тирупати к храму Венкатешвары-свами, а по пути собирались заехать в Тирутхани, к храму Картикеи. Если они увидят меня сейчас, весь мой план «исчезновения» рухнет. Я тихо вернулся в свою комнату и замер, до боли в висках задаваясь вопросом: «Зачем я приехал в этот город? Зачем выбрал именно эту гостиницу?».

В семь утра я услышал, как они уезжают. Дождавшись их отъезда, я спустился вниз и сказал администратору: «Я выезжаю». Тот уставился на меня: «Как?! Вы же только что приехали!».

Я вышел на солнечную улицу. Аракконам оживал: звенели велосипеды, гудели автомобили, а мимо проходила группа паломников, воспевавших Картикею. Это были крестьяне, направлявшиеся в Тирутхани. Некоторые несли *кавари* — ярко украшенные дугообразные конструкции из светлого дерева, с медными кувшинами с водой или молоком для подношений. Равнодушно, не имея никакой цели, я примкнул к ним.

К полудню мы оставили город позади. Путь пролегал через пустынную, выжженную солнцем местность. Иногда асфальтированная дорога приводила нас к подножиям огромных валунов, вздымавшихся на сотни метров в небо, но вокруг не было ни одного дома. Спустя час мы дошли до храма в Тирутхани, величественно расположившегося на вершине скалистого холма. Каменные ступени вели к главным воротам,

увенчанным традиционной *виманой*, чья форма указывала на то, что внутри пребывает сам Картикея. Вокруг храма возвышалась высокая стена, раскрашенная в красно-белую вертикальную полосу — характерный знак святилищ в Тамил-Наду.

Тирутхани означает «сад Бога». Считалось, что Картикея спустился здесь на землю, прилетев с Кайласа — небесной обители своего отца Шивы. Он немного отдохнул в саду на вершине этого холма, а затем отправился к берегу океана в Тиручендур, чтобы победить демона Сурападму.

Пока мы поднимались по ступеням, мои попутчики пели молитвы, прося *мурти* о благосклонности. Я же хранил молчание, погружённый в глубокое оцепенение, пока мы не достигли вершины.

«Зачем я живу?» — бормотал я едва слышно.

В тот момент религия, философия и мистицизм казались мне пустым звуком, несмотря на все мои прошлые самонадеянные штудии. Совершенно разочарованный, я был бы рад умереть, если бы верил, что это действительно положит конец моему существованию. Но ещё больше я боялся родиться снова. Я отчаянно жаждал освобождения из этого личного ада, но сомневался, есть ли для меня хоть какая-то надежда.

Внутри храма, в полумраке среди массивных колонн, паломники хранили молчание. Я вяло подошёл к божеству. Картикея стоял между двумя своими супругами, Валли и Девасеной — все трое были черны и блестели в мерцающем свете лампад. Священник распевал молитву: «Пусть все последствия греховных деяний будут разрушены Твоим копьём». Сложив ладони перед лицом и закрыв глаза от отчаяния, я взмолился: «Пожалуйста, укажи мне путь».

Храм Картиккеи в городе Тирутхани.

Я поплёлся к выходу на яркий солнечный свет, чувствуя, как гудит голова, и устало начал спускаться вниз. Возле маленькой *мандапы* я увидел сморщенного нищего, сидевшего в тени. Я присел рядом с ним, и мы заговорили.

Он спросил: «Куда ты идёшь?» — как раз в тот момент, когда я хотел спросить его: «Куда же мне идти?». Он посмотрел на меня слегка удивлённо, шевеля беззубыми челюстями: «Ты спрашиваешь МЕНЯ, куда тебе идти?».

«Да. Я не знаю, куда держать путь. Дай мне знак».

«Тогда иди в Тирупати».

«Нет, думаю, мне не стоит туда направляться — как раз туда сейчас едет человек, который может испортить мои планы».

«Нет-нет, не волнуйся об этом!» — возразил он.

Его убеждённость привлекла моё внимание.

«Тебе нужно идти туда. Твой план будет успешным, никто тебя не остановит», — сказал он и процитировал стих: «Когда Картикея был разочарован, не получив заветный плод, он отправился на юг».

Это относилось к легенде о том, как Картикея проиграл в споре своему брату Ганеше. В результате Ганеша получил приз — священный плод из рук мудреца Нарады. В расстройстве Картикея покинул Кайлас и ушёл в Тирутхани, что на юге Индии.

«Картикея отправился на юг, — продолжал нищий старик, — а ты — ты иди на север».

Ганеша с фруктом от Нарады после спора с Картикеей

Я дал ему несколько монет и продолжил спуск. Сев в автобус, идущий на север, я пересёк границу Тамил-Наду и Андхра-Прадеша, направляясь в Тирупати. Всю дорогу я грустно размышлял: зачем я снова пытаюсь совершить паломничество к очередному храму на вершине холма, чтобы увидеть ещё один безмолвный каменный лик?

* * *

Венкатешвара-свами — одно из самых почитаемых в Индии *мурти* Вишну. Паломники с севера страны называют Его Шри Баладжи, но южане предпочитают имя Шриниваса. В переводе это означает «Обитель Шри», где *Шри* — это Лакшми, Богиня Удачи и процветания.

Согласно *Рамаяне* и *Пуранам*, много веков назад Господь Вишну нисшёл на землю из духовного мира как принц Рамачандра. Его супруга Лакшми явилась как прекрасная Сита. Когда царь-демон Равана вознамерился похитить Ситу, бог огня Агни обманул злодея, подменив супругу Рамы на Ведавати. Именно её, приняв за Ситу, Равана увёз в своё царство на остров Ланка.

Ведавати — это иллюзорная форма Лакшми. В предыдущем рождении она была гималайской йогини, к которой Равана воспылал страстью. Не желая терпеть домогательства, она предпочла сжечь себя, перед гибелью прокляв Равану: она пообещала вернуться, чтобы уничтожить его и всю его династию. Будучи божественной энергией Господа Вишну, она не могла сгореть в пламени — Агни укрыл её, дожидаясь момента, когда Равана посягнёт на Ситу. Переодевшись отшельником, демон выманил Ситу из магического огненного круга защиты; когда же она переступила через пламя, Агни мгновенно подменил её Ведавати, спрятав настоящую Ситу в другом месте.

Храм Баладжи на холмах Тирумалы около города Тирупати.

Фестивальные Божества Шри Венкатешвары, Лакшми деви и Падмавати деви, (которые выходят из храма и учувствуют в процессиях около храма).

Миссия Рамы заключалась в истреблении Раваны и всего племени ракшасов. Действуя как муж, чья супруга подверглась смертельной опасности, Рама совершил поход на Ланку, где убил Равану и его сородичей. Освободив иллюзорную Ситу, Рама потребовал, чтобы она вошла в огонь — ради очищения от мнимого осквернения прикосновением демона.

Будучи преданной супругой, Сита подчинилась. Из огня вышел Агни, ведя за руки настоящую Ситу и Ведавати. Хотя Агни просил Раму взять Ведавати вторым супругом, Рама отказался: «В этом воплощении Я дал обет хранить верность одной жене. Но Я приму Ведавати, когда явлюсь на земле как Шриниваса. Тогда её будут звать Падмавати, и она станет Моей невестой».

Став Шринивасой, Вишну исполнил обещание и женился на Падмавати. Однако Лакшми (Шри) пришла, чтобы оспорить этот брак, считая его недействительным: ведь Шриниваса вечно принадлежит только ей. Пока богини спорили, Шриниваса отступил назад и в мгновение ока застыл, став каменным *мурти*. Скорбящие супруги погрузились в печаль, но Шриниваса утешил их, напомнив, что обе они — воплощения единой духовной энергии, *Вишну-шакти*. Тогда богини обнялись и встали по обе стороны от Шринивасы, также приняв форму *мурти*.

Храм Венкатешвары подобен магниту, притягивающему миллионы паломников со всей Индии. Обычный обряд, который совершают здесь верующие — как мужчины, так и женщины и дети, — это бритьё головы в знак смирения. Храм ежегодно собирает миллионы рупий в виде пожертвований, большая часть которых идёт на помощь нуждающимся и обустройство быта паломников. В своём тогдашнем состоянии подавленного цинизма я размышлял: «Разве может кусок камня в Тирупати привлекать столько людей? Должно быть, кто-то очень хитро

придумал способ делать деньги на этой вере». С этими мыслями я прибыл в Тирупати около полудня.

Я сел в автобус, который возит паломников на вершину холма Тирумала, где находится храмовый комплекс. Это место само по себе напоминает город, где постоянно живут тысячи священнослужителей, администраторов, рабочих и их семей, не говоря уже о многотысячных потоках паломников.

Прибыв в Тирумалу, наш автобус проехал мимо административных корпусов и гостиниц. Я свернул на широкую мощёную аллею, ведущую к торговым рядам. В конце этого шумного базара, возвышаясь над главными воротами, виднелась *гопурам* — величественная, пышно украшенная башня.

Очередь тянулась от входа вокруг всего здания, проходя через множество залов ожидания. Я встал в самый конец. Потребовалось два с половиной часа, чтобы подойти к святилищу. Несмотря на долгие часы ожидания, моё уныние постепенно исчезало, стоило мне ступить на просторный храмовый двор, обрамлённый древними замысловатыми колоннами.

Когда я поднялся по каменным ступеням к дверям святилища, возбуждение верующих вырвалось наружу мощным хором: «Говинда! Говинда!» Мы стремительно продвигались сквозь плотную толпу по длинному коридору, прямо к Шринивасе. Вдруг я увидел Его — Он восседал на троне, возвышаясь над головами людей. Очередь двигалась быстро, но я неотрывно смотрел на Божество, чувствуя, что меня приближает к Нему не только напор толпы, но и некая неведомая сила. Я впервые ощутил личную встречу с трансцендентным.

В конце коридора находился *даршан* — зал созерцания. Я стоял прямо перед Шринивасой: Он был черного цвета,

украшенный серебром, золотом и драгоценными камнями. На верхней части лица Божества сияла *Вишну-тилака* — белый знак в форме буквы U. Обычно этот знак шириной в палец, но отличительной чертой этого *мурти* была тилака увеличенного размера, закрывающая глаза. На Господе была высокая коническая серебряная корона, увенчанная закруглённым шпилем, а Его украшения мерцали в свете ритуальных лампад.

В эти короткие мгновения, проведённые перед Шринивасой, я вспомнил удивительную, непоколебимую преданность моей матери к Вишну — как к совершенной форме Верховной Истины, лишь частично отражённой в других ликах, будь то Шива или Дурга. Мне вспомнился стих из *«Бхагавад-гиты»*: «Оставь все виды религии и просто предайся Мне. Я освобожу тебя от всех грехов, не бойся».

Эту зону контролировали молодые, но суровые служительницы, которые проворно подталкивали паломников, не давая никому задержаться слишком долго. Я не рискнул искушать судьбу. Повернувшись, я пошёл обратно через двор к главным воротам, постоянно оглядываясь, чтобы ещё хоть раз взглянуть на Шринивасу.

Выйдя через ворота *гонурам*, я снова побрёл через базар. Протискиваясь сквозь толпу, я анализировал пустоту своей жизни. «Так же, как меня толкают со всех сторон на этом рынке, так же меня швыряет от одного бесполезного занятия к другому, не давая понять, ради чего всё это». Вспоминая *«Бхагавад-гиту»*, я принял решение: я должен достичь состояния освобождения от последствий своей суетной деятельности. Я обязан посвятить себя духовной жизни и стать *садху* — странствующим святым.

В лавке с традиционной одеждой я купил *лунги* (просторную ткань, повязываемую на бёдра), *гамчу* (небольшое полотенце для омовения) и четыре метра хлопкового отреза. В соседней лавке я

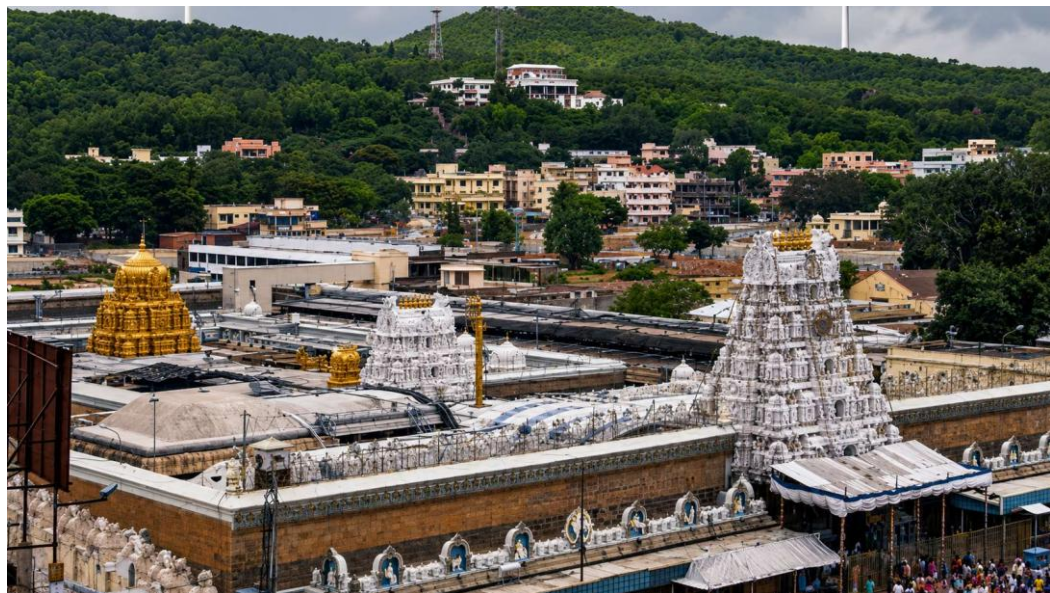
приобрел немного куркумы. Отправившись к *Свами-пушкарини* — большому священному озеру у храма, — я окрасил *лунги* и длинный кусок ткани в жёлтый цвет и разложил их сушиться.

Я обрил голову у одного из цирюльников, которые в ожидании клиентов сидят на бетонных ступенях озера, и, сняв свою мирскую одежду, трижды окунулся в священные воды. Когда я вышел на берег, прохожий остановился и искусно нанёс мне на лоб мазок влажной белой глины — *тилаку*. Я счёл это знаком того, что Господь принимает моё желание предаться Ему.

Когда одежда высохла, я надел *лунги*, а длинный кусок ткани обернул вокруг головы наподобие тюрбана, спустив концы на плечи. Остальную часть ткани перекрестил на груди и обернул вокруг талии. Старую рубашку и брюки я сложил в пакет и оставил обувь у водоёма. У меня оставалось 150 рупий, и я решил пожертвовать их Шринивасе.

У входа в храм я увидел кассу «особого *даршана*» за двадцать пять рупий, позволявшего сократить ожидание до пятнадцати минут. Я потратил все деньги на шесть таких билетов. Подходя к Шринивасе в шестой раз, я заметил, что до сих пор несу пакет со старой одеждой. Про себя я обратился к *мурти*: «Тебя называют Хари, то есть "Тот, кто забирает наши материальные привязанности". Как же Ты заберёшь у меня этот пакет?».

Когда я выходил из коридора, то заметил в неохраняемой зоне бородатого *брахмана*. Небольшого роста, с обнажённым торсом, он был украшен двенадцатью знаками *тилаки*, указывающими на то, что он — храмовый священнослужитель. Он растирал пасту из сандалового дерева на плоском песчанике. Я присел перед ним на колени. Было странно, что он готовит пасту во второй половине дня, ведь обычно Божество умащают сразу после утреннего омовения.

Комплекс Тирумала

Пушкарини кунда, озеро около храма Баладжи

Очередь на даршан к Баладжи, может достигать от 3 до 18 часов ожидания.

Холмы Тирумалы, на верху которых расположен храм Баладжи

Женщина жертвует своими волосами ради Венкатешвары (Баладжи).

Почему это происходит? это случилось после того как Господа Венкатешвару ударил пастух топором по голове...

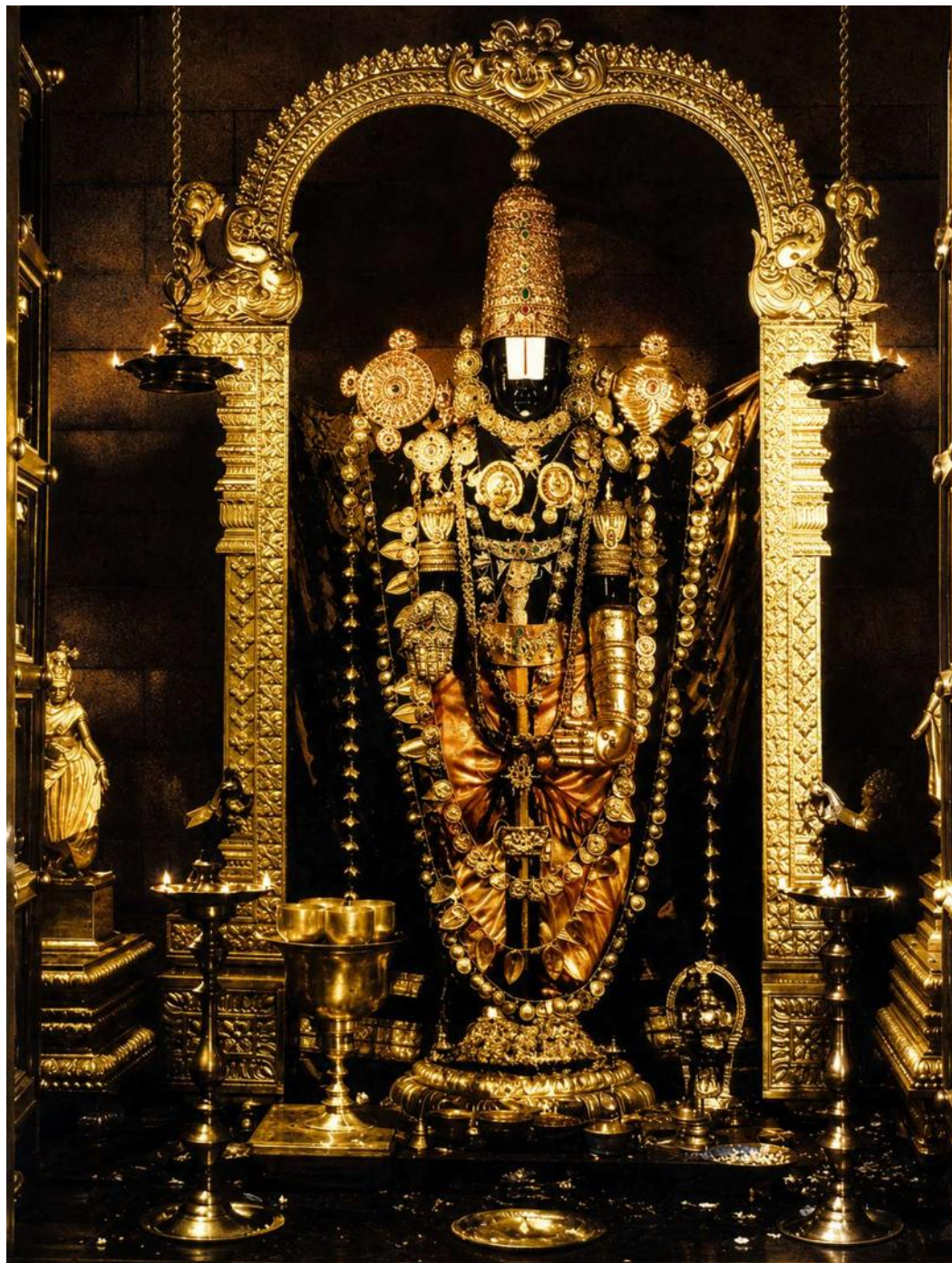
Однажды одна прекрасная *гандхарви* по имени Ниладеви летела на вимане над Тирумалой и вдруг увидела разбитую голову Венкатеши с отсеченной прядью волос. Потрясенная увиденным, она тут же отрезала свои волосы и предложила Ему. Он остался очень доволен её поступком, зная, как женщины особо дорожат свои волосами и как они важны для них, и благословил её. И есть две причины, почему, преданные сбывают свои волосы и предлагают их Шринивасе:

1. Следуют по стопам Ниладеви, в качестве заботы о Баладжи или в качестве тоже обретения благословений

2. Любование своими волосами является одним из проявлений ложного эго (*аханкары*). Когда мы смотрим в зеркало, мы всегда поправляем свою причёску или просто коротко, или долго любимся ими. Поэтому преданные, прежде чем идти на *даршан*, сбывают их, чтобы продемонстрировать, что они готовы отказаться от своего ложного эго ради Вишну.

Редкое старое фото Божества Баладжи на Тирумале

Еще одно редкое старое фото Божества Баладжи на Тирумале

Я хотел спросить, предстоит ли особая *пуджа*, когда он поднял на меня глаза и спросил: «Что у тебя в сумке?».

«Просто старая одежда», — ответил я, показывая содержимое.

Увидев мою рубашку, сшитую в стиле, нехарактерном для Южной Индии, он произнёс: «Очень красивая вещь. Если она тебе не нужна, отдашь её мне?».

Я возразил: негоже отдавать священнику поношенные вещи. Но он настаивал так решительно, что я согласился — при условии, что он проведёт меня на ещё один особый *даршан*, чтобы я мог стоять перед Божеством столько, сколько пожелаю. Он с готовностью кивнул, оставил сумку на полке и взял меня за руку, увлекая в сторону от очереди.

Посередине коридора проходил узкий проход, отделённый металлическими перилами. Он служил для разделения потоков и доступа избранных в зал *даршанов*. Бородатый *брахман* открыл ключом ворота и провёл меня прямо к алтарю, где я наконец оказался перед самым Шринивасой. Я начал медитативно рассматривать каждую деталь Его облика, начиная со стоп. Перевёл взгляд на руки Господа: левая была сложена в *мудру* избавления от страданий, правая — в *мудре* благословения. Выше плеч виднелись Его священные атрибуты — диск и раковина. Я всматривался в Его слегка улыбающееся лицо, надеясь увидеть там намёк на радость или нечто неизмеримо более глубокое. Я рассматривал Шри и Падмавати по обе стороны от Него, впитывая целостный образ алтаря. Мне казалось, что я простоял там целую вечность.

Затем я обернулся к *брахману*. Он кивнул и указал на перила, через которые я должен был перелезть, чтобы выйти вместе с остальными паломниками. Я так и сделал.

Оказавшись в первой комнате, я вернулся к тому месту, где встретил бородатого *брахмана*, чтобы поблагодарить его, но его там не было. На полке не было сумки. Исчезли даже следы сандаловой пасты. Удивлённый, я обратился к двум другим священникам неподалёку: «Простите, а где бородатый *брахман*, который только что здесь сидел?».

Они посмотрели на меня с недоумением. «Бородатый *брахман*?» — переспросил один.

Второй рассмеялся: «Ты что, думаешь, что это храм Шивы?» И правда, я внезапно вспомнил: вайшнавские *брахманы* бороды не носят.

«Он сидел здесь и делал сандаловую пасту», — настаивал я, указывая на пустое место. Один из них лишь печально покачал головой.

«Нет, в это время пасту не готовят. Если хочешь увидеть *брахмана*, который растирает сандал, приходи завтра утром, к шести часам. Сейчас он уже давно дома».

Сплю ли я? Или мне померещился этот бородатый старик?

Я снова спросил: «Но он провёл меня на *даршан* через эти ворота! Вы разве не видели?». Они переглянулись, с трудом сдерживая смех. Один из них ответил: «Ничего не можем поделать, но мы видели тебя — мы здесь уже давно. Ты несколько раз проходил в общей очереди, снова и снова. Мы даже подумали, что ты не в себе. Но с тобой не было никакого бородатого *брахмана*, и в эти ворота ты не входил».

Я отошёл, оставив их перешучиваться. Затем подошёл к охраннику, дежурившему у ворот, и спросил, видел ли он, как я проходил здесь.

«Не трать время!» — рявкнул он на телугу. — «Проходи!».

«Пожалуйста, уделите мне минуту, — взмолился я. — Меня несколько минут назад провёл через эти ворота *брахман*, а вы стояли прямо здесь. Помните это?».

«Кем ты себя возомнил — *пешикар*ом (главным жрецом)?» — расхохотался он. — «В мои обязанности входит пропускать через эти ворота только VIP-персон. А на важного человека ты, мягко говоря, не похож».

«Ну, в таком случае, думаю, со мной случилось чудо», — ответил я.

Он подтолкнул меня к выходу и бесцеремонно бросил: «Здесь каждый день у людей случаются видения. Ничего особенного. Иди домой и не переживай».

Я вышел из храма в полном изумлении. Проходя через зал, где раздавали *прасадам* (освящённые остатки пищи Божества), я получил свою первую порцию риса с бобами в качестве *бхикиши* — милостыни, дарованной во имя Господа. В тот же миг я дал обет отныне жить лишь подаянием и называть себя Свами Атмананда.

Выйдя из храмового городка, я вернулся на базар в сторону автобусной остановки. Мне пришлось пробираться сквозь толпу только что прибывших паломников, которые с оживлённым бегом стремились занять место в очереди. Выйдя на шоссе, я увидел такси, куда подсаживали пассажиров. Один из них позвал меня: «Хотите доехать вниз с нами?».

«Да, но у меня нет денег», — ответил я.

Он открыл дверь: «Я заплачу за вас, садитесь».

Тирупати, вид на город с холмов Тирумалы

Дорога на Тирумалу

Я втиснулся в машину, и мы помчались вниз по извилистой дороге в Тирупати. Всю дорогу я размышлял о произошедшем. Кто был тот бородатый *брахман*? «Может, это был сам Шриниваса, явившийся в таком обличье?» В этом я сомневался: вряд ли Он стал бы лично заботиться о таком негодяе, как я. Мой скептицизм подсказывал: «Всё это — лишь плод твоего воображения». Но я отчётливо помнил, как стоял перед алтарём. Так много людей прошло между мной и *мурти*, и я до сих пор ясно видел лица тех паломников — многие с обритыми головами, в традиционных одеждах всех областей Индии, торопимые служительницами.

И тут я осознал нечто поразительное: я вообще не мог вспомнить облик Шринивасы. Только серебряную раковину и диск. Всё остальное было... словно заблокировано в моей памяти.

«Может, я и правда не стоял там так долго?» — подумал я. Но разум отказывался верить в то, что этого не было. В конце концов, пакет с одеждой исчез. Я вспомнил, как мысленно просил Шринивасу забрать всю мою собственность, и на мой призыв ответили мистическим образом. Я просто покачал головой и улыбнулся самому себе.

«Невозможно объяснить, как это произошло, — прошептал я, — но сегодня я обрёл свободу».

Я признал: несмотря на все сомнения, этот «ловкий обманщик» Господь Шриниваса несомненно изменил мою жизнь. Я чувствовал себя духовно очищенным, обновлённым и — впервые за долгие годы — исполненным оптимизма.

Такси остановилось у подножия холма, рядом с огромным изваянием Ханумана. Пассажиры вышли, чтобы подкрепиться, а я — чтобы начать путь нищенствующего странника. Я дошёл пешком до Тирупати и остановился у храма Говиндараджа-свами

— другого прекрасного вайшнавского святилища. Стоя перед Божеством, я сложил ладони в молитве: «Теперь я покончил с материальной жизнью. С этой минуты начинается моя жизнь духовная».

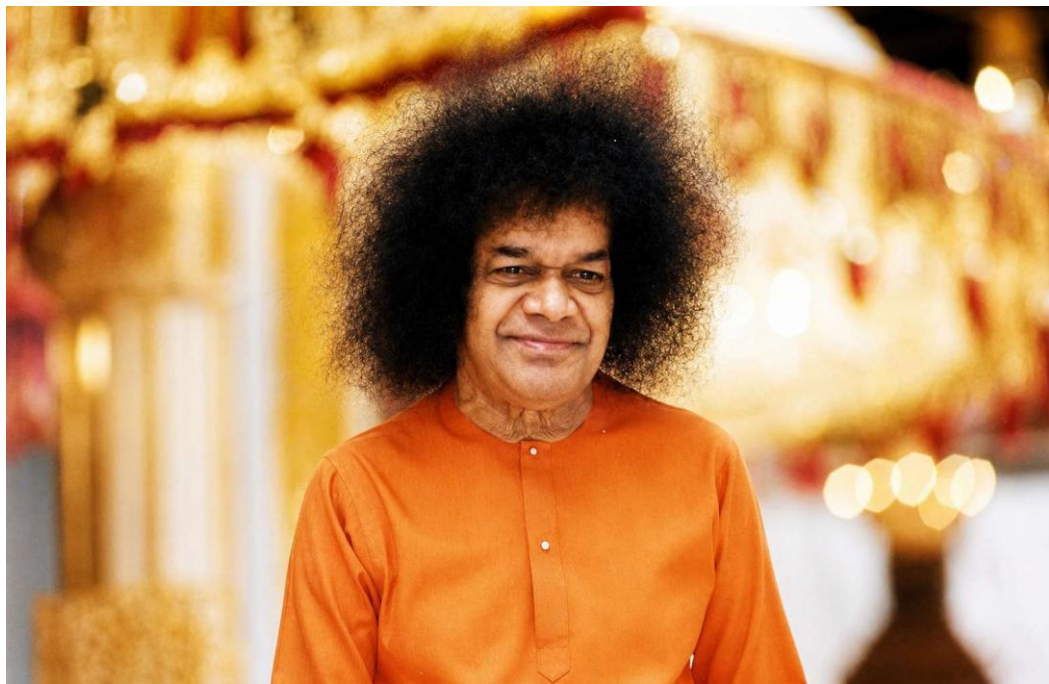
Выйдя из храма Говиндараджа, я осознал, что почти ничего не знаю о жизни *свами*, кроме того, что обязан просить подаяние на свои нужды. Мне предстояло многому научиться, и я отчаянно нуждался в наставнике.

Неподалёку я заметил полицейский участок. Войдя, я увидел статного усатого инспектора за столом и присел напротив. Он взглянул на меня и, заметив облачение *садху*, почтительно спросил: «Чем могу служить вам?». На стене кабинета я заметил портрет Саи Бабы и решил воспользоваться этим знаком: «Я хочу отправиться в ашрам Бабы. Как мне добраться до него?».

Я заметил, что под стеклом на столе инспектора разложено множество фотографий Саи Бабы. Услышав это имя, инспектор заметно оживился и ответил: «Езжайте на автобусе до Анантапура, оттуда — до Буккапатнама, а там переседайте на автобус до Путтапарти. Прашанти Нилаям, где живёт Баба, находится именно в Путтапарти». Я поблагодарил его.

После короткой паузы я сделал первый шаг в своей новой жизни нищенствующего странника: «Будьте добры, не могли бы вы помочь мне оплатить расходы на эту поездку?».

Его лицо озарилось: «О, я буду счастлив помочь человеку, который отправляется к Саи Бабе, аватаре нашего века! Но здесь у меня нет наличных. Идите по этой улице, пока не увидите магазин "Вина Шриниваса". Там работает моя жена — скажите ей, что я послал вас за деньгами на проезд до Прашанти Нилаям, и она с радостью поможет».

Сатья Саи Баба (1926 — 2011).

Неоиндуистский религиозный лидер и гуру. Почитается своими последователями как чудотворец, аватара, воплощение Бога в индуизме. В соответствии с учением Сатья Саи Бабы Единый бестелесный Бог воплощается на Земле, когда человечеству грозит опасность. Каждое из воплощений выполняет определённую миссию, а потому наделено разными силами и способностями. Сатья Саи Баба утверждает, что нет никакого различия между появлениями Бога в виде Рамы, Кришны или Саи. «Рама пришёл взрастить корни истины и справедливости, затем Кришна лелеял саженцы мира (покоя) и любви. Саи — нынешний аватар — пришёл наделённым абсолютной космической силой (властью) ради спасения дхармы (справедливости) от анти-дхармы», — провозглашает Сатья Саи Баба. Сатья Саи Баба заявлял, что имеет три воплощения: Ширди Саи Баба, Сатья Саи Баба и Према Саи Баба. А также, что является аватаром Шивы и Шакти. Сатья Саи Баба заявлял, что в возрасте 96 лет (в 2022 году) он покинет своё физическое тело и воплотится вновь через 8 лет в деревне Мандья в Карнатаке. Он будет известен как Према Саи Баба и закончит миссию из цикла трёх воплощений. Будет распространять благие («евангельские») вести о том, что не только Бог пребывает в каждом, но также что каждый — это Бог. Это будет заключительная мудрость, которая позволит каждому идти к Богу.

Я пошёл по указанному адресу и вскоре оказался перед магазином «Вина Шриниваса». На полках стоял богатый выбор алкоголя, а зеркала на стенах визуально удваивали ассортимент. В глубине зала, под цветным плакатом с Господом Шринивасой, украшенным цветочными гирляндами, сидела полная женщина в сари. Войдя, я приветствовал её словами: «Саи Рам» — традиционным приветствием последователей Бабы.

Она ответила тем же и вежливо предложила мне присесть. Я объяснил причину своего прихода, и её лицо просияло. Она открыла ящик стола, вытащила пачку банкнот и вручила их мне.

«Разрешите мне послать кого-нибудь купить вам билет и проводить до автобуса?» — смиренно спросила она, искренне желая послужить мне.

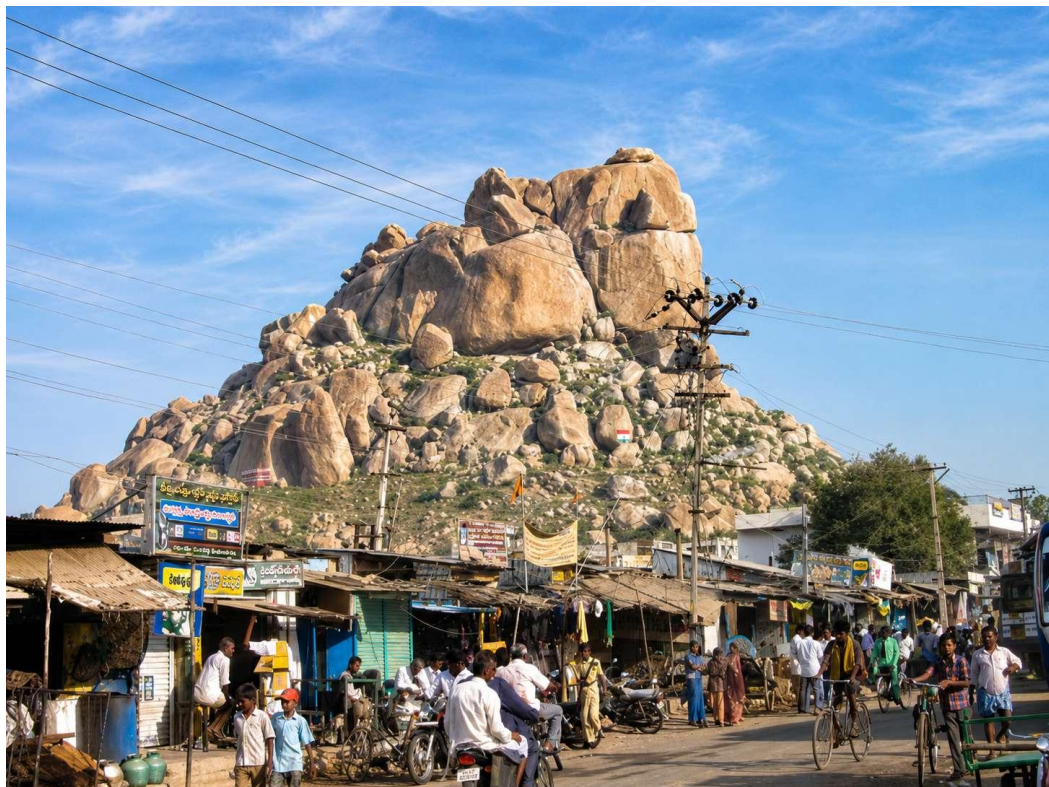
«В этом нет нужды, — отказался я, входя в роль отречённого *свами*. — Ваш муж уже помог мне, и этого достаточно».

Когда я встал, чтобы уйти, то на мгновение увидел своё отражение в стекле витрины среди бутылок. Моя *Вишну-тилака* стёрлась, но в этом тюрбане и с самоуверенным выражением лица я показался себе до боли похожим на знаменитого *Свами Вивекананду*.

Дорога до Прашанти Нилаям оказалась нелёгкой. Я сел в автобус до Анантапура в половине шестого вечера и провёл в пути всю ночь, прибыв с многочасовым опозданием. Там я пересел на южный автобус до Буккапатнама, который пятьдесят километров тряс меня на своих жёстких сиденьях. К счастью, путь от Буккапатнама до Путтапарти был недолгим.

Пропитанный солнцем провинциальный городок Путтапарти пользовался некоторой известностью ещё до того, как здесь поселился йог-мистик Саи Баба. В этих краях с

древности почитали кобру. На вершине холма Ураваконда по сей день возвышается огромный валун в форме кобры с развёрнутым капюшоном. Местная легенда гласит, что если человека укусит змея из тех мест, то он более не родится в этом мире.

Холм Ураваконда в Путтапартхи

Глава 7. Похититель ума

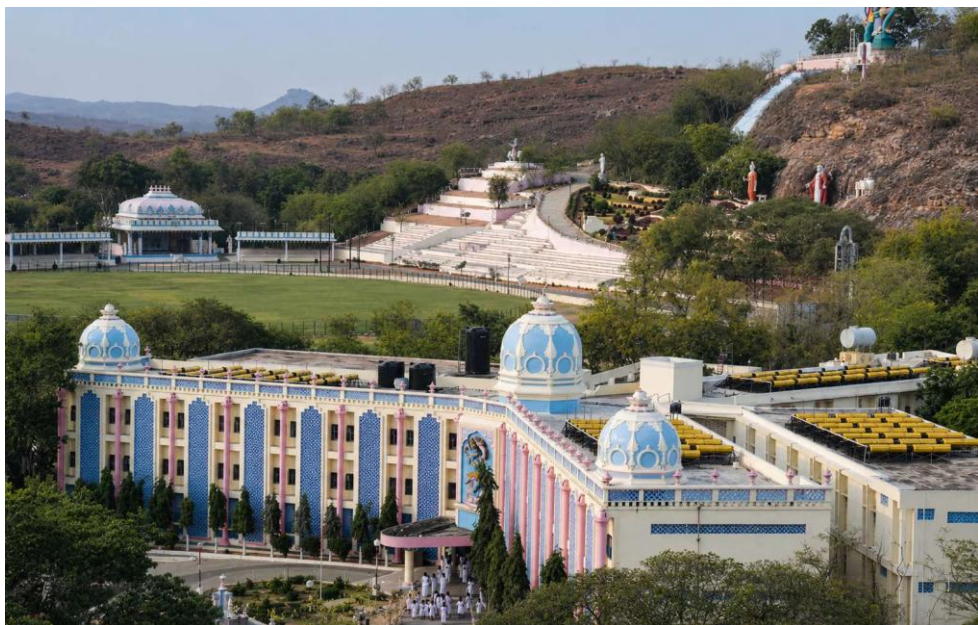
Я прибыл в Прашанти Нилаям («Обитель совершенного мира») Сатья Саи Бабы под аккомпанемент криков большой группы оборванных нищих, обступивших главные ворота. За их спинами, во дворе, толпилась группа суровых охранников, что означало: Баба здесь. Я наблюдал за этим с противоречивыми чувствами.

«Его почитают как Бога, — размышлял я, — и последователи уверяют, что он обладает властью избавлять от несчастий, болезней и нищеты. Почему же тогда нищие ютятся прямо у порога его дома? И если его ученики столь счастливы, почему они не делают для этих бедняков ничего, кроме брошенных монет?».

С этими тяжёлыми мыслями я вошёл в обширный и ухоженный ашрам. В самом центре находилась резиденция Саи Бабы — большое здание абрикосового цвета, известное как Мандир. Рядом, на широкой песчаной площадке для *даршана*, сидели рядами около тысячи человек, ожидая появления Бабы на балконе верхнего этажа. Перед толпой возвышался крытый круглый павильон *Шанти-ведика*. Поодаль, под просторными навесами, расположились лагеря паломников. За стеной городка, фасадом к Мандиру, стояли другие здания, среди которых я заметил небольшую больницу. Я слышал, что верующие излечиваются от недугов с помощью священного пепла — *вибхути*, который Саи Баба мистически материализует рукой. Глядя на вывеску с графиком приёма врачей, я недоумевал: если он способен исцелять одним лишь пеплом, зачем ему больница с терапевтами, обученными по западным стандартам?

Рядом с местом *даршана* прогуливался крупный бородатый сикх в светлом тюрбане. Я подошёл к нему и разговорился: рассказал, что оставил мир ради духовной жизни.

«Я ищу Бога, — с лёгкой улыбкой признался я, — и пришёл проверить, действительно ли Он здесь».

Прашанти Нилаям

Госпиталь в ашраме Сатхи Саи Бабы

Он озорно блеснул глазами: «Знаешь, я не верю ни в одну из этих так называемых "*аватар*". Просто оказался поблизости, вот и заглянул посмотреть, на что похож этот "Бог"».

Он насмешливо оглядел меня и спросил: «Деньги есть?».

«Нет».

Подняв указательный палец, он серьёзно заявил: «Не беспокойся. Бог здесь есть, но Он тебя точно не накормит».

Мы оба рассмеялись.

«Что ж, — парировал я, — Бог может и не покормит, но раз ты здесь, может, угостишь меня завтраком?».

«О, конечно!» — сердечно откликнулся он. Похлопав меня по спине, он повёл меня в столовую. «Как зовут-то?» — спросил он по пути.

«Свами Атмананда».

«О, ты *свами*?».

«Да, стал им только вчера». Мы от души рассмеялись.

В столовой подавали простую южноиндийскую пищу: *идли*, *досы* и *самбар*. Я был голоден, а сикх оказался невероятно любезен. «Ешь, — убеждал он, заказывая для меня ещё порцию *досы*. — Бог тебя не накормит, а я уезжаю через полчаса. Бери всё, что хочешь, не стесняйся!»

Я наелся досыта, а мой новый знакомый, довольный, оплатил счёт.

*Доса - большой блин, из урад-дала с рисом, свернутый в трубочку,
идли – белые лепешки из урад-дала с рисом,
вада – пончики из урад-дала с рисом,
самбар – красноватого цвета супчик.
Белое чатни - кокосовое,
зеленое чатни из кинзы или петрушки,
в горшочке понгал.*

В справочном бюро я пролистал несколько брошюр с лекциями Саи Бабы по "Рамаяне". Учение оказалось смесью банальностей *адвайты*, которую я знал досконально и от которой давно устал. Не впечатлившись, я спросил мистера Кастури, главного помощника Бабы, можно ли где-нибудь остановиться.

«У нас нет условий для бесплатного размещения, — отрезал он. — Можете поселиться под навесом для паломников».

Я сменил тему: «Как увидеть Саи Бабу?».

Он благосклонно улыбнулся: «Увидеть Бога не так просто. Те, кто сидит на солнце, ждут уже два часа. Некоторые живут здесь месяцами. Это всё по Его воле».

Оставив Кастури, я сел в очередь на *даршан*. Рядом оказался торговец из Тамилнада, который семь дней ждал шанса попросить за свою немую дочь. Его слёзы оставили меня равнодушным — я приехал лишь из любопытства. Не желая просиживать на солнце, я вышел за ворота. Прогуливаясь по Путтапарти, я набрёл на ряд новых построек. У входа в одну из них висела табличка «Есть комнаты». Внутри было пусто, и я сел на ступеньки.

Чтобы проверить свою теорию о том, что такими людьми легко управлять с помощью простой сообразительности, я решил разыграть прохожего. Когда из соседней комнаты вышел мужчина, я приветствовал его: «Саи Рам» — и спросил: «Что ты здесь делаешь и какая у тебя просьба?».

Он был заинтригован: «Откуда вы, Свами?».

Я ответил загадочно: «Свами там, где он должен быть. Просто скажи — чего ты хочешь?».

Зал для даршанов Сатъи Саи Бабы в Прашанти Нилаям

Он задрожал: «Я бизнесмен, доходы нестабильны, мне нужны благословения... Но ведь Свами знает мою просьбу?».

Я помолчал, глядя в небо, словно советуясь с богами: «Возможно. Но просьбу следует озвучить».

Мужчина был потрясён. Я предложил пойти с ним на *даршан* и поселиться в его комнате. Он был счастлив, полагая, что встретил редкого *свами*, которому открыто, что Баба — это Бог.

Вечером мы отправились к месту *даршана* и сели в первом ряду. Вскоре появился Саи Баба. Он двигался легко, словно призрак, в своей переливающейся шёлковой мантии. Он собирал письма, и вдруг, пройдя мимо моего спутника, указал пальцем прямо на меня: «Встать!».

Мой знакомый был в экстазе: «Тебя вызвали! Попроси за меня!» Кастури препроводил нас в комнату бесед. Нас было шестеро. Войдя, Саи Баба выглядел странно: глаза широко распахнуты, взгляд не сфокусирован. Он материализовал *вибхути*, вставил серёжки в уши десятилетней девочке — и вышел. Через минуту вернулся, но теперь был совершенно нормален и расслаблен.

Я подумал: «Интересно: безумный вид для масс, нормальный — для ближнего круга».

Он спросил меня на санскрите, как дела. Я попросил перейти на телугу. Мы разговорились, и когда я сказал, что ищу Бога, он улыбнулся, склонил голову и прошептал шёлковым голосом: «Если ты не можешь увидеть Бога здесь, то где ты Его найдёшь?».

Позже он пригласил меня на обед. В его личной столовой я заметил следы «земной» жизни: будильник, лекарства, туалетную комнату. Мы ели *упму* с луком, пили кофе — и всё это вразрез с

аскетическими правилами, которые он предписывал другим. Саи Бабу это, казалось, не волновало.

Когда я вышел, меня окружила толпа. Мой знакомый был в восторге: «Что он сказал? Тебя оставили одного!». Я же сухо ответил: «Просто пообедали». Но толпа уже возвела меня в ранг избранных. Я сидел в кресле, а люди допрашивали меня, ловя каждое слово.

«Просто сделай это», — шептал авантюрист внутри меня. Я начал петь, рассказывая им "откровения" о беседе на санскрите. Они верили всему. Когда штора колыхнулась от ветра, женщины зарыдали: «Баба здесь, с нами!».

Я понял, как это работает: им не нужно чудо, они сами создадут его, лишь дай повод. Я чувствовал отвращение к самому себе, но, увы, я завидовал этому «Богу». Я видел, как легко я могу занять его место, став таким же «нектарным проводником». И всё же, несмотря на весь мой цинизм, меня необъяснимо тянуло к нему — он был мастером своего дела, а я хотел понять, каково это — быть Богом для тысяч людей.

Глава 8. Странные Боги Юга

Через день или два я попросил своего знакомого проводить меня по окрестностям Путтапарти. Мы вышли к реке Читравати, но из-за сезона засухи она пересохла, оставив лишь широкое песчаное русло.

На каменистом холме у берега росло старое тамариндовое дерево — то самое, с которого, по легендам, юный Саи Баба чудесным образом срывал манго и другие фрукты. Я взобрался на скалы и уселся под кроной. Не задумываясь о том, насколько это дерево священо для местных паломников, я просто искал уединения для медитации. Я сел в позу лотоса, и мой спутник последовал моему примеру. Закрыв глаза, я принялся созерцать Господа Раму — аватару Бога, принца, победившего демона Равану.

Когда я открыл глаза, мой знакомый сидел рядом, сложив ладони и глядя на меня с преданностью побитой собаки. Он явно ждал наставлений. Его беспомощность вызывала жалость, и мне показалось, что лучшее, что я могу для него сделать — это выпроводить его из Путтапарти, где его наивность лишь множила проблемы.

«Тебе стоит отправиться в Бангалор, там есть центр Бабы, — сказал я. — Здесь ты не дождёшься беседы».

«Свами, какой *пан* (грех) я совершил?» — печально спросил он.

«Ты совершил их множество, — ответил я, сдерживая усмешку. — Но поезжай в Бангалор. Может быть, там Баба заметит тебя». В глубине души я думал: «Глупец, неужели ты не видишь: ты недостаточно богат и не настолько необычен, как я, чтобы привлечь внимание Саи Бабы?».

Через несколько дней он уехал, предварительно договорившись с хозяином лавки, чтобы я мог продолжать жить в своей комнате.

Однажды я забрёл к древнему храму Сатьябхамы на окраине города. Его построил дед Саи Бабы, Кондама Раджу. По преданию, именно здесь его сын молил о втором наследнике, после чего на свет появился Сатья Нараяна, ставший известным как Сатья Саи Баба. Храм выглядел запущенным, будто последователи Бабы игнорировали его. По иронии судьбы, я встретил там старшего брата Саи Бабы, вышедшего из своего дома поблизости.

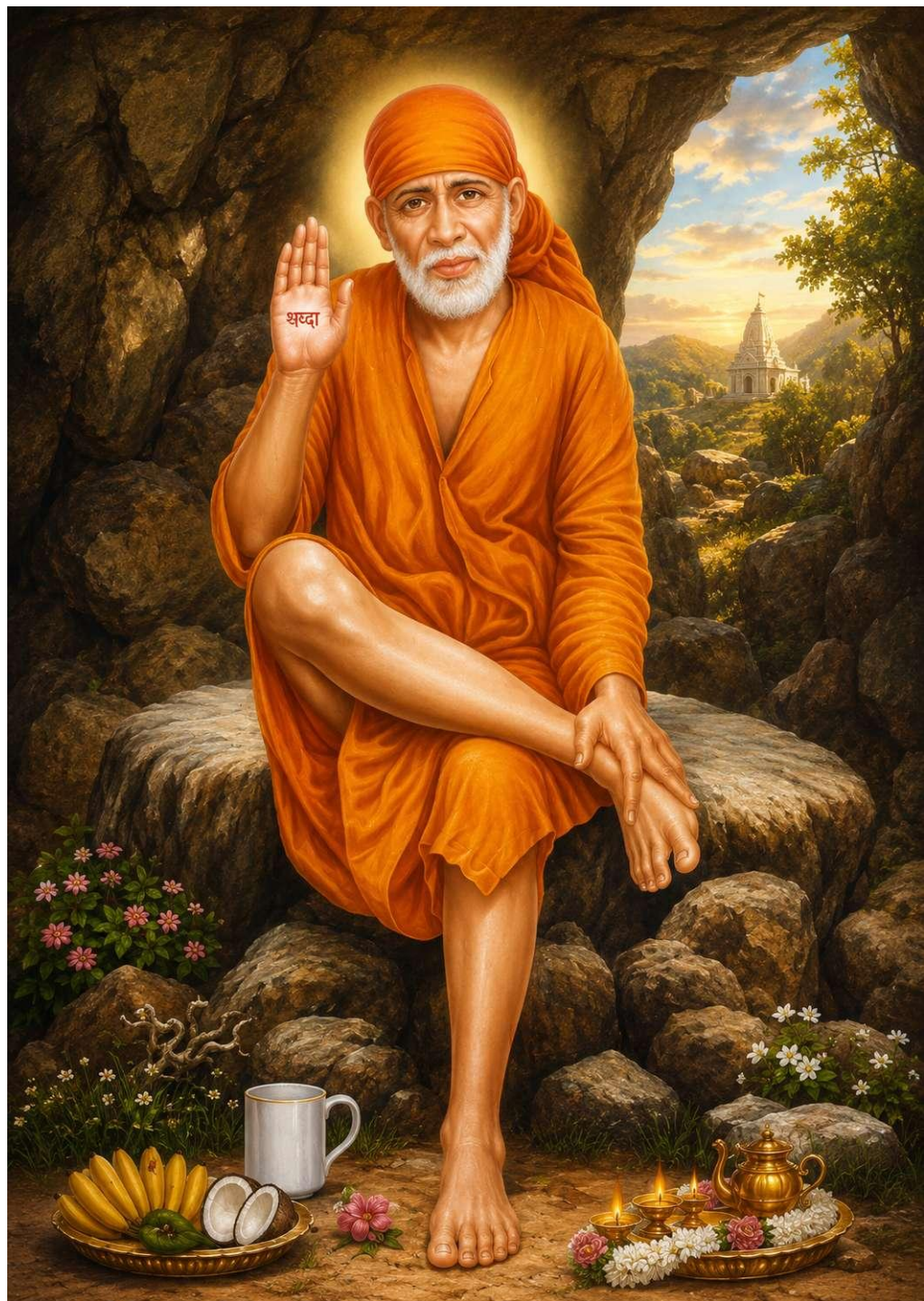
Я спросил его напрямик: «Верите ли вы, что ваш брат — Бог?».

Он раздражённо махнул рукой: «Это богохульство. Он совершает великую ошибку, и Бог накажет его. В детстве его ужалил скорпион, и с тех пор он начал болтать о Ширди Саи».

(Саи Баба утверждает, что является воплощением мусульманского *факира* из Ширди, умершего в 1918 году).

«Возможно, после того укуса в него вселился дух того самого *бабы*, — продолжал брат с нескрываемым отвращением, — но как бы то ни было, называть себя Рамой или Кришной — неправильно. Мы в нашей семье всегда поклонялись им как Богу, но он сам хочет занять это место. Придёт время, и он понесёт наказание».

Тем временем я невольно стал местной знаменитостью в Прашанти Нилаям. Мои жёлтые одежды выделяли меня в толпе, а новость о том, что я обедал с Саи Бабой, распространилась по ашраму подобно лесному пожару.

*Изображение (рисунок) Саи Бабы из Ширди,
которое можно встретить везде в Индии*

* * *

Саи Баба из Ширди, индийский *гуру* и святой, равно чтимый и индусами, и мусульманами. Некоторые из его почитателей-индусов уверены, что он был *аватарой* Шивы или Даттатрейи.

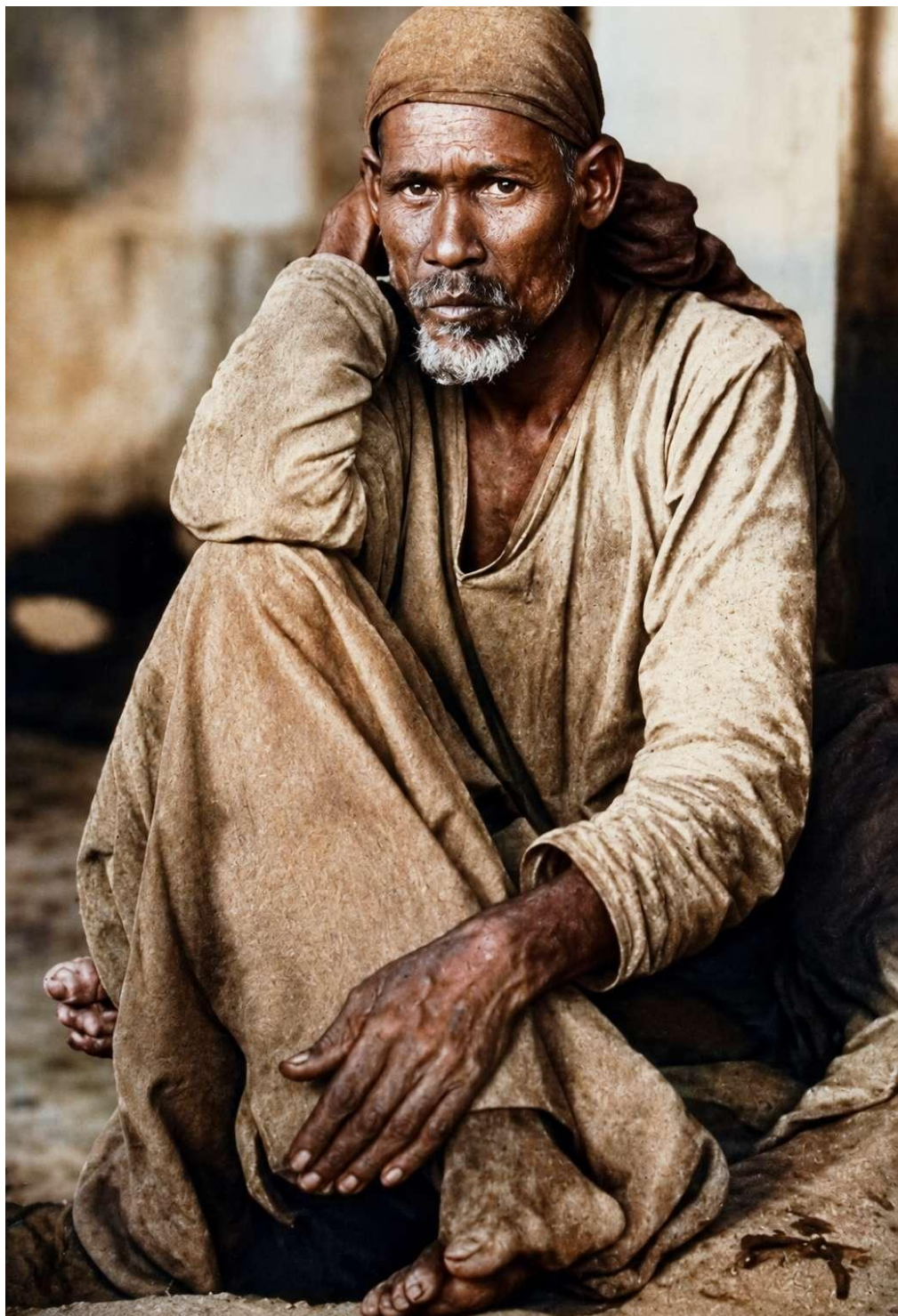
Имя «Саи Баба» имеет смешанное индо-персидское происхождение. Слово «Саи» (Sa-i, Sa'ih) на персидском языке означает «святой» и в исламе обычно сопровождает имена подвижников. «Баба» в индо-арийских языках означает «отец». Соответственно «Саи Баба» означает «святой отец». Никому не известно, где родился Саи Баба, и кто были его родители. Неизвестна доподлинно и его жизнь до 16 лет, что служило возникновению множества различных предположений и теорий, пытающихся объяснить происхождение Саи Бабы.

Саи Баба проповедовал моральный кодекс любви, прощения, взаимопомощи, милосердия, нестяжания, внутреннего мира, почитания Бога и учителя. Всю жизнь в своём учении Саи Баба стремился примирить индуизм и ислам.

Жил Саи Баба в мечети, похоронен был в индуистском храме, исполнял и индийские, и мусульманские обряды, и учил словами и образами, взятыми из обеих традиций. Одно из его известных изречений было: «Sabka Malik Ek» — «У всего только один Властелин», — корни этого афоризма идут из ислама и частично из суфизма.

Саи Баба остаётся очень популярным святым, и его почитают во всем мире. До сих пор продолжают споры о его индуистском или мусульманском происхождении. Его почитали многие именитые индуистские и суфийские религиозные лидеры. Некоторые его ученики прославились как духовные учителя и святые, такие, как Упасани Махарадж и Мехер Баба.

* * *

Саи Баба из Ширди (1835 — 1918)? оригинальное фото

Я часто развлекал толпу, исполняя песни Саи Бабы в манере, которую перенял у Него самого. Дважды в день меня кормили в столовой за счёт состоятельных паломников. Несмотря на успех, моё беспокойство росло: я утверждал, что ищу Бога, но эта «лёгкая жизнь» всё больше отвлекала меня от цели. На седьмой день ко мне в столовую прибежал взволнованный Кастури: «Баба хочет говорить с тобой!».

«Мне идти к месту *даршана*?».

«Нет, иди прямо в Его апартаменты».

«Прямо сейчас? Просто так войти?».

«Он ждёт!» — Кастури был на грани срыва от моей нерасторопности. — «Иди немедленно! Даже у меня не было возможности столь близкого общения!».

Я поднялся по лестнице, сохраняя невозмутимость, словно шёл по обычным делам. В комнате встреч никого не было. Я заглянул в столовую — пусто. Наконец, я вошёл в спальню. Баба полулежал на кровати, подперев голову рукой. Увидев меня, Он широко улыбнулся и благословил взмахом руки. Стульев не было, и я просто присел на край кровати.

«Кастури сказал, Ты звал меня», — начал я.

«Да, — ответил Он. — Я хотел узнать, нашёл ли ты Бога?».

«Нет».

С лёгкой иронией Он добавил: «Под тамариндовым деревом ты медитировал на Раму».

«Верно. Это моя обычная *дхьяна*. Я медитирую на Раму — Океан Милосердия, защитник слабых».

Его взгляд впился в меня: «Но почему ты ищешь Бога повсюду, когда сидишь перед Ним прямо сейчас?».

Я хотел быть вежливым, поэтому на мгновение задумался, прежде чем ответить: «Вы святой человек, Вы старше меня, а я — лишь грешный юноша. Не хочу Вас обидеть, но... Вы — не Бог».

Он кивнул, словно ожидая этого отрицания.

«Что ж, — сказал Он, — я выгляжу так, как ты на меня смотришь. Если хочешь видеть во мне Бога — я Бог. Если нет — я не Бог. Но попытайся понять, что такое Бог на самом деле».

Он продолжал говорить в том же духе, используя популярные лозунги *адвайты*. Я прервал Его: «Простите, но я читал это в Вашей книге "Рама-катха". То Вы говорите, что каждый — это Рама, то называете Себя Рамой. Что Вы имеете в виду? Я знаю, что Вы — не Рама. Согласно философии *адвайты*, Вы обязаны проповедовать безличного *Брахмана*. Адвайтисты говорят, что все — лишь лишённый имени и формы свет. Если Вы — адвайтист, как Вы можете говорить "Я — Рама"? Рама — Личность, а *Брахман* — безличен».

«Да, — ответил Он терпеливо, словно снисходя к капризному ребёнку, — но я осознал *Брахман*, а они — нет».

Я был разочарован: «Тогда помогите им осознать Его! Но Вы сознательно держите их в подчинении. Они жертвуют всем, проделывая этот длинный путь, и месяцами ждут лишь одного взгляда. Вы же просто выбрасываете их письма в мусор, даже не читая».

«Остынь, — Он сделал медленный жест. — Я знаю содержание писем, стоит мне лишь коснуться их, и я отвечаю через их карму».

Я посмотрел на Него с раздражением, едва веря своим ушам: «Карма действует на всех, писали они Вам или нет. Если Вы отвечаете через карму, то зачем весь этот Прашанти Нилаям? Зачем они приезжают? Простите за дерзость, но меня это тревожит. Когда колышется занавеска, эти люди верят, что это Вы. Они так доверчивы, и, простите, мне кажется, Вы их эксплуатируете».

«Но я был там, когда шевелились занавески, — самодовольно ответил Он. — Ты очень красиво пел «Читта-чора». Я был там».

Я был глубоко разочарован: «Я знаю, у Вас есть мистические силы. Вы видите и слышите то, что недоступно другим. Так почему Вы не используете это, чтобы избавить их от страданий, вместо того чтобы играть с ними? Вы не решите проблемы жизни, просто раздаривая серёжки».

«Хорошо, — сказал Он с долей смирения в голосе, — ты поймёшь позже». Затем, сменив тему, Он спросил: «Тебе нужна помощь?».

«Нет, меня полностью защищает Господь».

«Ты не считаешь это моей заслугой?».

«Отчасти это так, ведь мои траты оплачивают Ваши преданные. Но я вижу, что меня поддерживает моя собственная карма. Это верно для всех людей здесь, верно и для Вас. Ваша карма позволяет Вам сидеть на этом троне, а моя — даёт мне возможность сидеть перед Вами. Если бы мы поменялись судьбами, я был бы здесь «Богом», а Вы были бы глубоко разочарованы».

Он не слушал. Его облик менялся: Он приподнялся, глаза потеряли фокус и странно блеснули. «Я должен идти, —

отстранённо произнёс Он. — Мы ещё поговорим». Он быстро вышел, оставив меня одного.

Я осмотрелся. Открыл шкаф — он был набит оранжевыми одеяниями. Я надеялся найти тайник с пеплом — раньше я сам экспериментировал с его телепортацией с помощью мантр, — но не нашёл ничего, кроме обычных вещей. Тогда я растянулся на Его кровати, повторил Его позу и жесты, глядя на себя в зеркало. Встав, я вышел на балкон и увидел, как Он внизу бросился к толпе, вызывая массовую истерию. Полиция с трудом сдерживала напор людей. Почему-то я вдруг почувствовал сострадание к этому человеку. «Он лишь марионетка, — подумал я. — И он, и эти люди, верящие в его божественность — все они пляшут под дудку высших сил, над которыми не властны».

Спустившись вниз, я увидел, как Он полностью заморозил толпу своим пением, а после, обессилев, рухнул в кресло. Ему поклонялись, как *мурти* в храме, вознося молитвы *Рудрам* и *Чамакам*. Для меня это было чересчур. Я ушёл в свою комнату.

На девятый день, сытый по горло ролью "свамиджи, который любит Бабу", я решил уйти. Кастури покачал головой: «Вы уходите? Я думал, вы останетесь. Баба о вас очень хорошо отзывается».

«Бог позаботится обо мне, — ответил я. — А Бабе лучше позаботиться о своём здоровье. Эти состояния, в которые он попадает, когда «бегает» по залу, вредны для него». Кастури чуть не захлебнулся от возмущения, но я лишь светло улыбнулся.

В тот день, когда было объявлено, что Баба отбывает в Бангалор, я увидел Его на балконе. Поднявшись, я застал Его в комнате для встреч. Он сидел в кресле, руки покоились на подлокотниках. Я вошёл и сел напротив.

«Итак, ты уезжаешь?» — улыбнулся јн.

«Да».

«Но ты же хотел остаться на две недели?».

«Я разочарован. Устал от всех этих страданий и беспокойств, которые люди причиняют себе ради Вас».

«А ты знаешь, куда идёшь?».

«Нет, не знаю. Но надеюсь найти спокойное место».

Вдруг јн встал. Глаза Его блеснули. Глядя на меня сверху вниз, Он многозначительно произнёс: «Пока ты не найдёшь то, чего ищешь, у тебя не будет проблем с пропитанием. Я позабочусь о тебе».

«Я благодарен за всё, что Вы делаете, — ответил я, — но я не считаю Вас Богом».

Станным, вибрирующим голосом јн предрёк: «Ты сам станешь Богом».

Он протянул руку, собираясь дать мне *вибхути*.

«Нет, — возразил я, — не нужно давать мне этот пепел из пустоты. Если хочешь, дай из контейнера».

«Почему ты не хочешь взять его из моей руки?» — мурлыкающим тоном спросил он.

Я ухмыльнулся: «Я знаю, что он не появляется из воздуха, поэтому дайте мне его оттуда, откуда он на самом деле происходит».

«Ты ошибаешься, он появляется из моей руки», — настаивал Он.

«Простите, — снова усмехнулся я, — я Вам не верю. Дайте мне его из горшка».

Не говоря ни слова, Он вышел в соседнюю комнату и вынес горшок, наполненный пеплом. Протягивая его, Он просто сказал: «Хорошо, если ты так хочешь, возьми отсюда». Я взял немного пепла и посыпал себе на голову.

«Иди с миром и помни то, что я тебе сказал».

Я произнёс: «*Намасте*», — и встал, собираясь уйти.

Он заговорил снова: «Я не нравлюсь тебе, да?».

«Нет, Вы хороший человек. Почему Вы мне должны не нравиться?».

«Когда ты найдёшь то, что ищешь, ты меня возненавидишь», — мягко сказал Он тем же странным, пророческим голосом.

Я спустился вниз и вышел из ашрама. На главной магистрали я оглянулся, чтобы в последний раз взглянуть на ворота, и в этот момент из них выехала большая машина Саи Бабы. Она остановилась рядом, мотор гудел. На заднем сиденье я увидел знакомое лицо, обрамлённое тёмным ореолом волос. Рядом сидела знаменитая певица в дорогом шёлковом сари. Стекло опустилось, водитель заглушил мотор. «Я еду в Бангалор, — обратился он ко мне. — Хочешь поехать с нами?».

«Нет, — ответил я, — теперь я пойду своим путём».

«Но ты же не знаешь, куда идёшь».

«Это так, но я всё равно иду».

Он повернулся к женщине: «Он не знает, куда идёт. Он просто ищет. Я предлагал ему остаться, а он говорит: "Нет, я ухожу". Всё время чего-то ищет...».

Я шутливо добавил: «Как и все, я ищу Вас».

Он покачал головой: «Все ищут меня, чтобы стать самими собой. Он же ищет меня, чтобы стать мною».

Я засмеялся, смущённый Его пронизательностью. Он передал мне 25 рупий через спутницу, велел ждать автобус до Джилалламури. «Прощайте, — сказал я, — мы видимся в последний раз».

«Нет, мы ещё встретимся», — весело отозвался он, и машина умчалась прочь.

* * *

Амма жила в простой деревне. Она привлекала толпы, как и Баба, и ходили слухи, что она обладает даром исцеления. Но в отличие от него, она кормила паломников бесплатно и жила жизнью обычной индийской домохозяйки, выполняя работу по дому. Было несложно получить аудиенцию — особенно после того, как я сказал, что меня послал Саи Баба.

Я нашёл её на кухне: пухлая, приветливая женщина с большой точкой *синдура* на лбу. Она накормила меня, и мы разговорились. Я признался: «Я ищу высшего уровня духовного осознания, но то, что я видел у Саи Бабы, меня не удовлетворило».

Она тут же ответила: «О, тогда тебе надо пойти к Бала-йоги».

*Амма из Джилалламури, («Амма» - мать на языке телугу)
так же известная под именем Анасуя деви (1923–1985)*

* * *

Марва: Мать, скажи мне, что Бог говорит (тебе).

Амма: Я нигде не вижу Бога. Я Его никогда не видела. Ты для меня Бог!

Марва: Я?!

Амма: Я не вижу Его. Я не верю, что Он существует (как отдельное существо). Ты для меня Бог. Вот и все. На какой бы объект или человека я ни смотрела, с кем бы ни разговаривала — это и есть для меня Бог. У меня нет желания увидеть Его, потому что я никогда не чувствовала, что Он существует (отдельно)... Ты не считаешь себя Богом, но я чувствую по-другому. Говорят, что Он во всём, но я чувствую, что Он и есть все....

Марва: Когда люди поклоняются тебе, какова твоя реакция?

Амма: Я чувствую, что я едина с ними... Когда я чувствую, что тот, кто поклоняется, и тот, кому поклоняются, по сути своей — одно, откуда взяться различиям? Творение Бога — это Он сам. Истинное отречение, мягко убеждала она, есть «любовь ко всем».

* * *

Шри Шивабалайоги (1935–1994)

Йог, достигший самореализации через двенадцать лет напряженной *тапасьи*, медитируя в среднем по двадцать часов в день. После того как он завершил эту *тапасью*, он принял имя Шивабалайоги, которое некоторые преданные уже начали использовать для него. Это имя означает «йог, преданный Шиве и Парвати». Шива — это Бог в образе йога. Бала - одно из многих имён Парвати, Бога в образе йогини. Это название отражает то, что Шивабалайоги является проявлением как мужского, так и женского аспектов божественного (Ардханаришвара). Женский аспект представляет невидимую энергию Божественного, через которую действует все творение, в то время как мужской аспект представляет чистое сознание существования за пределами всякого воображения. Обычно преданные называли его просто "Свамиджи", что означает "уважаемый учитель". Говоря обычным языком, *бала-йог*-это ребёнок-йог, *йог*, который начал жить как *йог* с детства. В течение трёх десятилетий он много путешествовал по Индии и Шри-Ланке, посвятив более десяти миллионов человек в медитацию *дхьяны*. С 1987 по 1991 год он путешествовал по Англии и Соединённым Штатам. Учение Шивабалайоги согласуется с Ведантой, подчеркивая необходимость *садханы* (духовной практики) для достижения самореализации.

Бала Йоги — мистик-аскет, живший недалеко от Джилалламури. «Я схожу к нему, — сказал я Амме, — но хочу отметить, что вы — глубоко возвышенная личность. Ваша простота и практичность в служении людям восхищают».

Она пристально посмотрела на меня: «Я не могу тебе помочь. Твоя проблема в сильном желании самому стать Богом. Но это невозможно. Мы — лишь крохотные капли, выплеснувшиеся из общего сосуда. Саи Баба утверждает, что он и есть весь сосуд, но это лишь эхо прошлых жизней, в которых он обрёл определённые силы. Я не люблю критиковать, но это так».

В тот момент зашёл её муж, и она, прикоснувшись к его стопам, извинилась, чтобы уделить мне ещё пару минут. Я упомянул предсказание Бабы о том, что я стану Его противником. Амма лишь кивнула: «Я тоже многое вижу, но предпочитаю молчать». Когда я спросил, что она имеет в виду под «сосудом», она объяснила: мы осознаём целое лишь через преданное служение семье и ближним. Заметив мой скептицизм, она добавила: «Интеллектуально ты понимаешь мои слова, но для истинного осознания нужна не теория, а практика».

Она закрыла глаза: «Будь чист внутри и снаружи. Это единственный путь ощутить присутствие Бога во всём». Попрощаясь с ней, я почувствовал, что она впечатлила меня гораздо больше Бабы, но мой голод по трансцендентному опыту остался неутолённым.

Я отправился в Муммидиварам, деревню Бала Йоги. По легенде, он отрёкся от дома в шесть лет, пришёл сюда и сел в позу лотоса, с тех пор не сдвинувшись с места. Говорили, что он не принимает пищи и воды, а его всегда сопровождает кобра. Деревенские жители процветали за счёт паломников, хотя сам йог оставался совершенно отчуждённым.

Я приехал в разгар паломнического сезона. Очередь была бесконечной, и я уже хотел уйти, но меня заметил правительственный чиновник. Приняв мой вид *садху* за признак особой духовности, он провёл меня к йогу без очереди.

Бала Йоги выглядел моложе своих пятидесяти лет: спутанные волосы, длинные кривые ногти. За его спиной возвышалась глиняная статуя кобры, чей капюшон парил над ним как зонт. Когда высокопоставленные визитёры попытались остановить процессию, чтобы обсудить с ним вопросы благоустройства, Бала Йоги издал бессвязный вопль — точь-в-точь как капризный ребёнок. Министры поспешно ретировались.

Я нашёл его брата — пожилого человека, отошедшего от дел. На вопрос о цели Бала Йоги он лишь пожал плечами: «Её знает только он. Он не любит людей. Он сидит здесь, потому что семья умоляла его не уходить, когда он был ребёнком. Но ему нет дела ни до них, ни до тысяч паломников».

«А что вы думаете о тех, кто считает его Богом?» — спросил я.

Он ответил поговоркой: «Если у человека три жены, он ещё не становится царем Дашаратхой. У моего отца было три жены, как у Дашаратхи, и четыре сына, как у него. Но это не делает одного из нас Рамой».

Оставшись в одиночестве, я подвёл итог. Саи Баба казался мне карикатурой, Амма — достойной женщиной, но не учителем, а Бала Йоги — мрачным мизантропом. Я провёл в поисках всего десять дней, но уже был сыт по горло. Я понял: если настоящий Учитель существует, он не будет прятаться за фокусами или причудами. Я решил отправиться в Гималаи.

Глава 9. Север

(набросок, необработанный текст)

Девапраяг — первая значимая остановка после Ришикеша на пути к Бадринатху. Здесь Ади Шанкара когда-то установил *мурти* Рамачандры. Много веков назад Господь Рама совершил на этом слиянии двух рукавов Ганги великую *ягью*, и потомки священников, проводивших то жертвоприношение, — около ста двадцати брахманских семей — до сих пор живут в этой деревне. Многие из них ведут двойную жизнь: полгода проводят в странствиях, устраивая обряды для паломников, а остальное время работают. Ныне появилась тенденция — хотя бы один сын в семье должен получить светское образование и устроиться на государственную службу.

За Девапраягом начинаются настоящие горы. Это суровая земля, где практикуют йогины, и где пролегает военная дорога, ведущая к границе с Китаем.

Проведя две недели в Дели, я раздобыл у начальника вокзала деньги на билет до Ришикеша. По прибытии я сразу направился в «Общество божественной жизни» — ашрам Свами Шивананды. В своих книгах он поэтично взывал к читателям: «Приходите в Ришикеш, город мудрецов! Медитируйте в горах, оmyвайтесь в Ганге, любуйтесь священными вершинами...» — и тому подобное.

Я заглянул в приёмную: «Хочу остановиться у вас на несколько дней». Мне выделили место на трое суток с трёхразовым питанием. Осмотревшись, я обнаружил, что ашрам напоминает оживлённый офис: кухни, печатные станки, бесконечные лекции по медитации и обязательные вечерние *сатсанги*, которые должны посещать все *свами* без исключения: Кришнананда, Премананда, Шанкарананда, Бхувананда и Девананда.

На исходе третьего дня мне удалось продлить проживание еще на трое суток. Вскоре я познакомился с Гьянанандой —

пожилым человеком, который постоянно медитировал на ступенях лестницы, ведущей к храму. Рядом с ним всегда стояла маленькая печатная машинка, а стопка книг покоилась под баньяновым деревом. Я поинтересовался, почему он выбрал столь людное и шумное место. Он поведал, что всю жизнь прослужил в полиции, а после выхода на пенсию отдал Шивананде все свои накопления. На эти деньги были построены та самая лестница и разбиты сады вокруг храма, поэтому он считал своим долгом «охранять» плоды своих трудов. Я притворился простаком и засыпал его каверзными вопросами, за что он тут же окрестил меня «заядлым спорщиком».

Утром и вечером Шанкарананда читал лекции по *Кенупанишаде*. Однажды я решился спросить его о своём даре ясновидения: о том, как тяжело это бремя, как сильно оно мне мешает и как порой я едва не схожу с ума от постоянного ментального шума. Он посоветовал мне медитировать, занимать чувства активным трудом и ни в коем случае не поддаваться праздности.

«Мы находимся у самого подножия Гималаев, здесь множество людей занимаются йогой и медитацией, — предостерёг он. — Однако некоторые из них используют неофитов в собственных корыстных целях. Они способны воздействовать на чужие умы и сбивать искателей с истинного пути. Человек должен быть предельно осторожен, чтобы не соскользнуть на низший ментальный план. Выбери свой путь — будь то повторение мантры, аскеза или физические упражнения, — найди то, что отвечает твоей природе. И найди гуру».

«Может быть, мне выбрать вас?» — с надеждой спросил я.

«Я слишком занят: пишу книги, читаю лекции, да ещё и овощи для овощного *сабджи* режу по два часа в день, — отшутился он. — Лучше поговори с Преманандой».

д. Девапраяг. Место слияния место слияния рукавов Бхагиратхи и Алакананды. Начиная с этого места, текущая через всю страну река известна как Мать Ганга.

Свами Шивананда Сарасвати (1887-1963, Ришикеш) — индийский гуру и йоги, основатель «Общества божественной жизни» (The Divine Life Society, DLS). Бывший врач из Малайзии, который открыл больницу в месте, где встречаются садху, и она стала большой организацией йоги.

Ашрам Шивананды в Ришикеше

Много лет назад некий йог в сияющих одеждах, с роскошными волосами, длинной бородой и широкой улыбкой посоветовал Шивананде учредить организацию «Бхарата Садху Самадж» на семь тысяч участников. Однако истинные *садху* наотрез отказались в этом участвовать. Сам Шивананда не стремился создавать очередную бюрократическую структуру: он лишь пытался составить реестр подлинных аскетов, чтобы отсеять криминальные элементы — ведь многие преступники, скрываясь от полиции в лесах и пещерах Гималаев, выдавали себя за святых.

«А что насчёт меня? — обратился я к Премананде. — Ты же *садху*, так помоги мне!».

«Ты ещё слишком молод, — ответил он. — Тебе нужно постранствовать, познакомиться с разными йогами и духовными группами. Ты бывал в Бадринатхе?».

«Нет».

«Обязательно побывай там. Когда вернёшься, сам заметишь, как станешь настоящим *садху*. Со мной это произошло именно так».

«Но я чувствую, что мне необходим учитель! — возразил я. — Я схожу с ума, моя голова вот-вот взорвётся от напряжения!»

Он пристально посмотрел на меня и сказал: «Вот в чём всё дело, парень. Суть медитации в том, чтобы смотреть в лицо этой суе и терпеть её. Когда ты наконец достигнешь точки, где все эти беспокойства потеряют над тобой власть — оставайся в ней. Это и есть твой путь».

«Но ведь здесь у вас создана целая организация! — не унимался я. — Шивананда писал в своих книгах, что здесь уже всё готово: пища, кров, лекции, возвышенное общество. Он

писал, что больше не нужно блуждать по лесам и питаться сухими листьями!».

Премананда тяжело вздохнул: «Да, когда-то всё так и было. Но теперь всё погрузилось в формализм. Если начальство узнает, что я проговорил с тобой сорок пять минут, мне объявят выговор за отрыв от работы. Раньше Шивананда часами беседовал с молодыми искателями, но сейчас нам спустили жесткое расписание, которому мы обязаны подчиняться. У меня есть график. К тому же, даже если ты останешься, у тебя здесь нет будущего. Все должности давно распределены, и принимать новых людей никто не желает. Ты кажешься искренним парнем, поэтому послушай мой совет: просто иди по святым местам. Посети Девапраяг, пещеру Васиштхи, Рудрапраяг... Потрать четверть жизни на паломничества. Нигде не задерживайся подолгу. Когда ты пройдёшь через этот опыт, ты созреешь, как плод».

Наступил пятый день моего пребывания. Когда я пришёл в столовую, меня перехватил Бхувананда и сообщил, что меня желает видеть глава организации.

По дороге в офис я столкнулся с одноглазым *ванапрастхой* из Гуджарата — заросшим густой бородой и спутанными волосами. Прежде он часто заговаривал со мной перед обедом, рассказывая о множестве юношей, бежавших из дома в Гималаи, но так и не нашедших того, что они искали. Сам он пришёл сюда двадцатилетним юношей, и теперь ему было уже сорок два года.

Преградив мне дорогу, он усмехнулся: «Ну вот, твоё время истекло! Сейчас он прикажет тебе убираться из ашрама. Именно за этим он тебя и вызывает. Двадцать лет назад он точно так же позвал меня».

«И что же мне делать?» — растерялся я.

«Просто взгляни на противоположный берег реки, — он кивнул в сторону многочисленных башен и куполов. — Всё это — ашрамы. Ты пришёл именно сюда лишь потому, что родом из Тамилнада и начитался книг Шивананды. Но точно такое же ложное руководство, какое ты обнаружил здесь, тебя ждёт и в любом другом месте. Лично я за двадцать лет не нашёл в этих стенах ничего, кроме бесплатной похлёбки».

Я вошёл в офис. За столом сидел Кришнананда. Я поклонился, он откинулся в кресле и сухо бросил: «Хари Ом». Он смотрел на меня точь-в-точь как строгий чиновник. На мгновение мне даже показалось, что на его плечах поблёскивают генеральские погоны.

«Что ещё за новости? — ледяным тоном начал он. — Сначала три дня, потом ещё три... Скоро ты потребуешь большего? Ты решил, что это *дхармашала*? Это место предназначено исключительно для серьёзных людей, погружённых в *садхану*».

Я попытался объяснить: «Свамиджи, я готов следовать любой *садхане*, какую вы мне укажете! Я читал труды Шивананды, его идеи мне очень близки. Я пришёл сюда только ради духовной жизни. У меня была прекрасная должность в компании «TVS», но я оставил всё ради поиска Бога. Прошу вас, примите меня! Я готов на любое черновое служение, могу работать в офисе...».

Он удивлённо приподнял бровь: «О, ты работал в «TVS»? В таком случае, не лучше ли тебе вернуться туда?».

«Нет, я не желаю возвращаться к прежней жизни».

«А ты полагаешь, что здесь приют для беглецов с работы?».

«Но ведь сам Шивананда призывал нас на страницах своих книг: приезжайте, изучайте Веды, поступайте в Академию Йоги и Веданты! И вот я здесь. Я молод, я полон сил и готов служить. Просто примите меня и вылепите из меня то, что сочтёте нужным!».

«Возвращайся в свою «TVS»! — отрезал он. — С сегодняшнего дня бесплатное питание для тебя прекращается. Уходи!».

«Свамиджи, поручите мне хотя бы какую-то работу! — взмолился я. — Я согласен есть всего один раз в день, мне просто необходимо находиться в вашем обществе, это очистит меня!».

«Ты способен только болтать! Больше я не желаю тебя здесь видеть. Я уже отдал распоряжение в столовую — кормить тебя не будут. Твоё время вышло. А теперь — вон отсюда!».

В эту самую секунду двери приёмной распахнулись, и на пороге появилась богато одетая семья. Лицо Кришнананды мгновенно преобразилось. Сменив гнев на слащавую милость, он рассыпался в любезностях, горячо уверяя гостей, что этот ашрам — их вечный духовный дом и прибежище. Когда глава семейства протянул ему солидный чек, *свами* услужливо приподнял край своих одежд, чтобы благодетели могли коснуться его стоп.

С отвращением посмотрев на это неприкрытое лицемерие, я круто развернулся и навсегда покинул стены ашрама.

Выйдя за ворота ашрама, я увидел того самого одноглазого *ванапрастху*: он сидел и разговаривал с другим пожилым *садху*, страдавшим слоновой болезнью. Я присел между ними, и одноглазый усмехнулся: «Ну что, что тебе сказал этот *каннадига*? Он терпеть не может принимать тамильцев, я-то знаю! Наверняка он ни слова не сказал про Тамил-Наду или Карнатаку, но он в

жизни никого оттуда не примет. А всё потому, что он видит: ты разумный парень. Если ты останешься, то через пять-шесть лет сам сядешь на его место. Он ужасно боится, что люди рядом с ним будут расти. По этой же причине я в свое время ушел из железнодорожной компании — они не давали мне развиваться. И здесь всё точно так же! Иди в «Парамартха Никетан», в «Гита Бхаван» — вокруг полно ашрамов. Но скажи мне честно, чего именно ты хочешь? Ты просто хочешь пристроиться здесь на всю жизнь, чтобы не вкалывать, да?» — он громко и рассмеялся.

«Нет, дело совсем не в том, чтобы не работать, а в том, какая именно это работа. Я ищу духовную работу».

Он махнул рукой: «Работа и духовность? Такого просто в природе нет! «Духовность» в их понимании означает, что ты просто командуешь другими, указывая, что им делать. Оглянись вокруг, разве это не так? Ладно, когда пройдешь всё это — заходи ко мне снова. Ты всегда сможешь найти меня в столовой во время обеда: Шивананда оставил письменное распоряжение, что меня обязаны здесь кормить до конца моих дней».

Поразмыслив, я решил исследовать другие ашрамы Ришикеша, расположенные по обеим сторонам Ганги. В те годы моста через реку еще не было, перебраться на другой берег можно было только на лодках. Я отправился в ашрам «Парамартха Никетан». Там меня приняли и разрешили питаться три раза в день. Я поселился прямо на берегу Ганги в одной из хижин — это были такие крошечные домики для *садху*, где не было даже кровати (если, конечно, вы не привезли ее с собой). Естественно, там было полным-полно комаров и прочих букашек, но это считалось неотъемлемой частью суровой жизни *садху*.

Каждый день я совершали омовение в Ганге, после чего повторял «Вишну-сахасра-наму» и одиннадцатую главу «Бхагавад-гиты». Я думал о том, что эта река — Кришна, эти горы — Кришна, и размышлял о Брахмане. В свободное время я изучал

философию *адвайты* в местной библиотеке и посещал лекции. Лекций там читалось очень много, и я всё сильнее увлекался идеями *адвайты*.

Всё свое время, свободное от омовений и принятия пищи, я проводил в долгих пеших прогулках, за что меня даже прозвали «гуляющим Мадрасивалой». Я исследовал всю окрестность, наблюдал за *йогами*, осматривал другие ашрамы. Затем я перебрался в «Гита Бхаван».

Там я жил прямо на веранде. Стены вокруг были исписаны изречениями из священных писаний, а спал я прямо под стихом из «Бхагавад-гиты» (8.5):

анта-кāле ча мām эва

смаран муктвā калеварам

«Тот, кто в конце жизни, покидая тело, помнит только Меня, сразу обретает Мою природу. В этом нет никаких сомнений».

Однажды в это место приехал один великий *йог*. Он повсюду выступал с лекциями — в ашрамах «Гита Бхаван», «Парамартха Никетан» и в ашраме Шивананды. У него я научился делать *тра таку* — медитацию на яркий свет, на Луну и Солнце, и стал регулярно практиковать это.

Заметив меня среди слушателей на своих лекциях, он позвал меня к себе в комнату, где я рассказал ему свою историю. Он посоветовал мне заняться *кундалини-йогой*, дав специальную схему с мандалами и книгу. Он велел мне сесть в позу лотоса, дотронулся до моего пупка безымянным пальцем и сказал задержать дыхание. В течение 15 минут ничего не происходило, а затем я впал в странное трансцендентное состояние, осознавая лишь сам факт своего существования, и больше ничего. Когда я пришел в себя, *йога* в комнате уже не было, а на часах прошло целых два часа. Я чувствовал себя необыкновенно воодушевленным и очищенным. Выйдя из комнаты, я услышал,

как он читает лекцию, объясняя всё происходящее в свете *йоги*. Он откровенно высмеивал тех, кто утверждает, будто *йога* не предназначена для нашего века, и приводил в пример множество святых, практикующих *кундалини*.

Чуть позже, в личной беседе, он объяснил мне, что *шакти* Шивананды берет начало в *артхе*, поэтому тот активно занимался социальной работой; а кто-то другой поднялся лишь до *свадхистханы*, поэтому просто пишет книги, и так далее. У этого *йога* был собственный ашрам на горе Абу в Раджастане, где находилась его личная пещера. Он также показал мне *йони-мудру*, которая помогает разогреть тело с помощью *пранаямы* в холодную погоду.

Шли дни, и я продолжал переезжать из одного ашрама в другой. В общей сложности я пожил в двадцати четырёх ашрамах. В одном из них я встретил Вишвагуру Мунишанандаджи Махараджа, который с виду казался большим пижоном. А однажды, прогуливаясь по окрестностям, я снова увидел Кришнананду, который шёл куда-то в сопровождении двух других *санньяси*.

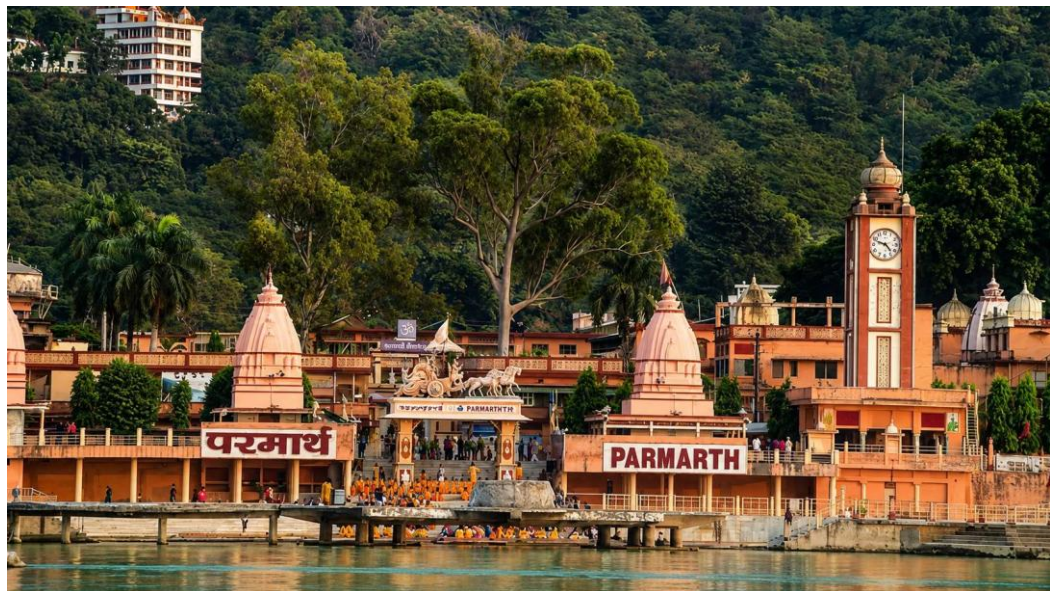
Заметив меня, он воскликнул: «Ты до сих пор здесь?»

«Ага».

«И где же ты живёшь?».

Я ответил, что просто кочую из ашрама в ашрам, останавливаясь в каждом по три дня.

«Возвращайся в TVS, как я тебе уже говорил!» — вскричал он. — «Ты просто впустую тратишь свою жизнь и здоровье, глупец!».

Ашрам Парамартх Никетан в Ришикеше.

Ашрам «Гита-Бхаван» в Ришикеше.

В один из дней я пришел на программу к Мунишанандаджи. Там собралось полно народу, в основном *садху*, а главным гостем был один влиятельный *садху* из другого ашрама. Кажется, там собрались все, кроме самого Шивананды.

Спустя несколько лет мы с Мунишанандаджи снова встретились — на Кумбха-меле в 1977 году. Лагерь ИСККОН располагался как раз по соседству с его ашрамом. Во время лекции Шрилы Прабхупады люди Мунишанандаджи на всю мощность включили свои громкоговорители, и Шрила Прабхупада попросил меня сходить к ним и попросить убавить звук.

Я направился прямо к Мунишанандаджи и сказал: «Мой Гурудев сейчас читает лекцию, а ваши усилители создают ужасный шум».

Он тут же возмутился: «Кто вообще включил эти усилители? Здесь сидит всего два с половиной человека!» — он сурово отчитал своего менеджера: «Немедленно выключи это! Там сам Бхактиведанта Свами читает лекцию!».

Я поклонился: «О, спасибо огромное, вы очень добры. Может быть, вы помните, как много лет назад вы жили в таком-то ашраме в Ришикеше?».

Он присмотрелся ко мне: «О да, *траака* и *йони-мудра*!».

«Именно там во многом и зародилась моя вера. Как поживает ваша *кундалини*? Вы всё ещё «Айуч Кей», да? Я читал о ваших хождениях по мукам. Слышал, вы чуть не прикончили одного пижона?»

Он усмехнулся: «Ну ладно, парень, успокойся. *Кальян хо* (да пребудет с тобой благо). Я знаю Бхактиведанту Свами, он

великий человек. Когда у него вечерняя лекция? В шесть? Я обязательно приду».

И он действительно пришёл. Я даже поставил для него специальное кресло на сцене.

А тогда, в Ришикеше, у себя в ашраме Муниш практиковал *дхьяна-йогу*, и когда я пришел к нему, он демонстрировал *уддияна-бандху*. Он невероятным образом двигал мышцами живота прямо во время лекции. После выступления я подошел к нему и попросил разрешения остаться в его ашраме.

Он оглядел меня: «Что ты практиковал раньше, худышка?»

«*Йони-мудру и тракау*».

Он громко рассмеялся: «Парень, это не практика! Ты вообще медитируешь?».

«Да».

«И как именно? На Гангу, на её круговорот — как она выходит из океана и возвращается в океан? Но Ганга течет не из океана! Ганга исходит со стопы Вишну, парень!».

«Простите, я этого не знал. Я хочу остаться здесь и научиться всему этому у вас».

«Ты видел мою сегодняшнюю демонстрацию?»

«Да, но я думаю, что никогда так не смогу. Да я и не хочу этого. Мне очень понравились ваши слова о том, что всё это относится лишь к физическому телу».

«Да, конечно, ты должен заниматься *дхьяной*, но тебе необходимо сосредоточиться на чем-то одном. Сейчас я уезжаю на два месяца, но если ты останешься здесь до моего возвращения, я тебе помогу. Однако ты обязан дважды в день ходить на наши молитвы о мире во всём мире, где все повторяют: «ВИШВА КИ! КАЛЬЯНА ХО!». Это очистит твоё сердце. И продолжай делать свою *пранаяму* и *тра таку*».

Я прожил в его ашраме три дня, после чего он пригласил меня на свой закрытый сеанс медитации вместе с четырьмя ближайшими учениками. Мы сели и закрыли глаза. Через какое-то время я немного приоткрыл глаза и стал прищурившись подсматривать за тем, что происходит. Как оказалось, его ученики тоже всю подсматривали! Но сам Муниш был погружен в глубочайшее сосредоточение.

Он говорил на четырёх языках и безумным темпом цитировал стихи на санскрите, будучи при этом полным самоучкой: «Стрелой ОМ вы должны поразить *пранаву* (дыхание) и убить ум!» — таков был его главный лозунг.

Затем он обратился ко мне, и, возможно, это было ответом на все мои внутренние сомнения: «Послушай, парень, ты в любом случае не найдешь в Гималаях истинной духовной жизни».

«Почему?».

«Сходи в храм Нилакантха Махадев. Ты сам увидишь, что на самом деле представляет собой «духовная жизнь» в Гималаях. И заодно поймешь, почему здесь каждый норовит создать свою собственную *пантху* (секту).

«Но я не хочу этим заниматься!».

«Ну, тебе здесь этим точно заниматься не стоит. Вот посмотри: Шивананда возвысил Чидананду (который стал его официальным преемником), а Вишнудевананда, Сатчидананда и Чинмаянанда были его изначальными учениками. Шивананда дал Чинмаянанде *санньясу*, но предупредил, чтобы тот не искал дешевой славы. Он сказал ему: «Изучать Упанишады, имея в сердце желание славы, — это всё равно что дать острую бритву в руки обезьяне». Но тот решил пойти собственным путём, сошёлся с магнатами Бирла и стал знаменитым. Шивананда учил простому правилу: «Давать, любить, служить, очищаться и осознавать». Но многие его ученики наотрез отказывались выполнять первые три пункта, поэтому отделились и создали свои собственные общества».

Когда Шивананда уже тяжело болел и был прикован к инвалидной коляске, на север Индии вместе с вице-президентом страны приехал Саи Баба. Это случилось как раз незадолго до смерти Шивананды. Саи Баба посетил ашрам, Шивананда выразил ему почтение, а Саи Баба его «благословил». Все обитатели ашрама были глубоко разочарованы, особенно Шанкарананда — родом из Андхры, говорящий на телугу, которому как раз и поручили координировать этот визит.

Обычно *майавади* просто выражают почтение друг другу, но никогда не дают благословений, поскольку считают, что каждый из них уже Нараяна. Саи Баба материализовал четки из *рудракиши*, и Шивананда повесил их себе на шею, а также принял пепел из его рук. Во время совместной прогулки Шанкарананда не выдержал и сказал Саи Бабе, что было бы куда вежливее, если бы тот сам выражал почтение тем, кто старше и кто фактически уже достиг уровня Шивы (ведь самому Саи Бабе тогда не было даже тридцати лет!).

Саи Баба надменно ответил ему: «Я — *пурна-аватара*. Скажи, чего ты хочешь, и я дам тебе это».

«Зачем мне просить тебя о чем-то? *Рудракишу* я могу купить где угодно».

«Нет, попроси у меня что-нибудь особенное!»

«Хорошо, тогда дай мне Рудра-вину (музыкальный инструмент Господа Шивы)».

Саи Баба закрыл глаза, а затем произнёс: «Сейчас на ней играют полубоги на небесах. Я не могу забрать её у них».

Что ж, ты пробудешь здесь три дня. Если за это время ты достанешь её для меня, я поверю, что ты *пурна-аватара*».

Затем они продолжили обход ашрама. По пути Саи Баба совершал мелкие «чудеса» — например, «материализовал» туфли для одной старушки. Шанкарананда пожаловался Шивананде, и тот сказал, что в любом случае не хочет, чтобы этот гость задерживался здесь надолго. Через три дня Саи Баба ушёл. Как раз тогда в ашрам прибыл Б. Д. Джатти (будущий вице-президент Индии), и на следующий день Саи Баба собрался и уехал.

Вскоре после этого двое *садху* пришли к Шивананде и принесли три пачки совершенно новеньких сторупиевых банкнот. Оказалось, их дал им Саи Баба, чтобы они построили *самадхи* для своего ушедшего *гуру*. *Садху* спросили Шивананду, что им делать с этими деньгами. Тот ответил: «Потратьте их как можно скорее, пока они не исчезли!». И они пошли тратить. Когда торговец строительными материалами узнал, что эти деньги получены от Саи Бабы, он попросил своего знакомого полицейского проверить их. Тот связался с сотрудником банка. Взглянув на серийные номера, банкир сказал: «Подождите немного, здесь что-то не так», — и немедленно позвонил в Дели.

В Резервном банке Индии ему ответили: «Да, мы действительно только что напечатали эту серию, но эти купюры ещё даже не были выпущены в обращение!».

Тут в делийском банке началась паника: «О Боже, посмотрите, какие-то люди прямо сейчас выбегают из нашего хранилища!».

Оказалось, что Саи Баба с помощью мистических сил просто перетаскивал деньги из банковского хранилища! Управляющий банком изъясил эти банкноты и отправил их обратно в Дели.

Однажды рано утром, около семи часов, мы с Шанкаранандой (философом ашрама Шивананды) пошли в город на фруктовый рынок. По дороге он стал расспрашивать меня о моих «мистических способностях».

Я спросил его: «Что именно ты хочешь купить на рынке?»

«Хочу купить пару яблок», — ответил он.

«Сколько точно?»

«Ну, два или три».

«Ровно три яблока упадут к твоим ногам».

И как раз в этот самый момент на дороге тележка с фруктами столкнулась с проезжающим рикшей! Часть фруктов высыпалась на мостовую, и ровно три яблока покатались по наклонной улице прямо к стопам Шанкарананды. Он спокойно поднял их и расплатился с торговцем. На обратном пути он заметил: «Это доказывает, что у тебя всё ещё большие проблемы с умом».

«Да, но что же мне делать?».

«Ты должен немедленно избавиться от этих дешевых *сиддх* и заняться чем-то действительно серьёзным».

Мунишананда посоветовал мне сходить в Нилакантха Махадев, но все вокруг говорят, что там сейчас слишком холодно, надо ждать три месяца».

«Ерунда, иди прямо сейчас! А когда придешь туда, поднимись в гору еще на четыре километра. Там ты увидишь пещеры, где живут настоящие *йоги*. Найди их, и если будет возможность — останься там».

Также во время своих скитаний я попал в ашрам некоего Прем Бабы. Там горела огненная *кунда*, а посреди нее торчал огромный трезубец. Из учеников там были только иностранцы, да и сам Прем Баба казался каким-то иностранцем (хотя родом был из Гуджарата). Там жила итальянско-австралийская пара. Сам Прем Баба, как и многие садху, носил прическу из множества заплетенных коротких косичек.

Один парень непрерывно играл на инструменте под названием *канджира*, извлекая очень странные, как сказали бы иностранцы, «психоделические» звуки.

Когда стемнело, они развели огонь, и Прем Баба начал курить кальян с гашишем, громко приговаривая: «БУМ БУМ БОЛОНАТХ! БУМ БУМ БОЛЕ!».

Каждый из присутствующих сначала почтительно касался кальяном своей головы, а затем затягивался. Когда очередь дошла до меня, я прикоснулся к кальяну головой, но курить не стал.

Сидящая позади меня женщина возмутилась: «Нет-нет! Вы обязательно должны вдохнуть этот священный аромат!».

«Спасибо, но я этим не занимаюсь».

«Да ладно тебе, никаких проблем, просто попробуй!».

Мы спорили до тех пор, пока они все не зашлись в тяжёлом кашле. На следующее утро я поскорее совершил омовение и дважды прочитал «Вишну-сахасра-наму», чтобы очиститься. А днём я снова встретил этих двух девушек на городском рынке — они ехали на рикше.

Итальянки, худые как скелеты, прыгнули с повозки и стали уговаривать меня: «Пожалуйста, приходи к нам ещё, заходи к нашему гуру!».

Я твердо ответил: «Нет, извините, у меня совсем другой путь. Я попытался объяснить им, что наркотики — это тупик и саморазрушение».

Тогда одна из итальянок подняла к небу свои тощие, изможденные руки и воскликнула: «Посмотри на меня! У меня больше ничего нет, и меня больше ничего не беспокоит! Скоро я умру и просто стану ОМ!».

Глава 10. Блуждающий, озадаченный

В 5:30 утра я стал подниматься по длинному пути от Ришикеша по зеленым гималайским предгорьям. Меня приветствовали люди, рубившие лес, они спросили, куда я иду. Я сказал: «В Нилаканда Махадева».

Они посмеялись: «Через час ты вернешься назад, ПАРЕНЬ!».

«Нет, я иду вверх».

«Слушай, парень, если ты только не личный спутник Господа Шивы, то тебе лучше об этом и не думать».

Я продолжал путь. Вскоре мой путь преградили поваленные деревья. Я свернул в сторону. Пришлось карабкаться по большим камням. Испугался. Удивился, неужели придётся вернуться, как сказал тот человек. Наконец я добрался до места, где я мог отдохнуть, настолько вымотанным, что тут же заснул и проснулся только во второй половине дня. Ничего не ел. Встал и пошел дальше.

Наконец, я добрался до небольшой поляны, на указателе было написано «Нилаканда Махадева», это указывало на место, где горный поток пролился на Шива-лингу. Возле этого были выстроены две деревянные хижины для паломников. Кроме леса, усыпанного скалами, круто поднимающегося вверх, не было заметно ничего другого. Я сел, чтобы медитировать. Вскоре на горы спустились темнота и холод. И я зашёл в домик, где я поспал с перерывами. Я чувствовал присутствие большого количества духов.

Дневной свет осветил горные вершины. Я снова двинулся в путь, восходя всё выше и выше по очень скалистой местности. Пройдя несколько километров, большой камень преградил мой путь. Поток камней обрушился в долину с этим валуном, и мне пришлось приложить много усилий, чтобы найти дорогу дальше.

Дорога к Нилакантхе Махадеву.

На другой стороне маленький мальчик и девочка, едва ли десяти лет, пасли небольшое стадо коз. Они были очень грязные, в ушах были странные сережки, казалось, сделанные из кожи. Когда они заметили меня, они побежали в мою сторону, крича и бросая камни.

В скале справа от меня зиял вход в пещеру. Я забрался внутрь, чтобы меня не заделали камни. Пещера оказалась большой, и она освещалась костром, мерцавшим посреди пола. Перед огнем сидел бородатый йог, его жилистое тело было совершенно неподвижно в позе *падмасаны*, позе медитации. Его длинные седые волосы были спутаны и свернуты в большой пучок на верхушке головы. Ногти на пальцах отрасли даже длинней чем у Бала Йоги. Его старое жесткое лицо, освещённое оранжевым отблеском, было наклонено к огню, глаза неподвижные и широко раскрыты. Возле него лежала *чинда* (йоговские щипцы для вынимания раскаленных углей) и большая куча дров.

Дети не осмелились войти в пещеру. Я сел возле йога, но он меня не заметил. По его виду было понятно, что он в глубоком трансе. Я заметил маленький металлический сундучок, спрятанный в неглубокую нишу в стене пещеры. Через несколько минут сидения и молчания, моё любопытство одержало верх над мной. Я подошёл к сундучку, присел и открыл его. Там были только письма, около ста писем в конвертах. Просматривая эту стопку, я увидел некоторые из них датированы ещё до объявления независимости Индии. Внизу были письма с марками 1880-х годов. Все были отправлены из Миирут, конверты адресованы Свами Трилокешварананде Йоги через почту Ришикеша. Самые старые письма начинались «Дорогой Шармаджи», более поздние «Уважаемый Свами Махараджа». Я посмотрел на *йога*, всё ещё застывшего в медитации. Кто этот Шармаджи? Неужели он здесь уже девяносто лет?

Закрыв сундук, я встал и немного прошелся. Пещера была размером примерно с кинотеатр. В конце она сужалась в нишу высотой в два человеческих роста. Наверху этой ниши был туннель, ведущий прямо вверх, в гору. Насколько далеко он простирался я не знаю, там была темнота, черная, как смоль.

Примерно через полчаса в пещеру вошла женщина, жительница гор. Она принесла грубую деревянную миску с козьим молоком. У неё были такие же серьги, как у детей. Я попробовал заговорить с ней, но она прервала меня холодным взглядом, а затем совсем не обращала на меня внимания. Она стояла на почтительном расстоянии от *йога*, глядя в пол, молча ожидая. Прошло несколько минут, пока он постепенно вышел из транса. Когда он поблагодарил её, кивнув головой, она быстро подошла, поставив миску перед ним. Так же быстро она снова отошла обратно. Он вылил молоко в огонь и взял немного пепла из костра. Когда она забирала миску, она протянула правую руку, и *йог* уронил пепел в её ладонь. Она поклонилась и поспешила уйти.

Я предложил *пранаму* и упал перед ним на колени: «Свамиджи...», — начал я.

Он резко прервал меня: «Что ты делаешь здесь?».

«Я пришёл к вам на *даршан*», — сказал я смиренно.

«Что ты от меня хочешь?».

«Я всего лишь *садхака*. Я пришёл в надежде научиться йоге у вас».

Он задрожал от раздражения: «Ты не учиться сюда пришёл. Это не школа йоги. Почему ты не пошел вниз, в Ришикеш, там поселился бы в *ашраме* и научился упражнениям?».

«Я был там. Меня сюда отправили Мунишананда и Шанкарананда».

«Тьфу! Сколько раз я должен говорить этим дуракам, чтобы больше навверх никого не отправляли?».

«Пожалуйста, позвольте мне служить вам!».

«Как служить? Я смотрю в огонь. Для этого мне не требуется твоя помощь».

Я настаивал, отчаянно пытаюсь не рассердить его.

Я нисколько не сомневался, что если он меня проклянет, у меня будут большие проблемы: «Свамиджи, смилуйтесь надо мной. Мне нужны наставления в духовной жизни. Я пришёл сюда из Южной Индии. Пожалуйста, помогите мне».

«Какой *садхане* ты следуешь?».

«Я повторяю «Вишну-сахасра-наму» каждый день и...».

«Это не место для тех, кто повторяет имя Вишну», — сказал он в завершение.

«Но что вы делаете, научите меня».

«То, что делаю я, ты никогда не сможешь делать. Вы, люди, живете на пище. А мы живем на *садхане*».

«Но вы же можете научить меня жить на *садхане*».

Йоги покачал головой и нахмурился: «Я не принимаю учеников. Но раз ты пришёл, можешь остаться на одну ночь. Но не отвлекай меня. Я должен совершать свою медитацию». Он подбросил дров в огонь и сосредоточил на нем взгляд, больше не обращая на меня внимания.

Когда он сказал: «Вы, люди, живете на пище», я вспомнил, насколько я голоден. Я осмелился выглянуть наружу, дети уже ушли. Я нашёл горную реку и наполнил свой живот его ледяной водой. Примерно часа в два дня, та женщина вернулась, неся в двух мисках воду и муку. Она ждала, пока *йога* смешал муку и воду и замесил тесто, которое он разделил на два куска. Сплющив эти куски в лепешки между ладонями, он бросил их в огонь. Минуты две он дал им пошипеть, прежде чем достать почерневшие лепешки своей *чиндой*. Он встал и пошел в конец пещеры.

Разделив хлеб пополам, он бросил кусок в туннель, и прокричал: «Возьми это, *Ма*». Кусок обратно не упал.

Он снова сел перед огнём и ещё раз разделил половину лепешки, которую всё ещё держал в руке, пополам. Он протянул мне одну половину. Другая лепешка просто сгорела в огне полностью. Мы поели, на вкус это было как кусок угля с клейкой серединой. Закончив, он вытер руки пеплом и знаком показал мне сделать то же самое. Затем, как и перед этим, он дал женщине немного пепла. Она собрала свои миски и ушла. Он молча подбросил дров в огонь и снова вошел в транс.

Снаружи стемнело. Я повторил Тысячу Имен Вишну и лег спать. Несколько раз я просыпался от каких-то непонятных звуков, возгласов и криков, раздававшихся снаружи, каждый раз я вскакивал, но не видел ничего, кроме *йога*, пристально смотрящего в огонь. Утром, когда я поднялся, он всё ещё сидел в медитации. Я пошел к реке, чтобы омыться, а когда вернулся, увидел молодого джентльмена, одетого в пиджак, рубашку, галстук и брюки, который шел пешком из Нилаканда Махадева. В руке у него был портфель. Даже если бы я увидел самого Шиву, который идёт по этой дороге, я бы не был удивлен больше. Застыв, я следил за ним, пока он не подошёл ближе, спотыкаясь на камнях вокруг большого валуна. Он поздоровался со мной с улыбкой, и я спросил его, что он делает в горах.

Набрав воздуха, он сказал: «Я приехал из Меерута, к Свами Трилокешварананде. Мне нужно немного пепла для моей матери. Она заболела. А что вы здесь делаете?».

Мы разговаривали и вошли внутрь пещеры. *Йог* ещё не вышел из своего транса, поэтому я попытался разузнать как можно больше у этого джентльмена про него и про «Свамиджи». Но он не так много знал о *йоге*, кроме того, что тот был его дальним родственником. Было ясно, что его семья не так много рассказала ему, кроме того, что он должен принести пепел. Они и раньше посылали его с той же целью. Пока мы шептались у огня, медитация *йога* прервалась.

Прежде чем молодой человек успел сказать хоть слово, *йог* разгневался: «Снова ты! Я говорил тебе в прошлый раз больше не приходить сюда».

Упав к стопам *йога*, джентльмен встал перед ним на колени, склонив голову и молитвенно сложив руки: «Махарадж, смилуйтесь над нами. Мама заболела».

«Зачем вы продолжаете писать мне письма?», — *йог* бросил на меня взгляд. — «Ты читал эти письма?».

Я слишком смутился, чтобы ответить.

«Ну конечно, ты читал эти письма!», — закричал *йог*.

Внезапно как проворный и шаловливый мальчик, он подпрыгнул, загоготал и затряс головой в разные стороны, пока его волосы не растрепались. Большой пучок волос развернулся и накрыл его тело, достигнув колен.

«Каждый, кто приходит сюда, читает мои письма», — выкрикнул он, — «Больше нечего делать дуракам».

Он повернулся к своему посетителю из Меерута, который в страхе попятился: «Ну на этот раз возьми побольше пепла, чтобы больше не пришлось приходить. И скажи своим, чтобы прекратили писанину».

Джентльмен благодарно кивнул и открыл свой портфель, вынимая оловянный контейнер. *Йог* схватил полные горсти пепла из очага и бесцеремонно высыпал их в контейнер, просыпав серый порошок пепла на одежду джентльмена. Когда контейнер наполнился с верхом, бедный парень закрыл его, снова положил в портфель и поклонившись снова, поспешно ретировался из пещеры. *Йог* оживленно пошел в угол пещеры и взял посох (обоженную деревянную клюку). Он улыбнулся мне, как старому другу.

«Давай пойдем пройдемся» — сказал он, — «Я уже давно не был снаружи, представляешь».

Поразившись его внезапной смене настроения, я спросил — просто чтобы поддержать беседу: «А сколько дней прошло с тех пор, как вы выходили в последний раз?».

Он запрокинул голову и захохотал: «Дней? Ха! Уже тридцать лет прошло с тех пор, как я выходил из этой пещеры!».

Мы вышли на свет солнца. Он глубоко вдохнул и удовлетворенно осмотрелся.

«Свамиджи», — спросил я, — «А как вы получаете там письма?»

Он фыркнул: «Раз или два в год начальник почтового отделения снаряжает сюда экспедицию из Ришикеша с письмами для меня. Я здесь единственный, кто получает письма».

Он указал своим посохом на долину, где дорожка вилась по горам и пропадала вдаль: «Выше моей пещеры ещё шестьдесят пещер. Я здесь новичок. Эти верхние *садху* используют меня в качестве связи с внешним миром. Я единственный, кто ест. Раз в несколько дней, немного горелого теста. А они живут только воздухом. Один раз в году они все спускаются в мою пещеру, шестьдесят *садху-бабу* сразу! Вот тебе, наверное, хотелось бы увидеть!».

«Да, я бы хотел. Я хочу прямо сейчас пойти туда и увидеть их», — храбро сказал я.

Тут у меня в желудке заурчало.

Он засмеялся, солнечный свет осветил глубокие складки на его лице: «О, голодный юноша! Если ты хочешь комфортной жизни с двухразовым питанием, и немного медитации, лучше тебе вернуться в Ришикеш».

Я уныло улыбнулся: «Свамиджи, моя проблема в том, что я не знаю, какой *садхане* следовать. Я повторяю Вишну-сахасранаму, делаю *тратак*, но я не знаю, что лучше для меня».

«Какова твоя цель? Это первое, что нужно решить».

«Ну... как сказали те *свами* в Ришикеше, моя цель — *кевала-ананда*, единство с Богом».

Он фыркнул и молчал. Мы подошли к реке, он сложенными ладонями плескал воду на своё почти обнаженное тело. Потом он встал прямо, запрокинул голову назад и стал смотреть на солнце, которое пересекало небо между гранитными вершинами, которые возвышались со всех сторон. Через минуту он посмотрел на меня и заговорил: «Тебе нужно пойти в Бадринатх. Там ты узнаешь о *кевала-ананде*». Он снова фыркнул, что-то шепотом бормоча.

«Но я же здесь тоже могу научиться, о этих *садху*...».

Он прервал меня саркастическим замечанием: «Даже если ты бросишься в их костер, они не станут относиться к тебе теплее».

«Вот вы сказали, что вы здесь новый человек. Сколько времени вам потребовалось, чтобы они приняли вас?».

«Если я скажу тебе, когда я пришёл сюда, ты всё равно мне не поверишь. Я здесь слишком долго. Сейчас обо мне знают слишком много людей. Эти люди из Меерута стали посылать мне письма только когда они узнали об этом месте. Раньше здесь было спокойно. Эх... я помню Ришикеш до того, как он стал модным. Этот Парамартха Никетана Свами превратил его в аттракцион для туристов, когда основал здесь *ашрам*. Но до того Ришикеш был чистым местом».

Я вспомнил ещё кое-что, что хотел спросить у него: «Свамиджи, скажите мне, а что случилось с тем хлебом, который вы бросили в туннель?».

«Ага. До того, как я поселился в эту пещеру, там жил другой человек, и он поклонялся Матери Кали таким образом. Поэтому, когда я пришёл, я продолжил».

«Но что произошло с лепешкой, почему она не упала обратно?».

Он посмотрел на меня как на полного дурака: «Она приняла его, вот и всё».

Когда мы шли обратно в пещеру, та женщина пришла со своими козами и двумя детьми.

«Сегодня не приноси молока», — крикнул ей *йог*.

Я попрощался с ним, решив спуститься в Ришикеш. Через несколько дней я пришёл в *ашрам* Мунишананды. Затем я вышел в Харидвар.

Красивый город храмов и домиков сгруппировался там, где Ганга течет из горной области на равнины. Харидвар притягивает тучи индуистов и сикхов, паломников со всех концов Индии, которые приходят на церемонию заката в Хар Ки Пайри, священное место на западном берегу. Жертвенные светильники пускают плыть по реке, иногда их так много, что в течение получаса кажется, что с небес на землю низошла Акаш-ганга («Небесная Ганга»), и она принесла с собой звезды.

После церемонии Хар Ки Пайри берег реки и пешеходный мост, который вел на другой берег, кишели попрошайками, ворами, агентами по сдаче жилья, дельцы, шарлатаны, сутенеры – и стадом, которое они стригли. Как цинично сказал *садху*: «Те, кто смыли свои грехи омывшись в священных водах, бегут от Ганги чтобы совершать новые грехи, а те, кто ещё не смыли свои грехи – спешат чтобы хорошенько запачкаться перед омовением».

Благодаря моей одежде *садху*, у меня не было проблем с ужином после окончания церемонии. Я просто встал на мосту, поджидая, когда какая-нибудь денежная душа придёт, чтобы получить освобождение от своих грехов, накормив *садху*. Обычной пищей было молоко, пути и халва, которые продавали в любой лавке. Я обнаружил, что моих покровителей совсем нетрудно убедить, что я многообещающий святой. Некоторые были просто в отчаянии, готовые поверить во всё что угодно, что может помочь им изменить их жизнь.

В Харидваре я увидел исполнение предсказания Саи Бабы, что мы снова встретимся, и что я сам «стану Богом», когда мой покровитель приведет меня в собрание последователей Саи Бабы.

Я снова сыграл те же спектакли, которым научился в Шанти Никетане, спел «Читта Чора» и другие песни, и мой мистический канал проделывал разные фокусы с их умом.

По толпе пронесся приглушенный ропот: «Баба здесь!».

После ко мне подошёл человек со слезами на лице: «Мне не довелось побывать в Путтапартхи, но увидев вас, я почувствовал, что Путтапартхи сам пришёл ко мне». Я сказал ему, что не имею к этому месту никакого отношения.

«Да, это так, Свамиджи, потому что вы — *махатма*, всепроникающая душа. Вы находитесь в единстве со всем, включая Путтапартхи. Вы пребываете в Бабе, и Баба — в вас. Будьте с нами честны, Свамиджи. Вы — Бог. Зачем это скрывать?».

Как и в Шанти Никетане, я колебался между идеализмом и умышленным жульничеством в моих отношениях с подобными людьми. В Харидваре таких людей было множество. Моя совесть говорила мне, что, когда я был в бухгалтерии «ТВС» я мог украсть при помощи мошенничества огромные суммы, но это противоречит моим принципам. Так зачем же мне становиться обманщиком, когда я уже принял духовный путь?

Порочная часть моего ума ворчала: «Это люди хотят, чтобы их обманули. Если они не придут ко мне, то они пойдут к кому-то другому. Я хочу всего лишь заработать на жизнь, мне не нужны все их деньги. Если я смогу помочь им, увеличив их веру, то почему бы нет. В этом нет ничего плохого. Они несчастны».

Пожилая учительница, лет пятидесяти, позволила мне жить в школьном классе в течение недели, пока я находился в Харидваре.

Харидвар

Она показалась мне женщиной благочестивой и разумной, и я решился поведать ей о своей внутренней дилемме: «Всего два месяца назад я оставил работу в компании «TVS». В духовной жизни я лишь начинающий, хотя порой у меня действительно случаются спонтанные видения. Окружающие принимают их за знак моей божественности, но в действительности я никак не могу ими управлять — они приходят против моей воли. Всё моё бытие в качестве *садху* сводится к паре недель, проведённых в Ришикеше. У меня даже нет *гуру*. В сущности, я просто глупец».

Однако она возразила: «Свами Шивананда, Бхагат Сингх, Шри Ауробиндо и многие другие великие искатели шли точно таким же путём. Все они были обычными людьми, пока однажды не столкнулись с реальностью Бога. Вам просто нужно довериться божественному потоку и плыть туда, куда он вас несёт, — точь-в-точь как те горящие лампы, что пускают по водам Ганги. Поток сам приведет вас к тому, чтобы стать Богом».

Я искренне попытался найти глубокий смысл в её наставлениях. Но всего через несколько дней узнал, что эта «благочестивая» женщина состоит в тайной любовной связи с неким *гуру* из Харидвара. Не сказав ей ни слова, я навсегда покинул ту комнату и отправился в древний храм Дакшешвара Махадев в Канкале, что в четырёх километрах оттуда. Именно там мне довелось встретиться с Анандамайи Ма — знаменитой бенгальской йогини. В то время она была тяжело больна и прикована к постели; за ней с благоговением ухаживали юные ученицы.

Ей было около шестидесяти лет. С длинными распущенными волосами, облачённая в простые шафрановые одежды, она восседала на кровати, застеленной тканью того же цвета. Несмотря на телесную слабость, во второй половине дня она по-прежнему принимала посетителей. Я вошёл в комнату вместе с

парой европейцев. Непродолжительно побеседовав с йогини, они удалились, и тогда она обратила свой взор на меня.

«*Ананда хо* — да пребудет с тобой блаженство, — тихо произнесла она. — Ты счастлив?».

«Нет», — честно признался я.

«Но ведь счастье разлито повсюду. Почему же ты не счастлив?».

«Быть может, это счастье есть у вас, *матаджи*, — ответил я, — но на мою долю его пока не выпало».

Она жестом велела одной из девушек-служительниц принести мне угощение.

«Всё дело в том, — мягко продолжила она, — что ты пытаешься обрести то, что не нужно обретать. Ты скитаешься туда-сюда, всё ищешь и ищешь... Но *ананда* уже здесь. Она всегда в твоём сердце».

«Матушка, — начал я, — я начинал с *тантры*. Но это принесло мне лишь множество проблем: страшные видения и беспокойство ума. После этого я был совершенно сбит с толку. Потом я пошел к Ауробиндо...».

Она прервала меня с мягкой усмешкой: «А потом ты просто сошел с ума! Бросил хорошую работу, поехал в Тирупати, даже поднимался в Нилакантха Махадев... И так продолжается уже довольно долго. Тебя слишком интересуют *сиддхи* и мистические способности. В предыдущей жизни они у тебя действительно были, но сейчас их осталось совсем немного. Тебе нужно немедленно прекратить заниматься этой ерундой — только тогда ты найдешь свой истинный путь к *ананде*».

Шри Анандамайи Ма (1896 – 1982)

* * *

Индийская святая родом из Бенгалии. С ней связывали предвидение, исцеления и другие чудеса. Имя было дано ей её последователями в 1920 году для того, чтобы описать то, что они видели — состояние божественной радости и блаженства. В Индии многие её последователи считают её воплощением богини Дэви.

Родители принадлежали к *брахманам*, были бедны, но очень благочестивы. Отец Анандамайи Ма - Бипин Бехари Бхаттачарья - был горячим поклонником Кришны, вставал в три часа утра, чтобы петь гимны Кришне, часто в религиозном восторге уходил из дома и жене приходилось его искать и возвращать обратно. Однажды штормовой ветер сорвал крышу с их дома, но отец Анандамайи не прервал исполнение гимна Кришне и продолжал петь под заливавшим дом дождем. Мать Анандаймайи - Мокшада Сундари деви - также была религиозна, в конце жизни она стала монахиней. Дочь они называли Нирмала.

Когда Нирмала стала жить с мужем вместе, то он, к своему горю, обнаружил, что сексуальная жизнь с женой совершенно невозможна. Как только он хотел от жены исполнения супружеского долга, то она впадала в обморочное состояние, её тело искажалось и цепенело и ему приходилось читать мантры, чтобы она пришла в себя. Однажды, когда он прикоснулся к телу жены, его словно ударило током. Когда Нирмале был 21 год, у неё навсегда прекратились менструации. Нирмала не могла выполнять и работу по дому, т.к. постоянно впадала в религиозные экстазы. Мужу Нирмалы предлагали жениться снова, он отказался, т.к. надеялся, что такое состояние жены временно, но потом он понял, что такое состояние жены не прекратится никогда, т.к. его жена святая. Он стал её первым учеником в декабре 1922 года, Нирмале было тогда 26 лет.

* * *

«Матушка, пожалуйста, помогите мне избавиться от ложных представлений о духовной жизни! — взмолился я. — Выведите меня на правильный путь! Мне необходимо ваше руководство!»

Она тяжело вздохнула: «Ты говоришь это буквально каждому *йогу*, с которым встречаешься. „Руководство“... Я никем не руковожу и никого никуда не веду. Люди сами ходят за мной, но я их не веду. Они просто вбили себе в голову, что должны за кем-то следовать. А ты... ты просто ищешь того, кто бы взял тебя за руку, во всём убедил — и спас! Всё, что я могу тебе сказать: человек спасается только через чистоту. Если ты забудешь об этом и продолжишь тратить время на поиски какого-нибудь всемогущего мага, который просто положит руку тебе на голову и вмиг избавит от всех проблем, чтобы тебе самому не пришлось трудиться, — тебя просто будут обманывать снова и снова! Но в глубине души ты и сам это знаешь. Люди приходят к тебе за благословениями, и ты прекрасно понимаешь, как это глупо. Так не приходи же за этим ко мне! В любом случае, всё, что ты успел увидеть в ашрамах, вызвало у тебя лишь отвращение. *Сааф нахин хай* — здесь нет чистоты: как лидеры, так и их последователи нечисты в своих мотивах. Только аскетизм и чистота открывают путь к *ананде*. А теперь будь добр, спускайся вниз и иди поешь».

После этого я вернулся в Харидвар. Однажды, совершая омовение в Ганге, я заметил одного бабу, который стоял в воде так глубоко, что река скрывала его выше носа. Он выполнял сложнейшую технику под названием *агамаришана-джана*: когда он повторял мантру, изо рта на поверхность воды непрерывно поднимались пузыри, но его лицо оставалось полностью погруженным в воду. Он не выныривал, чтобы сделать вдох, и так продолжалось около получаса!

Когда он наконец вышел на берег, я не выдержал и спросил: «Свамиджи, какую мантру вы повторяли под водой?».

«Мантру и гуру нужно держать в строгом секрете», — сухо ответил он, вытираясь своей *гамчей*.

«Но ведь *садху* должны учить других, разве не так? Я очень хотел бы научиться выполнять *агамариана-джапу*!».

Он внимательно посмотрел на меня и сокрушенно покачал головой: «Сколько же всего ты хочешь делать одновременно? Ты уже повторяешь „Вишну-сахасра-наму“, ты делаешь *тра та ку*... И ты почему-то думаешь, что если нахватаешь ещё больше техник, то больше получишь! Но чего именно ты хочешь получить больше? Ты ведь даже сам не знаешь своей конечной цели!».

«*Бабаджи Махараджа*, мне нужен гуру. Почему бы вам не стать моим гуру? Похоже, вы знаете меня вдоль и поперёк».

«Это ещё одна твоя проблема. Ты почему-то думаешь, что если я или кто-то другой способен что-то в тебе разглядеть, то мы непременно должны стать для тебя гуру. Тебя постоянно привлекает нереальное. Тебе нужно немедленно прекратить всю эту ерунду и сосредоточиться на истине. Истинная *мантра* — это „*Бхагавад-гита*“, если ты вообще способен понять её и следовать ей».

«Но я же не могу довольствоваться только этим!».

«Эх! Ты что, думаешь, я от большого удовольствия стою здесь под водой, повторяя свою *мантру*? Если бы я уже достиг полного удовлетворения, я бы этим не занимался».

В этот момент мой внутренний мистический канал снова загудел. Внезапно для самого себя я выпалил: «*Свамиджи*, вы повторяете *Маха-мритъюнджая-мантру*!».

Садху готовящийся к практике

«Вот видишь? — усмехнулся он. — Теперь ты делаешь то же самое со мной. Поэтому нет абсолютно ничего замечательного в том, чтобы подглядывать в чужой ум».

«Я только что пришел от Анандамайи Ма. Вы сейчас говорите мне точь-в-точь то же самое, что сказала она».

Он впервые по-настоящему улыбнулся мне: «Мы здесь все на одной волне. Наши умы общаются на уровне, который находится за пределами грубых чувств — это чем-то напоминает радиосвязь. Некоторые из нас более могущественны: они генерируют сигналы, как мощные радиопередатчики. А все остальные их принимают. Мы все получаем одни и те же сообщения. Но эти сообщения, которые мы посылаем и принимаем, — не наши собственные. Они приходят свыше. А ты... ты всего лишь назойливая муха, жужжащая и прыгающая между нами. Ты бродишь вокруг, здесь урвешь какой-то опыт, там поймашь интуитивную вспышку, но существует строгий предел твоего участия в нашей сети. Только искаженные сигналы исходят из твоей головы и попадают обратно в неё — это предел того, что ты способен уловить. Ты просто не предназначен для таких игр. Ты должен как можно скорее избавиться от этого. Иначе ты окончательно потеряешь свой разум, отдав его каким-то более мощным силам, и превратишься в их безвольный динамик. Над всеми теми, кого ты здесь видел, неважно, насколько великими они кажутся, всегда есть Некто высший, от Кого они получают свои силы, и именно Он управляет всем ЭТИМ».

«Но как же я смогу увидеть истину, если вокруг всё устроено именно так?».

«Ну, я всего лишь рассказываю тебе, что здесь происходит на самом деле. Будь крайне осторожен, выбирая того, за кем следовать. Помни: этот мир полным-полно дураков, а дураки

всегда следуют за дураками. Глупый *гуру* неизбежно будет популярен — просто потому, что в этом мире есть целая толпа глупцов, готовых набиться к нему в ученики. А у мудреца учениками будут только мудрецы, потому что лишь мудрый человек захочет пойти за ним. Но истинного мудреца найти очень сложно».

Я прикоснулся к его стопам, и он благословил меня, после чего развернулся и ушёл. Я вернулся в Ришикеш и направился в Шринивас Мандир — филиал знаменитого храма в Тирупати. Рядом с ним находится Андхра Ашрам, где паломников сытно кормят *прасадом*. Там я увидел *садху* с обритой головой, тело которого украшали двенадцать знаков *тилаки* Шри-вайшнавов. Большинство *садху* в Ришикеше носят густые бороды и спутанные длинные волосы, и если у них вообще есть *тилака*, то это три горизонтальные линии Шивы. Этот же монах был родом из Южной Индии, поэтому мы сразу заговорили с ним на родном тамильском.

Я признался ему: «Я глубоко разочарован тем, что Ришикеш оказался таким бесполезным местом для духовной жизни. Я ехал сюда, рассчитывая увидеть великих *садху*, но большая часть тех, кого я здесь встретил, занимаются обыкновенной коммерцией. А те немногие великие *йоги*, которые мне попадались, наотрез отказывались чем-либо делиться».

Он спокойно ответил: «Ты немного потерял. Даже если какой-нибудь суровый *йог* и примет тебя в ученики, всё, чему он в итоге сможет тебя научить, сведётся к формуле: „Ты сам и есть истина“».

«Что вы имеете в виду?».

«Несмотря на то, что вокруг существуют самые разные практики и направления *йоги*, философия у них всех одна и та же:

„Каждый является Богом, и нужно просто осознать себя, чтобы стать сознающим Бога“. В своё время Шри Рамануджачарья пришёл именно для того, чтобы опровергнуть эту ложную идею. Он в одиночку бросил вызов всем, потому что тогда вся Индия слепо верила, что человек — это Бог. Даже родной брат Рамануджи, Говинда, был точно таким же *йогом*, как те, кого ты встречаешь здесь сегодня. Он тоже искренне верил, что сам станет Шивой. Но Рамануджа сумел вывести Говинду и многих других на истинный путь. Он проповедовал то же самое, о чём за много веков до него говорили святые *альвары*. А ведь *альвары* были величайшими *йогами*! Они обладали истинными мистическими силами, а не какими-то дешёвыми фокусами, и их окончательный вывод звучал так:

канду конден нарайана йеннум намам

„В конечном итоге я открыл, что святое имя Нараяны (Вишну) является Высшей Истиной“. Они довели *йогу* до абсолютного предела и осознали, что без *бхакти*, без чистой преданности Богу, невозможно обрести удовлетворение исключительно в самом себе. Вот и ты сейчас точно так же не удовлетворен самим собой. Именно поэтому ты ищешь кого-то высшего, кому ты мог бы посвятить свою жизнь, кому мог бы служить и у кого мог бы принять истинное прибежище».

Я был вынужден признать, что он абсолютно прав. До этой встречи я всегда чувствовал какое-то внутреннее отчуждение от доктрины Шри-вайшнавов: она казалась мне слишком узкой и ограниченной. Но сейчас я почти три часа затаив дыхание слушал этого *садху* и наконец смог по достоинству оценить глубину его слов. Вайшnavы действительно понимают самые сокровенные потребности души! Я спросил его: «Но как вы сами оказались здесь? Шри-вайшnavы традиционно живут на юге. Ни в Ришикеше, ни в Харидваре я до сих пор не встретил ни одного *садху*, который бы следовал вашей традиции».

Город Ришикеш, район Лакшман-джула.

Брахман из Южной Индии

«Я пришёл сюда ради уединения. Я не общаюсь с *йогами*. Я живу здесь, в Андхра Ашраме. Я изучаю книги Рамануджи и поклоняюсь Кришне, предлагая воду Ганги. Иногда я читаю лекции».

Тогда я решил спросить о том, что всегда беспокоило меня у вайшнавов: «Почему вы критикуете других? Существует много путей. Я думаю, человек должен найти свой собственный путь к истине. Если каждый учитель будет критиковать других учителей и говорить, что правильный путь только у него, думаю, люди потеряют веру и просто прекратят свои поиски».

«Но это не критика», — сказал он, — «ты согласен, что ты запутался, встречаясь с таким количеством учителей. Я скажу тебе, почему ты запутался. Даже они говорят тебе, что чтобы развиваться, ты должен сосредоточиться на одном-единственном пути. Но ты не можешь найти путь. Рамануджа пришёл, чтобы показать это. Путь — служение Господу Вишну, который пребывает в твоём сердце вместе с тобой, душой. Даже йоги говорили тебе, что *ананда* находится в сердце. Но они не указывают путь к этой *ананде*. Они просто навели тебя на мысль, что нет пути к истине, что истина — это ты сам. И ты запутался. Ты не знаешь, что делать».

Мне осталось только удивляться, почему же, если этот *садху*-вайшнав обладал этим высшим знанием, он изолировал себя. Мне казалось, что истинное совершенство в духовном знании даст человеку убеждённость повсюду обсуждать философию с каждым. Но он отрезал себя даже от таких же, как он, вайшнавов.

Глава 11. Вниз с гор, без мудрости

В сентябре 1974 года я переехал в Девпраяг, расположенный в семидесяти двух километрах к северу от Ришикеша. Это древнее селение брахманов прилепилось к самому берегу реки, куда стекались бурные потоки Бхагиратхи и Алакананды. Именно там, где они сливаются воедино, река получает свое священное имя — Ганга. В этих туманных предгорьях Гималаев я наконец нашел тот тихий, умиротворенный рай, который тщетно искал в суетливых Ришикеше и Харидваре.

Я поселился в пещере прямо у слияния рек. В первую же неделю я подружился с директором местной старшей школы, профессором Бхагватом Прасадом Кхотвалой. Этот культурный и невероятно гостеприимный джентльмен был всей душой предан *садху-севе* (служению святым людям). Доктор Кхотвала позаботился о том, чтобы в Девпраяге я точно не остался голодным, и на следующие пять месяцев это место стало моей надежной базой.

Я часто гулял с доктором Кхотвалой, его другом-астрологом мистером Джоши и другими интеллигентными жителями Девпраяга. Однажды во время прогулки к нашей компании присоединился большой черный пес. Мои спутники очень дружелюбно отнеслись к собаке, а доктор Кхотвала даже покормил её *бадамом* (жареным арахисом). Я заметил, что остальные собаки, которых я видел на улицах Девпраяга, были тощими, шелудивыми и брошенными.

Доктор Кхотвала тепло улыбнулся и объяснил: «Но эта собака — *садху*, а мы — *садху-севаки*». Все весело рассмеялись, и я подумал, что это просто удачная шутка.

На следующий день доктор Кхотвала взял меня с собой, чтобы навестить одного *йога-бабу*, который жил на берегу Бхагиратхи. Мы с трудом спускались по скользкой насыпи, то и дело спотыкаясь и пробираясь сквозь густой кустарник к жилищу

йога, которое представляло собой вырытую в земле нору, надежно скрытую в тени зарослей. Он вышел поздороваться с нами с широкой, радушной улыбкой. Как я и ожидал, на нем была лишь простая набедренная повязка, а волосы спутались в колтуны, однако вместо того, чтобы выглядеть истощенным от суровых аскез, этот *йог* оказался плотным и мускулистым, словно атлет. Кхотвала почтителен прикоснулся к его стопам, я предложил *пранаму*, и спутник представил меня как «*Мадраси-бабу*» (южноиндийского *бабу*).

«Ну, Мадраси-баба, — с интересом начал *йог*, — почему ты пришёл сюда? Почему ты не пошел в *ашрам* Шивананды?»

«Я там был, это бесполезно».

Он рассмеялся и пригласил меня зайти в свою берлогу. Кхотвала вежливо извинился и ушёл. Места внутри едва хватало, чтобы мы вдвоем смогли сесть на корточки, но я заметил, что эта земляная нора по крайней мере служила надежным убежищем от дождя. Всё имущество отшельника состояло из спального мешка, сумки для одежды и латунной *камандалу* (традиционного сосуда *садху* для воды).

«Итак, *ашрам* Шивананды ты счел бесполезным», — дружелюбным тоном продолжил он, когда мы уселись.

«Да, это бесполезно. И ты тоже бесполезен, по крайней мере в том, что касается *йоги*. У тебя нет тела *йога*, я вижу это сразу. Поэтому подобные тебе люди и говорят, что всего нужно достигать в уме. Но при помощи одного лишь ума ты никогда не сможешь ни насладиться этим миром, ни освободиться от него. Всё, на что ты способен, — это гонять свои собственные мысли или пережевывать мысли других. Но размышления — это просто размышления! *Свами* в Ришикеше думают: „Я — *Брахман*“, но стоит только наступить холодам, как их здоровье рушится, и

ученики везут их в больницу. Они искренне верят, что уже освобождены в этой жизни, но при этом даже не способны должным образом поддерживать собственное тело! Как же тогда они могут достичь освобождения, которое выше физической оболочки? Если они не в состоянии сделать малое, как они справятся с большим? Они сидят и думают: „Я повсюду, и всё во мне“. Но на самом деле всё, что в них есть, — это лишь три доши: *капха*, *питта* и *ваю* (слизь, желчь и воздух)».

Я спросил, какова его собственная *садхана*.

«Я повторяю имя Рамы сто тысяч раз в день. Раньше я также выполнял полную программу *йоги*, но перестал этим заниматься, потому что так и не смог найти ученика, способного освоить её в полной мере. Я с раннего детства обучался *йоге* у своего отца, который был великим учителем системы *Патанджали*. Но *йога* имеет смысл только для сильных духом людей, решившихся навсегда разорвать связь с миром чувств. Я не встретил ни одного человека, достаточно сильного или отреченного, чтобы этому научиться. В наше время это непрактично. Поэтому сейчас я сосредоточился исключительно на *Рама-наме*. Об этом мне тоже говорил отец: он утверждал, что это всё, что действительно необходимо. Неважно, при помощи *йоги* или при помощи *мантры*, но человек обязан выйти за пределы ума. А это бесконечное думание, думание, думание — совершенно бесполезно».

«*Свамиджи*, вы такой плотный и сильный. Где вы берете пищу?».

«Собаки ведь тоже едят», — весело ответил он.

«Но вы же не ходите в город собирать *бхикишу*, да и сюда никто не приходит, чтобы принести вам еды».

«Посмотри вон туда», — он указал рукой в сторону ближайшего дерева.

Присмотревшись к подлеску, я увидел ту самую большую черную собаку, которую встретил вчера во время прогулки; она безмятежно спала в тени.

«Ты ешь через рот своего собственного тела, — спокойно продолжил он. — А я ем через рот тела этой собаки».

Я поражённо вспомнил про Бала-йога и его кобру.

«Да, он делает то же самое. Существует мистический метод получения энергии от физических тел домашних животных. Освоив его, больше не нужно тратить драгоценное время на заботы о собственном желудке. В этом нет ничего особенного. Все индусы предлагают пищу своим усопшим родственникам, скармливая её птицам. Задумывался ли ты когда-нибудь, что это означает на самом деле? Эти умершие родственники действительно едят через птиц посредством тонкой мистической связи. Миллионы индусов просто верят в это, но лишь немногие *йоги* знают подлинную науку, стоящую за этим процессом. Эта энергия приходит с *Питрилоки* (планеты предков). Но такие люди, как ты, вынуждены искать пропитание на *Садхулоке* (в человеческом обществе)».

Я рассказал ему о *йоге*, которого встретил возле храма Нилакантха Махадев, и о его совете отправиться в Бадринатх в поисках блаженства.

«Да, обязательно сходи туда. Если ты это сделаешь, то больше никогда в жизни не захочешь туда возвращаться!» — громко рассмеялся он.

«Свамиджи, а вы сами достигли блаженства?» — спросил я.

«Я просто сижу здесь, повторяю имя Рамы и смотрю на реку. Я считаю дни до своего ухода из этого мира, вот и всё. А в блаженство меня заберет мать Ганга».

В конце сентября я примкнул к военному патрулю, направлявшемуся в Бадринатх в Верхних Гималаях. Паломников там уже почти не осталось, сезон завершился, окружающие вершины побелели от свежего снега, и стоял жуткий холод. Солнце выглядывало из-за курящихся дымкой гор только к одиннадцати часам утра, а уже в половине третьего полностью исчезало из вида.

Бадринатх — одно из древнейших и самых священных мест индуизма; он отмечает собой порог Бадарикашрама — загадочной обители, расположенной где-то в холодных высокогорных пустынях, за пределами восприятия обычных живых существ. Семьсот лет назад великий ученый и философ-вайшнав Мадхвачарья оставил своих учеников в Бадринатхе и в одиночку вошел в эту запретную область. Спустя много дней он вернулся с комментариями на «Бхагавад-гиту», которые написал после личной беседы с великим мудрецом Вьясадевой — составителем ведических писаний, удалившимся в Бадарикашрам пять тысяч лет назад. Мадхва также удостоился встречи с Нарой и Нараяной Риши — двумя извечными учителями йоги и отречения. Именно они дали ему наставление написать комментарий к «Шримад-Бхагаватам». Но за исключением таких чистых душ, как Мадхва, Бадарикашрам остаётся недоступным для смертных. Паломники, которые сегодня приходят лишь в храм Бадринатха, поклоняются Наре-Нараяне Риши и Вьясе в их формах *Вишну-мурти*.

Посетив храм, я отправился дальше по горной дороге, размышляя, где бы мне остановиться на ночлег. Я был зверски голоден и промерз до самых костей. Вскоре впереди показался маленький каменный домик.

Главный храм в г. Бадринах.

Бадринах, городок на высоте 3415 м. Место, где были записаны Веды.

Дымок, выходящий из трубы, и манящий запах еды заставили меня подойти ближе. На мой стук дверь открыла пожилая женщина-*брахман*; она приветливо пригласила меня войти и усадила на соломенный коврик. Уже через пять минут я с удовольствием ел горячую еду, приготовленную в лучших южноиндийских традициях: свежие *досы* и кокосовое *чатни*.

Проглатывая кусок за куском, я пытался объяснить ей, что я путник и ищу ночлег, но она лишь подкладывала на мою тарелку очередную *досу* и приговаривала: «Ешь. Это всё, что тебе сейчас нужно. Не надо рассказывать мне про свои медитации, духовные поиски и всю эту заумь. Всё самое важное для тебя сейчас лежит на твоей тарелке. Не дай еде остыть!».

Досыта накормив меня, она поела сама. Затем хозяйка вымыла посуду, подбросила угля в печку, чтобы согреть комнату, и заботливо укрыла меня лоскутным одеялом. Наконец она присела рядом и спросила: «Ну а теперь рассказывай, что ты забыл здесь, на такой высоте?».

«По правде говоря, прямо сейчас я ищу место, где можно переночевать, — признался я. — А вообще я ищу *гуру*, который научил бы меня истинной *садхане*».

«Откуда ты?».

«Из Тамил Наду», — ответил я ей.

Мы говорили на хинди, но когда она услышала это, то засмеялась и перешла на тамильский — очевидно, её родной язык: «*Ада нави!* Ты глупый парень! Весь этот путь, который ты прошел, просто напрасная потеря времени. Что за дурак сказал тебе, что здесь есть *гуру*?».

«Но, матушка, а Вы почему здесь?».

«Точно не ради *садханы*, уж поверь мне, — усмехнулась она. — Я приехала сюда двадцать шесть лет назад только ради того, чтобы сбежать от семьи в Мадрасе. Я продала своё имущество, купила этот дом за бесценок, а остальные деньги положила в банк. На них я и буду жить до самого конца. Я открыла тебе правду о себе, а это куда больше того, что ты услышишь от местных *садху*. Они здесь тоже по своим причинам, и отнюдь не ради аскезы. Выше по дороге живёт голый *баба*, который когда-то приехал с группой туристов из Гуджарата. Другой аскет его попросту обокрал, оставив без гроша и даже без одежды. Военным стало его жалко: они провели в его хижину электричество от своего поста и регулярно подкармливают его орехами кешью. И вот он сидит там в чём мать родила. Паломники смотрят и восхищаются: „Какой великий йог! Сидит голым в самих Гималаях!“ Им невдомёк, что за спиной у него спрятан мощный электрообогреватель, а под рукой стоит полная жестянка кешью».

«Но, матушка! — возмутился я. — Здесь же живёт Шанкарачарья из Джьоти-матха! Ты же не станешь утверждать, что и он здесь не ради духовной практики?».

«Прекрасно, — спокойно ответила она. — Но если бы они назначили Шанкарачарьей меня, я бы справлялась с этой ролью ничуть не хуже. Ты просто садишься на трон, и автоматически становишься *гуру* для тысяч людей. Они приходят, падают ниц к твоим стопам... Я тоже могла бы сидеть на возвышении и раздавать благословения, почему бы и нет? Шанкарачарья учит, что всё едино, а значит, и я — то же самое, что и он. Вот только я слишком занята домашним хозяйством».

«Ма, я хочу освоить особые аскетические практики, высший *тапас*, и обрести истинное знание о Боге! Я ищу настоящих *садху* — тех, кто действительно живёт духовным поиском».

«Посмотри на себя, мальчик, ты же весь дрожишь, — с жалостью вздохнула она. — Тебе холодно даже под двумя одеялами. Какой ещё *танас* ты собрался совершать? Те немногие аскеты, которых ты ещё можешь здесь встретить, выживают только за счёт горячих источников, а не благодаря своей *садхане*. Не будь здесь тепла, разве они бы остались? Сейчас в горах так холодно, что без тёплой одежды ты не протянешь на улице и часа. Мне шестьдесят лет, половину жизни я провела в этих местах, но так и не встретила никого похожих на тех святых, о которых ты грезишь».

Не видя больше смысла оставаться в горах, на следующий день я поймал попутную военную машину и вернулся в Девапраяг. Там я начал читать лекции в школе доктора Кхотвала и вскоре приобрёл множество поклонников среди местной молодёжи. И хотя я с удовольствием купался в лучах их восхищения, в глубине души меня не покидало чувство, что я — обыкновенный самозванец. В феврале 1975 года меня пригласили выступить в школе для девочек в Руркии, и я воспользовался этим шансом, чтобы вновь покинуть горы.

Из Руркии я отправился в Курукшетру, вспомнив слова Мунишананды о том, что именно там я найду искомое. Но к тому моменту я уже потерял всякую надежду. Мои возвышенные духовные устремления окончательно выродились в эгоистичный цинизм. В городе я познакомился с тридцатилетним профессором Университета Курукшетры. Он был родом из Кералы и мгновенно проникся ко мне симпатией, едва я заговорил с ним на родном для него малаялам. Я описал ему свои странствия в изысканном научно-философском стиле. Профессор был совершенно очарован — ему ещё никогда не доводилось встречать столь эрудированного и обаятельного *садху*. Он стал настойчиво уговаривать меня провести лекцию по йоге для его студентов.

Я презрительно фыркнул: «Йога? Йога означает просто сон. Это попытка осознать Бога с помощью сна, при том что Сам Бог тоже крепко спит».

Это парадоксальное заявление лишь подогрело его интерес: «Тогда научите нас этому!»

«Что ж, профессор-джи, если вы действительно этого хотите — вы это получите».

В аудитории собралось около тридцати студентов.

«Я слышал, вас интересует йога, — начал я. — Я не стану утомлять вас сухой теорией. Вместо этого я предлагаю вам принять участие в практической демонстрации и на собственном опыте пережить, что такое истинная йога».

Я велел всем лечь на пол. Профессор вместе со студентами сдвинули парты и стулья к задней стене аудитории, освободив место, после чего послушно улеглись на спины. «Сосредоточьте мысленный взор на кончиках пальцев рук и ног, — произнёс я глубоким, гипнотическим голосом. — Медленно перемещайте внимание к запястьям и лодыжкам... теперь к локтям и коленям, продвигаясь вглубь тела. По мере того как ваш мысленный взор движется внутрь, пусть он вбирает в себя всё напряжение из каждой мышцы, оставляя тело полностью расслабленным. Погружайтесь глубже, пока не сосредоточитесь на области желудка. Сейчас для вас существует только он. Всё ваше напряжение собралось там, а остальное тело плавает в океане безмятежности и покоя. Теперь перенесите концентрацию на пупок. И мягко выплывайте из него наружу... Вы парите над собственным телом. Вы поднимаетесь всё выше и выше... А теперь взгляните вниз. Посмотрите на свою плоть и на другие тела вокруг — и осознайте полную отстранённость от этой материальной оболочки».

Поддерживая этот медленный, усыпляющий ритм, я начал напевать стихи из *Йога-сутр*. Вскоре вся аудитория погрузилась в глубокий сон, а некоторые студенты даже откровенно захрапели. Я бесшумно выскользнул за дверь.

Позже днём я заглянул в кабинет профессора, чтобы получить гонорар за свою «лекцию».

«Это было просто поразительно! — восхищался он, отсчитывая купюры. — Свамиджи, вы обладаете колоссальной силой! Вы способны стать новым Вивеканандой!».

Я молча завязал деньги в складки своей одежды, благословил его жестом *абхая-мудры* и удалился.

Я направился к Джьоти-сар — священному пруду, на берегу которого Шри Кришна когда-то поведал Арджуне *Бхагавад-гиту*. Опустившись на каменные ступени, уходящие в тёмную воду, я стал смотреть на своё отражение, слегка подрагивавшее на ряби.

«Кришна, — вслух взмолился я, — чего Ты от меня хочешь? Ты не сделал меня ни святым преданным, ни демоном. Я никогда сознательно не стремился творить зло. В Салеме я пал жертвой собственных неконтролируемых чувств, я проявил слабость... Но я не плохой человек! Я просто запутался и не знаю, как мне быть дальше. Прошу Тебя, дай мне хоть какой-то знак! В каком направлении мне идти?».

Я прочитал одиннадцатую главу *Бхагавад-гиты*, прочёл «Тысячу имён Вишну» и спел все известные мне бхаджаны, прославляющие Кришну. После этого я совершил благоговейный обход вокруг пруда. Почти впад в транс, я немигая смотрел на солнечные блики, беззвучно танцующие на тёмно-синей глади воды.

Город Курукшетра, озеро Брахма-Саровар

*Город Курукшетра, пруд Джоти Сар,
место где Кришной была поведена Арджуне «Бхагават-Гита».*

Каждая светящаяся капля казалась мне крошечной, совершенной вселенной, мерцающей на поверхности вечности. И в каждой из этих бесчисленных вселенных я видел самого себя — вечного искателя. Но что именно я ищу?

После разочарований в горах я окончательно убедился, что попытки найти «Бога в самом себе» — это пустая трата времени и гордыня. Но в чём же тогда заключался смысл моей нынешней жизни бродячего *садху*?

Профессор сказал, что я могу быть кем только захочу. Но в сердце я был уверен, что не хочу быть обманщиком. Хотя большинство людей хотят, чтобы *садху* обманывали их, изображая Бога. Я знал все навыки обманщика — но моё сердце не хотело этого. В мире обманщиков и обманутых было не больше смысла, чем в дрожащем мерцании воды Джьоти Сара.

Тяжело вздохнув, я повернулся и побрел прочь от священной воды. Всего в нескольких шагах от Джьоти-сара стоял газетный киоск, за которым сидел небритый, придурковатого вида человек, облачённый в одеяния *санньяси*. Заметив меня, он протянул мне журнал «Голос земли».

Я небрежно перелистал страницы и наткнулся на статью с броским заголовком: «Не совершайте паломничеств, не ищите Бога». Указав пальцем на эти строчки, я спросил *санньяси*: «Что же в таком случае делать искателям истины?».

Его пресная, заискивающая ухмылка обнажила полный рот редких, пятнистых и гнилых зубов. «Здесь имеется в виду, что если ты сам — Бог, — проворчал он, — зачем искать Его где-то на стороне? Ты уже и есть Тот, кого ты ищешь».

Я больше не мог сдерживать раздражение.

«Почти девять месяцев назад, — чеканя каждое слово, начал я, — я оставил престижную работу в Южной Индии и отправился на поиски Бога, потому что был глубоко несчастен. Я принял скитальческий образ жизни бродячего *садху*. Я беседовал с десятками *гуру* и так называемых святых. И почти все они твердили мне то же самое, что сейчас повторяешь ты: „Ты и есть Тот, кого ты ищешь, ты — Бог“. Но я по-прежнему страдаю!». Долго сдерживаемое разочарование прорвалось наружу, обрушившись на этого ряженого в оранжевые одежды болвана: «Если я — Бог, значит, Бог несчастен! И это всё, что мне нужно осознать? Ты предлагаешь мне смириться с этим и радоваться?!».

Я с презрением швырнул журнал обратно на стопку: «И это твой совет всем паломникам, которые преодолели тысячи километров, чтобы почтить Шри Кришну? Зачем вообще приезжать сюда, если можно просто сидеть дома и твердить: „Я и есть Бог“?».

Испуганно хлопая глазами, киоскер покосился на меня; его дряблые щёки задрожали. Наконец он выпалил: «А ты хоть знаешь, кто произнёс эти слова, которые ты только что прочёл?! Сам Вивекананда!».

«Вивекананда или твой дедушка — без разницы, он мошенник! А ты торгуешь этой макулатурой прямо здесь, на святой земле, где была поведена "Бхагавад-гита"! Было бы у тебя хоть немного разума, ты понял бы, насколько ты безумен!».

«Послушай, зачем ты меня оскорбляешь? — жалобно проскулил он. — Не нравится журнал — просто иди своей дорогой». Оборвав его очередной хлесткой тирадой, я продолжал выплескивать на него всю накопившуюся ярость — ярость на всё, что он собой олицетворял: на эту бесплодную философию и на мои собственные бесплодные попытки стать Богом.

Вивекананда. (1863 - 1902)

Индийский философ Веданты и йоги, общественный деятель, ученик Рамакришны и основатель Ордена Рамакришны (Рамакришна Матх) и Миссии Рамакришны. Он заявлял, что он получил одну важную идею от Рамакришны — ту, что «*Джива есть Шива*» (каждая личность является божественной сама по себе. Эта идея стала его мантрой, и он создал понятие «*даридра нараяна сева*» — служение Богу, видя Его присутствие в бедных людях.

Вокруг нас успела собраться небольшая толпа зевак, с недоумением наблюдавшая за этой бурной сценой. Прежде чем развернуться и уйти, я обвел их взглядом, указал на съёжившегося киоскера и громко произнёс: «Этот человек утверждает, что я — Бог. Что ж, я дарую ему Свою милость!».

Покинув Курукшетру, я направился в Калку с намерением подняться оттуда в Шимлу и вновь затеряться в Гималаях. Хотя в глубине души я уже не видел ни малейшего шанса обрести покой в этой бродячей жизни, я просто не знал, куда ещё идти и что делать дальше.

Я шёл по трассе, ведущей из Калки в Шимлу. У самой окраины города, рядом с железнодорожной развязкой, моё внимание привлёк небольшой квадратный домик с выбеленными стенами. Над ним, на высокой мачте, развевался на ветру тёмно-бордовый треугольный флаг.

Этот флаг говорил о том, что хижина была ашрамом. Быть может, это и есть тот самый знак, о котором я молился? Любопытство заставило меня свернуть с дороги и пройти по железнодорожным путям метров триста, пока я не оказался у самых дверей обители.

Внутри, на земляном полу перед *хома-кундой* — квадратным углублением, где горел священный жертвенный огонь, — сидел *садху-баба*. У него были спутанные волосы и длинная борода, а облачён он был в одеяния цвета красного вина. На шее аскета висели массивные шершавые чётки из *рудракиши*, связки *навитр* — гирлянд из красных и жёлтых шёлковых нитей, а также необычное ожерелье из соединённых между собой тончайших, как бумага, дюймовых медных пластин, на каждой из которых был выгравирован сакральный узор *янтры*. Воспевая мантры богине Девы, он непрерывно лил *гхи* из медного сосуда в ревущее пламя.

Алтарь располагался у стены напротив *садху*. На нём стояло небольшое чёрное *мурти* богини Кали с тремя глазами и кроваво-красным языком, свисающим на грудь. Я тихо сел у входа и стал наблюдать за ритуалом. Закончив подношение огню, он кивнул в мою сторону и спросил: «Ты знаешь какие-нибудь молитвы?»

В ответ я прочёл наизусть пятьдесят стихов из «Лалита-сахасранамы» — гимну, воспевающего тысячу имён Девы. Затем перешёл к стихам, прославляющим Дургу, сложенным Ади Шанкарой, которые я пропел на красивую, мелодичную интонацию. Когда я закончил, *бабаджи* довольной улыбкой выразил своё одобрение и благословил меня. Затем он поинтересовался: «Какова твоя *садхана*?».

Я кивнул в сторону железнодорожного полотна за дверью и отшутился: «До сих пор сигнала не было. Стрелочник ко мне ещё не пришёл. Я стою на запасном пути и жду знака, чтобы начать движение».

Он рассмеялся, но затем внезапно стал серьёзным. Довольно долго он молча смотрел на меня, и его глаза блестели в отблесках огня. Наконец он произнёс: «Я — стрелочник. Оставайся со мной».

«Ну, вообще-то я шёл в Шимлу», — растерялся я.

«А что ты найдёшь в этом месте? Там только христиане да Теософское общество. Шактам там делать нечего».

«Но я, признаться, и не *шакта*, — ответил я. — Я изучал этот путь, но не задержался на нём. Я практиковал *тантру*, *пранаяму*, *йогу* и многое другое, но так и не нашёл того, что искал».

«Это потому, что никто не направил тебя на верный путь, — уверенно сказал он. — Оставайся здесь. Посмотри вокруг: здесь

нет никого, кто мог бы отвлечь. Мой ашрам стоит на отшибе, и ко мне не ходят посетители. Никаких беспокойств, если не считать редких поездов. Ты можешь свободно заниматься своей *йогой*, повторять свои мантры — всё, что пожелаешь. Я лишь добавлю к твоей практике несколько недостающих штрихов».

Несколько минут он молча и пристально смотрел на *мурти* богини Кали. Затем со вздохом перевёл взгляд на меня и мягко произнёс: «Она тебя примет».

Я был глубоко тронут. С тех самых пор, как я покинул Южную Индию, мне ещё ни разу не встречался *садху*, который проявил бы ко мне искренний, личный интерес. Я задумался: не была ли наша встреча предопределена свыше? Он с таким спокойствием и уверенностью сказал, что Кали примет меня, что мне захотелось узнать, насколько глубоко его знание как о ней, так и обо мне. Вдруг — хотя бы в качестве робкого предположения — он и есть тот самый *гуру*, о встрече с которым я так горячо молился в глубине сердца?

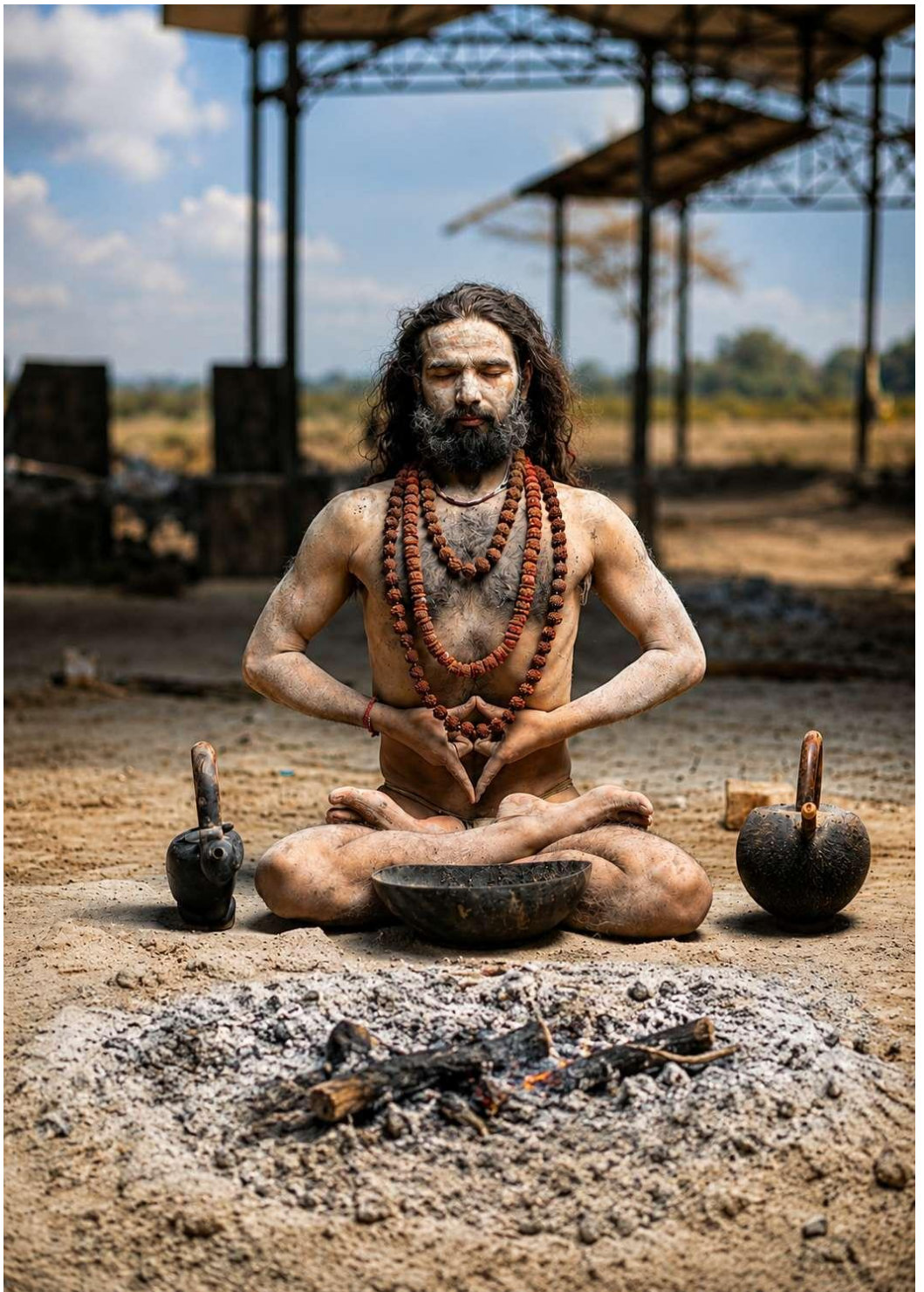
«Я с радостью остался бы с тобой, — ответил я, — но прежде мне хотелось бы получить знак от *Ма*».

«Тогда отправляйся в храм Дурги в Калке, — сказал он. — Предстань перед божеством и испроси её благословения. А после возвращайся сюда и скажи мне, каково твоё решение».

Я предложил *пранамы* и пошел обратно в Калку. В храме я спросил *пуджари*, можно ли мне провести *прашну* — традиционную практику получения ответов от Божества. Он протянул мне два цветка: красный и жёлтый. Я почтительно прикоснулся к ним и вернул священнику. Он возложил их к стопам *мурти* и велел мне встать перед алтарём, сосредоточившись на своём вопросе. Если упадет жёлтый цветок — ответ утвердительный, если красный — отрицательный.

Богиня Кали

Тантрик

Сложив ладони перед грудью так, чтобы кончики пальцев касались подбородка, я немигая смотрел на лик богини Дурги и мысленно вопрошал: «Остаться ли мне с *шакта-бабой*?».

Спустя две или три минуты с алтаря упал красный цветок. Я почувствовал укол разочарования. Однако, выйдя из храма, я попытался себя подбодрить: «Что ж, я могу проверить истинность *прашины* на практике, если всё равно останусь с *бабой*, — подумал я. — Посмотрим, правду ли сказало гадание. К тому же у меня нет ни единой причины идти куда-то ещё, а *прашина* всё равно не предложила мне никакого альтернативного пути».

Я вернулся в ашрам и объявил *бабаджи*, что остаюсь с ним. Первые три дня прошли без каких-либо особых происшествий. По утрам я повторял «Вишну-сахасранаму», выполнял *пранаяму* и практиковал медитацию *тратаку*. Я пел молитвы, пока он проводил свои огненные ритуалы *хома* для богини Кали, и помогал по хозяйству, выполняя простую работу вроде сбора дров. И хотя *бабаджи* не давал мне прямых наставлений, каких я ожидал бы от *гуру*, я чувствовал, что у него есть на мой счёт какой-то особый замысел. Я терпеливо ждал, что будет дальше.

Трижды в день он уходил из ашрама с подносом для *пуджи*, на котором лежали благовония, цветы и чаша с *синдуrom*, и возвращался примерно через полчаса. Утром второго дня он взял меня с собой. Мы шли вдоль железнодорожного полотна в сторону Калки, затем пересекли трассу на Шимлу и прошли ещё несколько минут, пока не оказались у песчано-каменистого холма недалеко от путей. *Бабаджи* повёл меня вверх по узкой тропе. На вершине он указал мне на скалу, густо покрытую киноварно-красным *синдуrom*, где, по его словам, пролились капли крови Девы.

В Пуранах повествуется о том, как богиня в своём воплощении Сати предала себя огню, когда её отец Дакша нанёс

смертельное оскорбление её супругу Шиве. Обезумев от горя, Шива танцевал на небесах, держа на руках её мёртвое тело; оно распалось на части, которые упали на землю. В Индии существует сто восемь главных святилищ богини — *деви-питх*, — и считается, что все они возведены именно в тех местах, где коснулись земли священные останки Сати.

«Большинство людей даже не догадывается, что эта скала — тоже *питха*, — тайнственно поведал мне *бабаджи*. — Богиня открыла это место только мне. Здесь сосредоточена огромная сила».

Он произнёс это с такой непоколебимой убеждённости, что я тотчас поверил ему и почтительно поклонился кроваво-красному камню. Он провёл краткую *пуджу* святыне, после чего мы вернулись в обитель. На четвёртый день наступила *амавасья* — новолуние, самая тёмная ночь лунного цикла.

Утром, перед тем как отправиться к святилищу на холме, *бабаджи* предупредил меня, что пойдёт в город, чтобы принести всё необходимое для особого ночного таинства. Он также строго наказал мне ничего не есть в течение всего дня.

Пока он ходил, я тщательно прибрал ашрам. *Бабаджи* вернулся лишь спустя несколько часов с увесистой сумкой на плече. Совершив ритуальное омовение, он приступил к *хоме*, однако на сей раз обряд отличался от привычного. Из металлического ящика он извлёк *паранг* — широкий боевой тесак вроде тех, что традиционно изображают в руках богини Кали, — и благоговейно положил его в углубление *кунды* перед тем, как развести огонь. Завершив огненное жертвоприношение, он приготовил восемнадцать видов подношений из принесённых им продуктов: дутого риса, свежих фруктов, леденцового сахара, рисовых хлопьев и прочих даров. *Бабаджи* объявил, что мы будем проводить церемонию в *питхе* всю ночь, и я должен

оставаться там с сумерек до самого рассвета. Я был невероятно взволнован. Я не сомневался, что по моему поведению в эту ночь он будет оценивать мою готовность стать настоящим учеником, а потому решил выполнять свою часть обряда с неослабевающим энтузиазмом.

За час до захода солнца он приготовил поднос с восемнадцатью чашечками, наполнив каждую особыми подношениями. Вручив поднос мне, он велел отнести его на холм к *питхе*. «Я скоро приду, — сказал он. — Мне нужно подготовить *паранг*. С его помощью этой ночью мы совершим в святилище особое поклонение».

Бережно неся поднос, я спустился вдоль рельсов и поднялся на песчаный холм. Моросил лёгкий дождь; я лишь надеялся, что он не усилится и не помешает церемонии. Поставив поднос возле священного кроваво-красного камня, я почувствовал естественную нужду. Помятуя о том, что холм — место сакральное, я спустился обратно к железнодорожному полотну. В этот момент напротив холма притормозил товарный поезд. Я как раз закончил своё дело, когда из темноты ко мне шагнул человек с фонарем, обходивший состав. Это был путевой обходчик. «*Каун хай тум?* — кто ты?» — резко спросил он на хинди.

«Я живу здесь с *бабаджи*, у железной дороги, — с улыбкой ответил я. — Сегодня *амавасья*, и мы проводим на холме особую *пуджу*. Мне бы только руки ополоснуть... У вас нет воды?».

Он застыл и с ужасом уставился на меня.

Вдруг он отчаянно закричал: «Беги! Прямо сейчас! Быстро, беги отсюда!».

Не понимая, что происходит, я снова заикнулся про воду.

«Какая, к чёрту, вода?! — заорал он, мёртвой хваткой вцепившись в моё плечо. — Этот безумец убьёт тебя сегодня ночью, если ты не уберёшься! Беги по путям прямо до станции Калка! Там есть вода! И немедленно всё расскажи станционному смотрителю!».

С этими словами он буквально вытолкнул меня на дорогу. Его панический страх мгновенно передался мне, и я со всех ног бросился к станции. О каком убийце твердил обходчик? Мелькнула мысль: может быть, в округе сбежал какой-то сумасшедший преступник?

Наконец, задыхаясь от бега и усталости, я вскарабкался с путей на перрон станции Калка. Увидев водопроводный кран, я жадно припал к нему, умылся и вымыл руки. Немного придя в себя, я отправился искать станционного смотрителя. В конторе сидел человек в синей железнодорожной форме.

«Простите, — обратился я к нему. — Меня направил к вам путевой обходчик. Он сказал, что кто-то хочет меня убить».

«Что вы такое говорите?!» — ошеломлённо привстал он.

«Понимаете, я последние дни жил с *бабаджи*, там, дальше по путям...».

Едва я произнёс эти слова, смотритель выскочил из-за стола и кликнул охранника в форме цвета хаки, с винтовкой на плече.

«Охраняй его! — приказал он. — Я побежал в полицию. Не выпускай его отсюда и никого не впускай в комнату!».

«О Господи, — похолодел я, глядя на закрывшуюся дверь. — Во что же я ввязался?».

Минут через пятнадцать смотритель вернулся в сопровождении полицейского инспектора и водителя. Инспектор потребовал удостоверить мою личность и подробно объяснить, что меня связывает с *бабаджи*. Я ответил на все вопросы, но решительно потребовал объяснить, что происходит.

«Именно поэтому я здесь, — мрачно ответил инспектор. — У нас есть веские основания подозревать, что этой ночью он планировал вас убить. Если вы напишете официальное заявление, мы немедленно примем меры».

«Понимаете, — вмешался смотритель, — железнодорожные рабочие уже давно замечают за этим *бабаджи* неладное. У него и раньше появлялись такие же наивные помощники, вроде вас, совсем не знакомые с его практиками. И все они исчезали один за другим».

Инспектор продолжил: «Мы не раз его допрашивали, но он всегда утверждает, что помощники просто внезапно уходили. Однако недалеко от холма, у рельсов, мы находили брошенную одежду со следами крови. Разумеется, он всё отрицает, а нам не хватает прямых улик. Но мы подозреваем, что на вершине холма он совершает человеческие жертвоприношения — *нарабали*. Ходят слухи, что он загубил уже двенадцать или тринадцать человек. Говорят, чтобы получить полную власть над стихиями природы, ему нужно принести в жертву тысячу жизней».

Вспомнив боевой тесак-*паранг*, приготовленный для обряда, я почувствовал, как по спине побежали ледяные мурашки. Однако связываться с полицией и участвовать в долгих расследованиях мне совершенно не хотелось. Стало ясно: пора немедленно уходить.

«Нужно было сразу послушать, что сказала *прашина*», — пробормотал я про себя.

«Знаете, господин инспектор, — обратился я к полицейскому, — я прожил с ним всего четыре дня, и лично мне он ничем не угрожал. Но я вижу, что ваши подозрения не напрасны. Возвращаться к этому *бабаджи* я, разумеется, не стану. Завтра же я уезжаю в Шимлу».

Станционный смотритель покачал головой: «О нём уже говорит вся округа. Люди клянут нас — железнодорожников и полицию — за бездействие. Если бы вы согласились дать показания, мы смогли бы наконец его остановить».

Но я ответил отказом. Всё это пока казалось лишь пугающими домыслами, а лично против меня *бабаджи* ничего сделать не успел. И всё же я с содроганием думал о том, что бы произошло этой ночью, не встретить я на путях обходчика. Станционный смотритель, искренне переживая за мою безопасность, разрешил мне переночевать у него дома. На следующее утро он посадил меня на автобус до Шимлы, сам заплатив за билет. В Шимле от одного из членов Теософского общества я узнал, что сейчас в Дхарамсале находится сам Далай-лама.

* * *

Примерно через полчаса в зал вошёл Далай-лама; его появление приветствовали звоном колокольчиков и мерцанием огней в масляных лампадах. Монотонное пение стихло, и все присутствующие, за исключением Его Святейшества и шестерых старших монахов, покинули помещение. Судя по всему, готовилось некое закрытое таинство.

Незамеченный никем, я прислонился к массивной колонне в самом конце зала и постепенно начал проваливаться в полудрему. Внезапно я почувствовал, как кто-то осторожно теревит меня за край одежды. Открыв глаза, я увидел монаха, который знаками

показывал, что мне следует приблизиться к Далай-ламе. Выйдя вперёд, я обнаружил, что Его Святейшество остался в зале совершенно один. Я благоговейно простёрся перед ним на полу, как до этого делали другие.

Он поинтересовался, что привело меня сюда, и я ответил, что искал возможности побеседовать с ним, после чего поведал историю своих долгих духовных скитаний. Далай-лама расспросил меня об образовании и языках, которыми я владею, а затем поинтересовался, насколько хорошо я знаком с учением Будды. Я честно признался, что мои познания весьма скудны. Тогда он тепло предложил мне остаться при монастыре для обучения, и я с благодарностью принял это приглашение. Вскоре позвали нескольких монахов — выходцев из Южной Индии, — которым поручили позаботиться обо мне.

Мне выделили скромную комнату. В последующие дни я заметил, что мысли Далай-ламы, казалось, были больше заняты вопросами независимости Тибета, геополитическими конфликтами и угрозой мировой войны, нежели преподаванием прикладного духовного руководства отдельным искателям. Спустя двенадцать дней, проведённых за чтением трактатов и посещением монотонных служб, я вдруг поймал себя на том, что совершенно безучастно гляжу из окна своей кельи на монахов, всё так же азартно играющих в бадминтон. Поняв, что мой путь здесь окончен, я оставил Его Святейшеству благодарственную записку и отправился в Дели.

В столице я нашел приют в сикхской *гурудваре*, где паломникам за символическую плату предоставляли чистый ночлег и простую горячую еду. К тому времени я окончательно изнемог от бесцельных скитаний и принял твёрдое решение: найти мирскую работу и просто вести честную, безгрешную жизнь.

Далай-Дама, духовный лидер последователей тибетского буддизма

Судьба свела меня в храме Ганеши с человеком по имени Лакхан Пал, который нанял меня консультантом в свою фирму по продаже телевизоров. Вспомнив свой прошлый управленческий опыт в компании «TVS», я быстро помог ему реорганизовать работу офиса и сделать её намного эффективнее. Однако вскоре его юная незамужняя дочь стала оказывать мне недвусмысленные знаки внимания. Испугавшись, что во мне вновь вспыхнет былое пламя страсти, я сбежал из этой фирмы всего через неделю после начала работы.

Так передо мной встала новая дилемма. Я искренне желал жить в городе скромно и честно, сохраняя ту внутреннюю чистоту и отречённость, которые усвоил за время скитаний в качестве *садху*. Но даже эта простая цель оказалась для меня непреодолимой.

К счастью, теперь у меня оставалось немного заработанных денег. Ночи я по-прежнему проводил в *гурудваре*, а целые дни напролёт бродил в своих шафрановых одеждах по шумным улицам Дели в поисках той самой истины, которую так и не смог обрести даже в ледяных пещерах Гималаев. Каждый день я посещал по одному или два религиозных собрания, внимательно слушая проповедников разных школ, но неизменно покидал эти залы с глубоким чувством пустоты и разочарования.

Глава 12. Север 5

(набросок).

Дели. Я решил найти работу, отказаться от алкоголя и курения, не совершать никаких других грехов, повторять «Вишну-сахасра-наму» и вести себя хорошо. Для начала я остановился в *гурудваре*. Однажды утром я пришел в храм Ганеши. Какой-то мужчина подошел и положил к стопам божества пять рупий. Когда он отошел, я спокойно взял эти деньги и направился к выходу.

Он догнал меня с возмущенным криком: «Вор! Вор!».

Вокруг немедленно собралась толпа. Я повернулся к нему и спокойно спросил: «Ну и что же я украл?».

«Ты украл пять рупий, которые я пожертвовал Ганеше!» — задыхаясь от гнева, воскликнул он.

Я ответил: «Ничего подобного. Ты дал пять рупий Ганеше, а он отдал их мне. Если ты не веришь, что Ганеша действительно взял твои деньги, тогда зачем ты вообще ему их пожертвовал? А если ты не веришь, что Ганеша дает деньги своим преданным, тогда зачем ты сам поклоняешься ему ради богатства?».

Он остолбенел от такой логики, а люди вокруг начали смеяться. Мужчина сразу стал немного смиреннее и спросил: «Вы *свами*?».

Я ответил, что меня зовут Атмананда Свами и я пришел из Ришикеша.

«О, пожалуйста, пойдете со мной!» — сказал он с глубоким уважением и тут же начал служить мне. Звали его Лакхан Пал.

Он привел меня в свой большой дом — это было солидное жилище успешного бизнесмена, занимавшегося торговлей телевизорами. Лакхан Пал познакомил меня со своей сестрой (она

была вдовой), матерью и слугами. Чуть позже он попросил, чтобы я зашел и к нему в офис. Там я совершенно случайно заметил серьезную ошибку в документе по страхованию работников, который лежал на столе в ожидании его подписи. Быстро посчитав в уме, я объяснил ему, что если эта бумага пойдет в ход, он потеряет ровно семь тысяч рупий. Его клерк смущенно признался, что так и не смог разобраться в правильной системе расчетов. В компании TVS это было как раз моей специализацией, поэтому всего за час я исправил все ошибки в документах. После этого я спросил у Лакхана насчет работы.

Я сказал, что могу обучить его служащих, и он немедленно пошел просить разрешения у своей бабушки. Та радостно ответила: «Мы сделаем всё, что пожелает Свами!».

Так я стал работать по четыре часа в день и жить в их большом доме. А в свободное время я рисовал изображения богов и богинь и дарил их сотрудникам офиса — теперь уж точно никто из них не сомневался, что я настоящий *свами*. Однажды в свой выходной я сидел дома. В тот день должна была состояться большая домашняя *пуджа*, которую обычно проводила сестра-вдова.

Бабушка попросила меня обязательно прийти, после чего вышла по делам. Как только мы остались одни, эта сестра подошла, благоговейно коснулась моих стоп и взмолилась: «У меня нет *гуру*! Пожалуйста, станьте моим *гуру*!».

Я мысленно чертыхнулся: «Ох-ох, только не это!», вслух многозначительно произнес: «Ом», — и поскорее ретировался в домашнюю библиотеку.

Сразу после ужина я предупредил, что пойду немного погулять. И просто сбежал. После этого я начал ходить по различным религиозным организациям Дели. Похоже, какая-то

высшая воля настойчиво не давала мне вернуться к обычной материальной жизни. Я думал: «Ну хорошо, может, истина скрывается здесь? Надо взглянуть». Я обошел огромное количество самых разных обществ, но под конец стал приходить к горькому выводу, что все они — просто обманщики.

Однажды на улице я увидел огромный красочный плакат: «Бхагаван Раджниш — Сады Талкатора».

Сады Талкатора — это знаменитая площадка в Дели, где обычно выступали очень важные персоны, такие как Саи Баба или Чинмаянанда. Место это было хорошо известным, и проводились там в основном мероприятия религиозной направленности. Узнав дорогу, я направился туда. Программа должна была начаться в пять часов вечера, но я пришел заранее. Кресло посреди сцены уже было аккуратно накрыто белой тканью, а к его спинке были приколоты живые цветы. При этом из мощных усилителей на всю округу гремела западная музыка.

Я спросил у стоящего рядом *санныяси*, что здесь происходит, и он ответил, что сейчас будет выступать очень великий человек, которого все зовут Бхагаван Раджниш Ошо.

Мой взгляд привлекла женщина с ярко-рыжими волосами, которая, судя по всему, была одним из главных организаторов. Я подошел к ней и завёл разговор. Звали ее Маа Ганга.

Маа Ганга повела меня на прогулку по саду, непрерывно сыпля смешными словечками из лексикона хиппи. Сначала она пустилась в рассуждения о том, что такое настоящая медитация, приносящая чувство глубокого удовлетворения. По ее словам, обычные люди от глупости взрывают мосты, а те, кто считает себя нормальными, живут в постоянной подавленности и разочаровании. Мы долго ходили туда-сюда по дорожкам. Она объясняла, что одни люди выражают свои желания неправильно,

другие их болезненно подавляют, и только Бхагаван дает единственный верный способ их выражения. Он не навязывает никаких слишком высоких идеалов, которым никто не в силах следовать, — он дает людям ровно то, что они способны принять, и помогает им расти прямо с этой точки. Слушая этот поток сознания, мы успели дважды обойти весь сад.

Я заметил, что остальные последователи Раджниша относятся к ней с большим почтением. К нам подошла индийская женщина в красном платье и с очень коротко подстриженными волосами (в Западной Индии с такой прической обычно ходят проститутки). Однако Маа Ганга весьма уважительно её поприветствовала. Женщина сообщила, что Раджниш уже приехал, поэтому пора возвращаться к сцене.

Всё пространство перед сценой стремительно заполнилось народом. Под грохочущую музыку в стиле «бум-бум» парни и их цыпочки раскованно приплясывали, и многие из них казались изрядно пьяными. На сцену вышли двое — известный киноактер и лидер делийских последователей Раджниша; они полчаса толкали речи на хинди. Сам Раджниш в это время беспокойно сидел в своем белом кресле: он непрерывно болтал ногами и нервно ёрзал на месте. С виду он был вылитый Распутин.

Затем он снова заговорил, объявив, что сейчас будет демонстрировать *самадхи*, и встал. На сцену поднялись двадцать пять или тридцать женщин и несколько мужчин. Он давал им инициацию. Одна женщина буквально скатилась со сцены, когда он дотронулся до точки между её бровей. Мне всё это живо напомнило христианские сеансы исцеления. Некоторые люди просто падали в обморок.

После этого он сказал: «Сейчас мы включим музыку, и каждый сможет делать всё, что захочет. Можете рвать на себе рубашки, бегать туда-сюда, прыгать и так далее».

Ошо, Бхагаван Шри Раджниш (1931 – 1990)

«У меня нет системы. Системы могут быть только мёртвыми. Я — бессистемный, анархический поток, я даже не личность, а просто некий процесс. Я не знаю, что я говорил вам вчера». «...Цветок груб, аромат тонок... Вот что я пытаюсь сделать — свести воедино все цветы тантры, йоги, Дао, суфизма, дзэна, хасидизма, иудаизма, мусульманства, индуизма, буддизма, джайнизма...». «Истина — вне конкретных форм, установок, вербальных формулировок, практик, логики, а её постижение осуществляется хаотическим, а не систематическим методом». «Я — начало абсолютно нового религиозного сознания», — говорил Ошо, — «Пожалуйста, не связывайте меня с прошлым — его не стоит даже и вспоминать».

Ещё даже до того, как заиграла музыка, некоторые начали истерично хохотать. Когда же из колонок ударил ритм, они стали сходить с ума, а сам он невозмутимо сидел посередине и покачивал головой, наблюдая за тем, что творилось вокруг. Огромная толпа индусов в Дели буквально сходила с ума! Какая-то женщина истошно визжала, потому что кто-то сзади тянул её за *сари*.

Это безумие продолжалось минут десять. Затем он снова взял микрофон: «Вот это и есть *самадхи*! Вы нашли своё самое скрытое желание и просто позволили ему проявиться».

Обычно мне всегда было интересно поговорить с новым *гуру* после программы, но только не с этим. Выходя из зала, я увидел, как Маа Ганга проповедует какому-то индусу из Пенджаба. Он стоял рядом с ней и возмущенно говорил: «Я член общества *йоги*. Как же вы можете называть *самадхи* то, что здесь происходит? Вы просто включили дикую музыку и заставляете людей делать глупости!».

Она снисходительно ответила ему: «Вы просто находитесь на начальной стадии развития, а мы здесь уже достигаем вершины».

Индус был глубоко разочарован. «Вас просто обманывают», — бросил он и ушёл.

Тогда она повернулась ко мне и посетовала: «Многие индусы слишком узко мыслят. Этот человек не видит вообще ничего хорошего в том, что мы делаем, — он просто полностью отвергает наш опыт с самого начала. Но наша линия заключается в том, чтобы держать ум открытым и уважать абсолютно всё».

Я спросил: «А вы сами живете в ашраме Раджниша в Дели?».

«Нет, нет! — поморщилась она. — Там нет никакого спокойствия. Туда постоянно приходит слишком много странных людей. Я живу в ашраме Ауробиндо».

Она пригласила меня поехать с ней, объяснив, что двое буддистов назначили ей там встречу. Мы сели в небольшой микроавтобус, покрашенный в фирменные цвета Раджниша, высадили несколько человек возле его делийского центра и поехали в ашрам Ауробиндо. Там у неё была собственная комната с личным поваром-служкой. Ровно в 8:30 пришли двое буддистов — молодые индусы из Делийского университета, одетые, как тибетские *ламы*, в пурпурные одежды.

Они сразу перешли к делу: «Как именно Раджниш определяет *санньясу*?»

Она ответила: «*Санньяси* — это тот, кто ни к чему не привязан и не чувствует вины ни за один свой поступок».

Студенты переглянулись: «Мы слышали, что если человек может без конца заниматься сексом, то он и есть истинный *санньяси*. Как такое вообще возможно?».

Она уверенно объяснила: «Да, человек достигает такого уровня сознания, когда секс вообще перестает на него влиять».

Один из буддистов усомнился: «Ну а если человек просто физически не в состоянии столько заниматься сексом?».

Она не растерялась: «Ум и тело всегда растут вместе. Когда человек достигает этого возвышенного уровня, где он ничего не отвергает и не подавляет, его тело естественным образом *получает* способность к неограниченному сексу. Взгляните на *Бхагавана* — он может делать это постоянно, но это никак на него

не влияет. Он не чувствует ни усталости, ни вины. Правда, лишь несколько человек в мире пока достигли такого понимания».

В подтверждение своих слов она назвала несколько имён тех, кто якобы обладал этой способностью, упомянув среди них и ту самую короткостриженную индийскую женщину в красном платье.

Другой буддист задал новый вопрос: «А почему вы вообще называете его Бхагаван? И зачем вы используете священные термины из ведических и буддийских писаний, если сами эти писания строго запрещают подобные действия?».

Она ответила: «В любом случае все эти традиционные методы из писаний давно устарели. Вот вы, например, пытаетесь следовать *брахмачарье*, но стоит вам хоть немного отклониться от этого обета, как всё ваше духовное развитие тут же пропадает. В наше время люди просто не могут следовать столь суровым правилам. Поэтому наш метод — превратить слабость в силу, сделать так называемый грех нашей собственной *садханой*. Это новое толкование, модернизация древних ведических идей. И мы называем его Бхагаваном именно потому, что совершить такую революцию под силу только Бхагавану!»

У буддистов больше не нашлось вопросов, и они попрощались. Когда студенты ушли, Маа Ганга немного рассказала мне о себе. Она была родом из штата Мадхья-Прадеш, хотя её родители приехали с Запада. Выросла она в закрытой общине иностранцев-вегетарианцев. Приехав поступать в институт в Пуне, она случайно встретила кого-то из последователей Раджниша и примкнула к движению. По происхождению она была испанкой, но её семья жила в Индии ещё со времён дедушки. На прощание я попросил у неё несколько книг Раджниша, и она с радостью мне их дала.

«Я внимательно их почитаю, а потом обязательно приду ещё», — пообещал я.

Задав ей ещё пару второстепенных вопросов, я ушел. В следующее воскресенье я действительно вернулся — сначала посетил лекцию в ашраме Ауробиндо, а потом направился к её комнате. Я был настроен решительно и собирался устроить грандиозный спор, поскольку всё, что я прочитал за эту неделю, было соткано из сплошных противоречий. Я вообще не нашел в этих книгах никакой внятной философской доктрины!

Слуга попросил меня немного подождать, объяснив, что хозяйка вот-вот закончит омовение. Я мысленно репетировал аргументы, готовясь к жаркой дискуссии.

Вскоре она вышла в комнату и села напротив. Но прежде чем я успел открыть рот, она тихо призналась: «Знаете, я всерьёз подумываю о том, чтобы уйти от последователей Раджниша».

Я опешил: «Почему?»

«Я здесь уже шесть лет, но так и не смогла избавиться от глубокого отвращения к тому, что на самом деле происходит в нашем ашраме. Я не курю и не ем мясо — меня воспитали в такой строгости, что я просто физически не могу этого делать. А они постоянно твердят, что это мои комплексы и недостатки, от которых я обязана немедленно избавиться. Более того, на так называемых сеансах медитации они занимаются групповым сексом — любой мужчина с любой женщиной! А я просто не могу в этом участвовать. Меня сделали официальным лицом движения, и теперь они постоянно давят на меня, заявляя, что моя сдержанность — это проявление ложного эго и гордыни. Но я просто... просто не знаю! Есть вещи, через которые я не могу переступить. Они требовали, чтобы я поехала на Запад „становиться свободной“, но я наотрез отказалась. Единственное,

что мне здесь по-настоящему нравится, — это философия. Мне нравится рассказывать людям об идеях. Но здесь не ценят даже этого! Хотя я беру эти мысли у самого Раджниша, остальные считают, что я просто притворяюсь заумной интеллектуалкой».

Тут я буквально подпрыгнул на месте: «О какой философии вы вообще говорите?! Я внимательно прочитал все эти книги и не нашел там ни грамма философии! Там нет ни одного четкого определения. Он постоянно использует слова „ум“, „тело“, „душа“, но их истинный смысл полностью теряется из-за того, как вольно и хаотично он ими жонглирует. У вашего движения нет ни духовной традиции, ни философского развития! Всё ваше „учение“ сводится к тому, что студенты спорят друг с другом, а в письменных комментариях каждый просто отражает свою личную точку зрения. Это не писания, а просто пустые слова Раджниша! Причем говорит он в основном только о сексе. Но ведь человеческое сознание состоит не только из секса! Вы всё время твердите: „Принимайте всё, держите ум открытым“. Но лично мне ваша позиция кажется крайне узколобой! Вы ведете себя так, будто ум и интеллект — это какое-то абсолютное зло. Поймите же, вы всего лишь вывернули наизнанку тех самых традиционалистов, которых так яростно критикуете! Они говорят: „Секс — это плохо, а возвышенные духовные устремления — это хорошо“. А вы заявляете ровно обратное: „Возвышенные устремления — это плохо, а секс — это хорошо“. И как такое примитивное бунтарство можно называть широкими взглядами? Почему иметь чистые мысли — это плохо? Почему не курить — это плохо? Чем плохо не есть мясо?».

Она грустно посмотрела на меня и сказала: «Моя главная проблема в том, что у меня нет спутника жизни. Я женщина. Мне нужен мужчина, который будет любить меня и защищать. Мне нужен тот, кто просто протянет мне руку. Я не хочу жить греховно! Но мне так тяжело в одиночку вырваться из той грязи, в которой я сейчас оказалась».

Меня поразило, что она сама употребила слово «греховно», и я тут же указал ей на это противоречие: «Ваш *Бхагаван* утверждает, что если человека привлекает благочестивая деятельность и отталкивает грех, то он никогда не осознает истину, поскольку находится в ловушке двойственности. А вы прямо сейчас говорите о грехе и чувстве вины! Лишь несколько дней назад вы убеждали тех мальчиков-буддистов, что *санньяса* означает полное отсутствие вины. Так какова же ваша настоящая позиция?».

Она ничего не ответила.

А затем она с мольбой в голосе стала просить меня: «Если вы мне поможете, я смогу выбраться отсюда!».

Я испуганно открестился: «Эй, извините, но я *свами*! Никаких девушек!».

Однако спустя несколько дней я всё же заглянул к ней, чтобы узнать, как она поживает. Она была одета в простые белые одежды — *курту* и *лунги*. На шее больше не было раджнишевской *малы*, а в комнате исчез красный цвет.

Я удивился: «Эй, что здесь произошло?».

Она улыбнулась: «Я полностью порвала с ними сразу после нашего последнего разговора». На её столе лежали стопкой книги Шивананды.

«Знаешь, я в своё время перечитал все эти книги», — заметил я.

«Вы как-то упоминали, что жили в его ашраме, вот я и решила их почитать».

«Да, но в них тоже нет окончательного вывода, они не приводят к высшей цели», — предупредил я.

Она посмотрела мне в глаза и сказала: «Я нашла в себе силы уйти от Раджниша только благодаря вам. Но вы так и не сказали мне, в чём же заключается этот окончательный вывод!».

«Милая, я и сам этого ещё не знаю», — честно признался я.

«Тогда давайте искать его вместе!».

Я сразу попросил её забыть об этой идее. Но при этом я чувствовал, что просто бросить её одну в такой сложной ситуации было бы не очень хорошо и не по-человечески.

Поэтому я мягко сказал: «Знаешь, я продолжаю свои поиски. И обещаю: когда я найду истину, я обязательно дам тебе знать».

Она написала мне свой новый адрес на клочке бумаги, но позже, выйдя из *ашрама*, я просто выбросил его в реку.

На этом записи заканчиваются...